

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО.

VI.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

въ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были
съ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С. Петер-
бургъ, 20 Сентября 1834 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

СТИХОТВОРЕНІЯ
В. ЖУКОВСКАГО.

ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

Смѣсь.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Экспедиціи заготовленія Государственныхъ Вумагъ.

—
1836.

СТЯЖАТЕЛЬНИ

В. ЖАКОВСКИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТЪ ПЕРВЫЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе Книгопродавца Александра Смирдина.

1881

БИБЛІЯ.

Кто сердца не питалъ, кто не былъ восхищенъ
Сей книгой, отъ небесъ Евреямъ вдохновенной!
Ея божественнымъ огнемъ воспламененъ,
Полночный нашъ Давидъ на лирѣ обновленной
Пророческую пѣснь псалтыри пробуждалъ —
И съверъ дивному пѣвцу рукоплескалъ.
Такъ, тамъ, гдѣ цвѣлъ Эдемъ, на брегѣ Иордана,
На гордыхъ высотахъ сѣнистаго Ливана
Живетъ восторгъ; туда, туда спѣши, пѣвецъ;
Тамъ міръ въ младенчествѣ предстанетъ предъ тобою,
И мощный, мыслию сопутствуемъ одною,
Въ чудесномъ торжествѣ творенія Творецъ.....
И слова дивнаго прекрасное рожденье,
Се первый человѣкъ; вкусилъ минутный сонъ —
Подругу сладкое даруетъ пробужденье.

Уже съ невинностью блаженство тратить онъ.
Поверженъ праведникъ — о грозный Богъ! о мщенье!
Се воды хлынули..... земли преступной нѣтъ;
Одинъ, путеводимъ Предвѣчнаго очами,
Возносится ковчегъ надъ бурными валами,
И въ немъ съ Надеждою таится юный свѣтъ.
Вы, пастыри, вожди племеньъ благословенныхъ,
Иаковъ, Авраамъ, восторженный мой взглядъ
Васъ любить обрѣтаетъ, могущихъ и смиренныхъ,
Въ родительскихъ шатрахъ, среди шумящихъ стадъ;
Сколь вашей простоты величїе плѣняетъ!
Сколь на востокъ намъ вашъ славный слѣдъ сілетъ!...
Не ты ли, тихій гробъ Рахили предо мной?....
Но сынъ ея зоветъ меня ко берегу Нила;
Напрасно злобы сѣть невинному грозила;
Живъ Богъ — и онъ спасенъ. О! сладкія съ тобой,
Прелестный юноша, мы слезы проливали.
И нѣтъ тебя..... увы, на чуждыхъ берегахъ
Сыны Израїля въ гоненіи, въ цѣпяхъ
Скорбятъ..... но небеса склонились къ ихъ печали;
Кто ты, спокойное дитя средъ шумныхъ волнъ?
Онъ, онъ, Евреевъ щитъ, ихъ плѣна разрушитель!
Спѣши, о дщерь царей, спасай чудесный чолнъ;
Да не дерзнетъ къ нему приблизиться губитель —
Въ сей колыбели скрытъ Израїля предѣлъ.
Раздвинься, море..... пой, Израїль, искупленье!
Синай, не ты ли день завѣта въ страхъ зрѣлъ?

Но на твою ль главу, дрожащую въ смятенѣхъ,
Гремящимъ облакомъ Егова низлетѣль?
Реку ль—и дивный столпъ, въ день мрачный, въ
ночь горящій,
И изумленную пустыню отъ чудесъ,
И солнце, ставшее незапно средь небесъ,
И Руѣхъ, и отъ руки Сампсона храмъ дрожащій,
И дѣву юную, которая въ слезахъ,
Среди младыхъ подругъ, на отческихъ горахъ,
О жизни сѣтуя, два мѣсяца бродила?.....
Но что? рука Судей Израиль утомила;
Неблагодарнымъ въ казнь, Царей послалъ Творецъ;
Саулъ помазанъ—паль—и пастырю вѣнецъ;
Отъ племени его народовъ Искупитель;
И воину-царю наслѣдникъ царь-мудрецъ.
Гдѣ вы, Левиты? Ждетъ божественный строитель;
Стеклись..... о торжество! храмъ вѣчный заложенъ.
Но что? ужъ десяти во градъ нѣтъ колѣнъ!.....
Падите, идолы! рассыптесь въ прахъ, божницы!
Се въ блескъ Иліа на небо возпарилъ!...
Иду подъ вашу сѣнь, Товія, Рагуилъ....
Се мужи Промысла, Предвѣчнаго зѣницы;
Грядущія лѣта какъ прошлыя для нихъ—
И въ часъ показанный народы исчезаютъ.
Увы, Сидонъ! навѣкъ подъ пепломъ ты утихъ!.....
Какія воли токъ Эвфрата возмущаютъ?
Ты, плакавшій въ плѣну, на вражескихъ брегахъ,

Іуда, ободристь; возходитьъ день спасенья!
Смотри: сія рука, разитель преступленья,
Несеть тирану казнь, другимъ тиранамъ въ страхъ.
Сіонъ, восторжествуй свиданье съ племенами;
Се Эзра, Маккавей съ могущими сынами;
И се Младенецъ-Богъ Мессія въ пеленахъ.

ПРАМАТЕРЬ ВНУКЪ.

Мое дитя, со мною отъ купели
Твой первый шагъ житейскій соверши;
Твои глаза едва еще прозрѣли;
Едва зажженъ огонь твоей души.....
Но ризой ты вѣнчальной ужъ одѣта,
Обручена съ священнымъ бытіемъ;
Тебя несетъ праматерь къ прагу свѣта:
Отвѣдать жизнь предъ вѣчнымъ алтаремъ.

Не чувствуя, не видя и не зная,
Ты на моихъ покоишься рукахъ;
И Благодать, младенчеству родная,
Тебя принять готова въ сихъ вратахъ;
Съ надеждою, съ трепещущимъ молениемъ
Я подхожу къ святынѣ ихъ съ тобой:
Тебя явить предъ вѣчнымъ Провидѣниемъ,
Его рукъ повѣрить жребій твой.

О часъ судьбы! о тихій мой младенецъ,
Пришедъ со мной къ предѣлу двухъ міровъ,
Ты ждешь, земли недавній уроженецъ,
Чтобъ для тебя поднялся тотъ покровъ,
За коимъ все, что вѣрно въ жизни нашей.
Приступимъ..... дверь для насъ отворена;
Не трепещи предъ сею тайной чашей —
Тебѣ несетъ небесное она.

Пей жизнь, дитя, изъ чаши Провидѣнья
Съ младенчески-невинною душой;
Мы предстоимъ святилищу спасенья,
И здѣсь его престоль передъ тобой;
Къ сей пристани таинственно дорога
Проложена сквозь опытъ бытія....
О новое дитя въ семействѣ Бога,
Прекрасная отчизна здѣсь твоя.

Сюда иди покорно и смиренно
Со всѣмъ, что жизнь тебѣ ни удрать;
Небесному будь въ сердцѣ неизмѣнно —
Небесное тебѣ не измѣнить.
Что ни придетъ съ незнаемымъ грядущимъ —
Все будетъ даръ хранительной руки;
Мы на землѣ повсюду съ Вездѣсущимъ;
Вездѣ къ Нему душой недалеко.

Свершилось!... Ты ль, посоль небесъ крылатый,
Исходишь къ ней изъ таинственныхъ вратъ?
Ты ль, Промысломъ назначенный вожатый,
Земной сестрѣ небесный, вѣрный братъ?
Прими жь ее, божественный хранитель;
Будь въ радости и въ скорби съ сей душой;
Будь жизни ей утѣшный изъяснитель,
И не покинь до родины святой.

ПѢСНЬ
НА ПРИСЯГУ
НАСЛѢДНИКА.

На древней высотѣ Кремля,
Въ великій праздникъ Воскресенья
Узрѣла Русская земля
Прекрасный день Его рожденья.

Смѣнялся быстро годомъ годъ:
Онъ сбросилъ дѣтскую одежду
И въ Немъ привѣтствуетъ народъ
Россіи свѣтлую надежду.

И умилительный обрядъ,
Встрѣчая праздникъ Воскресенья,
Свершаетъ нынѣ Петроградъ
Въ прекрасный день Его рожденья.

Въ храмъ Божій входитъ Царскій Сынъ,
И руку къ небесамъ подѣмлетъ;
Предъ Нимъ Отецъ и Властелинъ;
Присягу Сына Царь пріемлетъ.

Съ благословеніемъ вонми
Словамъ души Его младыя,
И къ небу руку подыми
Съ Нимъ вмѣстѣ, вѣрная Россія.

Молись, да долго Свой вѣнецъ
Нося, примѣръ владыкамъ славный,
Упрочить благостью Отецъ
И правдой тронъ самодержавный:

Чтобъ Сыну власть легка была,
Чтобъ могъ свершать дѣла благія,
Чтобы на долги дни могла
Возблагоденствовать Россія.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Боже, Царя храни;
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный;
Боже Царя храни.

2.

Слава на небѣ солнцу высокому,
На землѣ Государю Великому.
Слава на небѣ утру прекрасному,
На землѣ Государынѣ ласковой.
Слава на небѣ ясному мѣсяцу,
На землѣ Государю Наслѣднику.
Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи,
Сыновьямъ, Дочерямъ Государевымъ,
И Великому Князю съ Княгинею.

Слава громамъ, играющимъ на небѣ,
Слава храброму Русскому воинству.
Слава небу всему лучезарному,
Слава Русскому Царству великому.
Веселися ты, солнце небесное,
Многи лѣта Царю Благовѣрному. —

3.

Боже, Царя храни;
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все низпошлю.

КЪ ФИЛОНУ.

Блаженъ, о Филонъ, кто Харитамъ-богинямъ жертвы
приноситъ.

Какъ свѣтлые дни легкокрылаго Мая въ блескъ
весеннемъ,

Какъ волны ручья, озаренны улыбкой юнаго утра,
Дни его легкимъ полетомъ летятъ.

И полный фіалъ, освященный устами дѣвъ полно-
грудыхъ,

И лира, въ кругу окриляемыхъ пляской Фавновъ
звѣняща,

Да будутъ отъ насъ, до низхода въ предѣлы тай-
наго міра,

Граціямъ, дѣвамъ стыдливости, даръ.

И горе тому, кто Харитамъ противень; низкія
мысли

Его отъ земли не возходить къ Олимпу; богъ пѣ-
снощныя

И нѣжный Эротъ съ нимъ враждуютъ; напрасно
лиру онъ строить:

Жизни въ упорныхъ не будетъ струнахъ.

НЕВЫРАЗИМОЕ.

(ОТРЫВОКЪ.)

Что нашъ языкъ земной предъ дивною природой?
Съ какой небрежною и легкою свободой
Она разсыпала повсюду красоту
И равновидное съ единствомъ согласила!
Но гдѣ, какая кисть ее изобразила?
Едва, едва одну ея черту
Съ усиліемъ поймать удастся вдохновенью....
Но лзя ли въ мертвое живое передать?
Кто могъ созданіе въ словахъ пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?....
Святые таинства, лишь сердце знаетъ васъ.
Не часто ли въ величественный часъ
Вечерняго земли преображенья —
Когда душа смятенная полна
Пророчествомъ великаго видѣнья
И въ безпредѣльное унесена —
Спирается въ груди болѣзненное чувство,
Хотимъ прекрасное въ полетъ удержать,

Непареченному хотимъ названье дать,
И обезсиленно безмолвствуетъ на чувство?
Что видимо очамъ — сей пламень облаковъ
По небу тихому летящихъ,
Сіе дрожанье водъ блестящихъ,
Сія картины береговъ
Въ пожаръ пышнаго заката —
Сія столь *яркїя черты*
Легко ихъ ловить мысль крылата,
И есть слова для ихъ блестящей красоты.
Но то, что слито съ сей блестящей красотою —
Сіе столь смутное, волнующее насъ,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающаго гласъ,
Сіе къ далекому стремленье,
Сей инновавшаго привѣтъ
(Какъ прилетѣвшее незапно дуновение
Отъ луга родины, гдѣ былъ когда-то цвѣтъ
Святая молодость, гдѣ жило упованье),
Сіе шепнувшее душѣ воспоминанье
О миломъ радостномъ и скорбномъ етарини,
Сія сходящая святыня съ вышини,
Сіе присутствіе Создателя въ созданьѣ —
Какой для нихъ языкъ?... Горѣ душа летитъ,
Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится
И лишь молчаніе понятно говорить.

МНОГОЛѢТІЕ.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадедами встарь.

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердить;
Съ ней по цѣлому полесѣту
Имя Царское гремить.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится Русское ура
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

Съ ней во дни Петровы Шведу
Русскій путь загородилъ,
И за Нарвскую побѣду
Днемъ Полтавы отплатилъ.

Съ ней во дни Екатерины
Славень сталъ нашъ Русскій штыкъ,
И Кагульскія дружины,
И Суворовскій Рымникъ.

Съ нею грозно запылала
Вѣнценосная Москва,
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.

Въ наши дни перешагнула
Съ нею рать Балкановъ грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.

Прогреми жъ до граней свѣта
И по всѣмъ сердцамъ ударъ,
Наша пѣсня: *многи лѣта,*
Православный Русскій Царь!

ДВѢ ПѢСНИ.

I.

Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ?

Прошлою весною

Здѣсь поплъ ее потокъ

Свѣжею струёю?....

Нѣтъ ее; весна прошла,

И фіалка оцвѣла.

Розы были тамъ въ сѣни

Рощицы тѣнистой;

Оживляли доль они

Красотой душистой....

Лѣто быстрое прошло,

Лѣто розы унесло.

Гдѣ фіалку я видалъ,
Тамъ потокъ игривой
Сердце въ думу погружалъ
Струйкой говорливой....
Пламень лѣта былъ жестокъ;
Изощенный смолкъ потокъ.

Гдѣ видалъ я розы, тамъ
Рощица, бывало,
Въ зной пріютъ давала намъ.....
Что съ пріютомъ стало?
Вѣтръ осенній бушевалъ,
И пріютный листъ опалъ.

Здѣсь не рѣдко по утрамъ
Мнѣ пѣвецъ встрѣчался,
И живымъ его струнамъ
Отзывъ откликался.....
Нѣтъ его; пѣвецъ увялъ;
Съ нимъ и отзывъ замолчалъ.

II.

Птичкой пѣвицею
Быть бы хотѣлъ;
Съ юной денницею
Я бѣ прилетѣлъ
Первый къ твоимъ дверямъ;
Въ нихъ бы порхнулъ,
И къ молодымъ грудямъ
Милой прильнулъ.

Будь я сіяніемъ
Дневныхъ лучей,
Слитый съ пылаіемъ
Яркихъ очей,
Щеки бѣ румяныя
Жарко лобзалъ,
Въ перси бы рдѣныя
Вкравшись, пылалъ.

Если бѣ я сладостнымъ
Былъ вѣтеркомъ,
Вѣяньемъ радостнымъ
Тайно кругомъ
Милой леталъ бы я;
Съ доловъ, съ луговъ
Къ ней привѣвалъ бы я
Запахъ цвѣтовъ.

Сталь бы я, сталь бы я,
Эхомъ лѣсовъ;
Все повторялъ бы я
Милой: любовь.....
Ахъ! но напрасное
Я загадалъ;
Тайное, страстное
Кто выражалъ?

Птичка, небесный цвѣтъ,
Бѣгъ вѣтерка,
Эха лѣсной привѣтъ
Изъ далека
Быстры, но ясное
Намъ безъ рѣчей,
Тайное, страстное
Все ихъ быстрый.

УЕДИНЕНІЕ.

(ОТРЫВОКЪ).

Дружись съ *Уединеньемъ!*
Изнѣженъ наслажденьемъ,
Сынъ свѣта незнакомъ
Съ симъ добрымъ Божествомъ,
Ни труженикъ унылый,
Безмолвный рабъ могилы,
Презрѣвшій Божій свѣтъ
Степной Анахоретъ.
Ужаснымъ привидѣньемъ
Предъ ихъ воображеньемъ
Является оно:
Какъ тьмой облечено,
Одеждою печальной,
И въ урнѣ погребальной
Приникшее чело;

И въ сумракъ кругомъ,
Объять безмолвной думой,
Совѣтъ его угрюмой:
Съ толпой видѣній *Страхъ*,
Унылое *Молчанье*,
И мрачное *Мечтанье*
Съ безуміемъ въ очахъ,
И душъ холодныхъ мука,
Губитель жизни, *Скука*....
О! видъ совсѣмъ иной
Для тѣхъ оно пріемлетъ;
Кто зову сердца внемлетъ,
И съ мирною душой,
Младенецъ простотой,
Велѣдъ Промысла стремится,
Ни свѣта, ни людей
Угрюмо не дичится,
Но счастья жизни сей
Отъ нихъ не ожидаетъ,
А въ сердцѣ заключаетъ
Прямой источникъ благъ.
Съ улыбкой на устахъ,
На дружественномъ лонѣ
Подруги-*Тишины*,
Въ сіяніи весны,
Простертая на тронѣ
Изъ лицъ молодыхъ,

Какъ райское видѣнье,
Себя являетъ ихъ
Очамъ *Уединенъе*.
Вблизи подъ сѣнью миртъ
Кружится рой *Харитъ*,
И пляску соглашаетъ
Съ струнами *Аонидъ*;
Смотря на нихъ, смягчаетъ
Наука строгій видъ,
При ней сынъ размышленья
Съ веселымъ взглядомъ *Трудъ* —
Въ рукъ его сосудъ
Счастливаго забвенья
Сразившихъ душу бѣдъ,
И радостей минувшихъ,
И сердце обманувшихъ
Разрушенныхъ надеждъ;
Тамъ зрится *Отдыхъ* ясный,
Труда веселый другъ,
И сладостный *Досугъ*,
И три сестры, прекрасны,
Какъ юная весна:
Вчера-воспоминанье,
И *Нынѣ*-тишина,
И *Завтра*-упованье;
Сидятъ рука съ рукой,
Та съ розой молодой,

Та съ розой облетѣлой
А та, мечтой веселой
Стремяся къ небесамъ,
Въ ихъ тайну проникаеть,
И радуясь сливается
Невѣдомое намъ
Въ магическое *тамъ*.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ

ДМИТРИЕВУ.

Нѣтъ, не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчноюный,
Твоя пора: твой геній бодръ и свѣжъ;
Ты пробудилъ давно молчавши струны,
И звуки насъ плѣнили тѣ жъ.

Нѣтъ, никогда ничтожный прахъ забвенья
Твоимъ струнамъ коснуться не дерзнетъ:
Невидимо, ихъ Геній вдохновенья,
Всегда крылатый, стережетъ.

Державина струнамъ родныя, плѣли
Они дѣла тѣхъ чудныхъ прошлыхъ лѣтъ,
Когда вездѣ мы битвами гремѣли,
И битвамъ тѣмъ дивился свѣтъ.

Ты намъ възпѣлъ : „ какъ буйные Титаны,
„ Смутившіе Астреи нашей дни,
„ Ея орломъ низринуты, поправны;
„ Въ прахъ! въ прахъ! рекла.... и гдѣ они?“

И нынѣ то жъ, пѣвецъ двухъ поколѣній,
Подъ сѣдиной ты третьему поешь,
И намъ, твоихъ питомцамъ вдохновеній,
Въ часъ славы, руку подаешь.

Я помню дни — магически мечтою
Былъ для меня тогда разубранъ свѣтъ —
Тогда, являсь, сорвалъ передо мною
Покровъ съ поэзіи поэтъ.

Съ задумчивымъ, безмолвнымъ умилениемъ
Твой голосъ я подслушивалъ тогда,
И вопрошалъ судьбу мою съ волнениемъ :
„ Наступитъ ли и мнѣ чреда?“

О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,
Былъ съ нами онъ, теперь ужъ не земной,
Онъ, для меня живое Провидѣнье,
Онъ, съ юности товарищъ твой.

О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный ангелъ обиталъ!...

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россія вѣрный сынъ;
И будить въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ.

А ты цвѣти, пѣвецъ, нашъ вдохновитель,
Младый душой подъ снѣгомъ старыхъ дней;
И долго будь намъ въ старости учитель,
Какъ былъ во младости своей.

ЛИСТОКЪ.

Отъ дружной вѣтки отлученный,
Скажи, листокъ уединенный,
Куда летишь? . . . „ Не знаю самъ;
„ Гроза разбила дубъ родимый;
„ Съ тѣхъ поръ, по доламъ, по горамъ
„ По волѣ случая носимый,
„ Стремлюсь, куда велитъ мнѣ Рокъ,
„ Куда на свѣтъ *все* стремится,
„ Куда и листъ лавровый мчится,
„ И легкій розовый листокъ. “

ДРУЖБА.

Скатившись съ горной высоты,
Лежалъ на плахѣ дубъ, перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ, кругомъ его обвитый.....
О дружба, это ты!

КЪ ДЕЛІЮ.

(Подражаніе Горацію).

Умѣренъ, Делій, будь въ печали
И въ счастіи не ослѣпленъ:
На мигъ намъ жизнь безсмертны дали;
Всѣмъ путь къ Тенару проложенъ.
Хотя бѣ заботы насъ томили,
Хотя бѣ Токайское вино
Мы, нѣжась на дернѣ, пили —
Умремъ: такъ Діемъ суждено.
Неси жь сюда, гдѣ тополь съ ивой
Изъ вѣтвѣй соплетаютъ кровь,
Гдѣ вьется ручеекъ игривой
Среди излучистыхъ береговъ,
Вино, и масти ароматны,
И розы, дышущія мигъ.

✱

О Делій, годы невозвратны:
Играй — пока нить дней твоихъ
У черной Парки подъ перстами;
Ударить часъ — всему конецъ;
Тогда, прости и лугъ съ стадами,
И твой изъ юныхъ розъ вѣнецъ,
И соловья пріятны трели
Въ лѣсу вечернею порой,
И звукъ пастушеской свирѣли,
И домъ, и садикъ надъ рѣкой,
Гдѣ мы, при факелѣ Діаны,
Вокругъ дерноваго стола,
Стучимъ стаканами въ стаканы,
И пьемъ изъ чистаго стекла
Въ винѣ печалей всѣхъ забвенье;
Играй — таковъ есть мой совѣтъ;
Не годы жизнь, а наслажденье;
Кто счастье зналъ, тотъ жилъ сто лѣтъ;
Пусть быстрымъ, лишь бы свѣтымъ, токомъ
Промчатся дни чрезъ жизни лугъ;
Пусть смерть зайдетъ къ намъ ненарокомъ
Какъ добрый, но неожиданный другъ.

КЪ К. М. С....ОЙ.

Протекшихъ радостей уже не возвратить;
Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье.
Уже ли все мечта? Напрасно ль слезы лить?
Уже ли наша жизнь есть только привидѣнье,
И трудная стезя къ ничтожеству ведетъ?
Ахъ, нѣтъ, мой милый другъ, не будемъ безнадежны;
Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный;
Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ;
Незримая Рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями;
Блаженство наша цѣль; когда мы къ ней придемъ —
Намъ Провидѣніе сей тайны не открыло.
Но рано ль, поздно ли, мы радостно вздохнемъ:
Надеждой не *вотще* насъ Небо одарило.

СТИХИ

ВЫРЪЗАННЫЕ НА ГРОБѢ

А. Θ. С.....ой.

О вы, которые, въ молитвахъ и слезахъ,
Тѣснились вокругъ моей страдальческой постели,
Которые меня въ борьбѣ съ недугомъ зрѣли,
О дѣти, о друзья, на мой спокойный прахъ
Придите усладить разлуку утѣшеньемъ.
Въ семь гробѣ тишина; мой спящій взоръ закрытъ;
Мой ликъ не омраченъ ни скорбью, ни мученьемъ,
И жизни тяжкій крестъ меня не бременить.
Спокойтесь, зря мою послѣднюю обитель;
Да мой достигнетъ къ вамъ изъ гроба тихій гласъ,
Да будетъ онъ моимъ любезнымъ утѣшитель;
Открыто мнѣ теперь все, тайное для васъ.
Стремитесь мнѣ во слѣдъ съ сердечнымъ упованьемъ,
Хранимы Промысла невидимой рукой:
Онъ съ жизнью насъ миритъ безсмертья воздаяньемъ;
За гробомъ, милые, вы свидитесь со мной.

КЪ ТУРГЕНЕВУ,

ВЪ ОТВѢТЪ НА СТИХИ ПРИСЛАННЫЕ ИМЪ ВМѢСТО ПИСЬМА:

*Nei giorni tuoi felici
Ricordati di me!*

Въ день счастья вспомнить о тебѣ —
На что такое, другъ, желанье?
На что намъ повѣрять судьбѣ
Священное воспоминанье?
Когда бъ любовь къ тебѣ моя
Моимъ лишь счастьемъ измѣрялась,
И имъ лишь въ сердцѣ оживлялась —
Сколь бѣденъ ею былъ бы я.
Нѣтъ, нѣтъ, мой братъ, мой другъ-хранитель;
Воспоминаніемъ инымъ
Плачу тебѣ; я вѣчно съ нимъ;
Во дни пегали ты со мной;
И, ободряемый тобой,
Еще я жизнь не презираю;

О, что бы ни было — я знаю,
Гдѣ мнѣ прибѣжище обрѣсть,
Куда любовь свою принести,
И гдѣ любовь не измѣнится,
И гдѣ нѣжнѣйшее хранится
Участіе въ судьбѣ моей.

Дождусь иль нѣтъ счастливыхъ дней —
О томъ, мой милый другъ, ни слова;
Какимъ бы я ни шелъ путемъ —
Все ты мнѣ спутникомъ-вождемъ;
Со мной до камня гробоваго,
Неизмѣняяся, иди;
Одна мольба: не упреди.

НАДГРОБІЕ

И. П. и А. И. ТУРГЕНЕВЫМЪ.

Судьба на мѣстѣ семъ разрознила нашъ кругъ:
Здѣсь милый нашъ отецъ, здѣсь нашъ любимый
другъ;
Ихъ разлучила смерть, и смерть соединила;
А намъ въ святой завѣтъ святая ихъ могила:
„Ихъ неутраченной любви не измѣнить;
„Ту жизнь, гдѣ ихъ ужъ нѣтъ, какъ съ ними, со-
вершить —
„Чтобъ быть достойными объ нихъ воспоминанья,
„Чтобъ встрѣтить съ торжествомъ великій часъ
свиданья.

ВОСПОМИНАНІЕ.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ*;
Но съ благодарностію: *были*.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ

ВЪ АЛЬБОМЪ В. А. А.

Любовь, надежда и терпѣнье:
На жизнь порядочный запасъ.
Впередъ безъ страха; въ добрый часъ;
За все порука Провидѣнье.

Блаженъ, кому *Любовь* во сладь;
Она веселье въ жизнь вливаетъ,
И счастья радугу являетъ
На самой грозной тучѣ бѣдъ.

Пока заря не возсіяла —
Бездушень, хладень, тихъ Мемнонь;
Заря взошла — и дышетъ онъ;
И радость въ мраморъ взыграла.

Таковъ *Любви* волшебный свѣтъ,
Великихъ чувствъ животворитель,
Къ дѣламъ возвышеннымъ стремитель;
Любви нѣтъ въ сердцѣ — жизни нѣтъ;

Надежда съ чашею отрады
Намъ добрый спутникъ — вѣрь; но знай,
Что не земля, а небо рай;
Вѣрный быть добрымъ безъ награды.

Когда жь *Надежда* улетитъ —
Взгляни на тихое *Терпѣнье*;
Оно утѣхи обольщенье
Прямою силой замѣнитъ.

Лишь бы, сокровище святое,
Доброта сохранилась намъ;
Достоинъ будь — а небесамъ
Оставь на волю остальное.

НА СМЕРТЬ

СЕМНАДЦАТИЛѢТНЕЙ ЭРМИШИ.

Едва съ младенчествомъ разсталась;
Едва для жизни разцвѣла;
Какъ непорочность улыбалась,
И Ангель красотой была.
Въ душѣ ея, какъ утро ясной,
Уже раждался чувства жаръ.....
Но жребій сей цвѣтокъ прекрасной
Могилаъ приготовилъ въ даръ.
И дни Творцу она вручила;
И очи свѣтлыя закрыла,
Не сѣтуя на смертный часъ.
Такъ слѣдъ улыбки исчезаетъ;
Такъ за долиной умолкаетъ
Минутный Филомелы гласъ.

ИДИЛЛІЯ.

Когда она была пастушкою простой,
Цвѣла невинностью, невинностью блистала,
Когда слыла въ селѣ *дѣвигей* красотою,
И кудри свѣтлые цвѣтами убирала —
Тогда ей нравились и пѣнистый ручей,
И лугъ, и сѣнь лѣсовъ, и миръ моей долины,
Гдѣ я плѣнялъ ее свирѣлюю моею,
Гдѣ я такъ счастливъ былъ присутствіемъ Алины.
Теперь.... теперь прости, души моей покой!
Алина гордая столицы украшенье;
Увы, окружена ласкателей толпой,
За лестъ ихъ отдала любви боготворенье,
За пышный злата блескъ душистые цвѣты;
Свирѣли тихій звукъ Алину не прельщаетъ;
Алина предпочла блаженству суеты;
Собою занята, меня въ лице не знаетъ.

СОНЪ МОГОЛЬЦА.

БАСНЬ.

Однажды доброму Могольцу снился сонъ,
Ужъ подлинно чудесной:
Вдругъ видѣть, будто онъ,
Какой-то силой неизвѣстной,
Въ обитель вознесенъ Всевышняго Царя,
И тамъ — подумайте — находить Визиря.
Потомъ открылася предъ нимъ и пропасть ада.
Кого жь — прошу сказать — узналъ онъ въ адской мглѣ?
Дервиша..... да, Дервишь, служитель Орозмада,
Въ котлѣ,
Въ клокочущей смолѣ
На ужинъ дѣволамъ варился.
Моголецъ въ страхъ пробудился;
Скорѣй бѣжать за колдуномъ;
Поклоны въ поясъ; бѣсть, челою:

— Отецъ мой, изъясни чудесное видѣнье. —

„Твой сонъ есть Божій гласъ—колдунъ ему въ отвѣтъ—
Впзирь въ раю за то, что въ области суеть,
Средь пышнаго двора, любилъ уединенье.
Дервишу жъ подѣломъ; не будь онъ суесвѣтъ;
Не ползай передъ тѣмъ, кто силенъ и богатъ;
Не суйся къ Визирямъ ходить на поклоненье.“

Когда бъ, не бывши колдуномъ,
И я прибавить могъ къ словамъ его два слова,
Тогда смпренно васъ молилъ бы объ одномъ:
Друзья, любите сѣнь родительскаго крова;
Гдѣ жъ счатье, какъ не здѣсь, на лонѣ тишины,
Съ забвеніемъ суеть, съ безпечностью свободы?
О блага чистыя, о сладкій даръ Природы!
Гдѣ вы, моя поля? Гдѣ вы, любовь весны?
Страна, гдѣ я разцвѣлъ въ тѣни уединенья,
Гдѣ сладость тайная во грудь мою лилась,
О рощи, о друзья, когда увижу васъ?
Когда, покинувъ свѣтъ, опять безъ принужденья
Вкушать мнѣ вашу сѣть, вашъ сумракъ и покой?
О, кто мнѣ возвратитъ родимыя долины?
Когда, когда и Фебъ и дщери Мнемозины
Придутъ подъ тихій кровъ бесѣдовать со мной?
При нихъ мои часы весельемъ окрилены;
Тогда постигну ходъ таинственныхъ небесъ
И выпрєнныхъ свѣтилъ стези неоткровенны.

Когда жь не мой удѣлъ познанье сихъ чудесь:
Пусть буду напоенъ лѣсовъ очарованьемъ;
Пускай плѣняюся источниковъ журчаньемъ,
Пусть буду воспѣвать ихъ блескъ и тихій токъ!
Ить жизни моя совется не изъ злата;
Мой низокъ будетъ кровь, постеля не богата:
Но меньше ль бѣдныхъ сонъ и сладокъ и глубокъ?
И меньше ль онъ души невинной услажденье?
Ему преобращу мою пустыню въ храмъ;
Придетъ ли часъ отбыть къ невѣдомымъ брегамъ—
Мой вѣкъ былъ тихій день, а смерть успокоенье.

ПРИВИДѢНІЕ.

Въ тѣни деревъ, при звукъ струнъ, въ сіянь
Вечернихъ гаснущихъ лучей,
Какъ первыя любви очарованье,
Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней—
Явилася она передо мною
Въ одеждѣ бѣлой, какъ туманъ;
Воздушною лазурной пеленою
Быль окружень воздушный станъ.
Таинственно она ее свивала
И развивала надъ собой;
То, снявъ ее, открытая стояла
Съ темно-кудрявой головой;
То, вдругъ, всю ткань чудесно распустивши,
Какъ призракъ исчезала въ ней;
То, персть къ устамъ и голову склонивши,
Огнемъ задумчивыхъ очей
Задумчивость на сердце наводила.

Вдругъ..... покрывало подняла....

Трикраты имъ куда-то поманила.....

И скрылася..... какъ не была!

Вотще продлить хотѣлось упоенье.....

Не возвратилася она;

Лишь грустію по миломъ привидѣньѣ

Душа осталася полна.

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

На небѣ тишина;
Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ
Надъ темною горой;
И въ безднѣ голубой
Безплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Привѣтствуютъ весну.

МЕЧТА.

Ахъ, если бѣ мой милый былъ роза-цвѣтокъ!
Его унесла бы я въ свой уголокъ;
Его бѣ посадила къ себѣ на окно;
И съ нимъ бы душою жила за одно.

Къ нему бы въ окно вѣтерокъ прилеталъ,
И свѣжій мнѣ запахъ на грудь навѣвалъ;
И я бѣ унывала, имъ сладко дыша,
И съ милымъ бы, тая, сливалась душа.

Его бы и ранней и поздней порой
Я, нѣжа, поила струей ключевой;
Ко мнѣ прилипая, живыя листы
Шептали бѣ: я милый, а милая ты.

Не съла бы пчелка на милой мой цвѣтъ;
Сказала бь я: меду для пчелки здѣсь нѣтъ;
Для пчелки-летуньи есть шелковый лугъ;
Моимъ безъ раздѣла останься мой другъ.

Сильфиды бы легкой примчались толпой
Къ нему любоваться его красотой;
И мнѣ бы шепнули, цѣлуя листы:
Мы любимъ что мило, мы любимъ какъ ты.

Тогда бь встрепенулся мой милый цвѣтокъ,
Съ цвѣтка сорвался бы румяной листокъ,
Къ моей бы щекѣ распаленной присталъ,
И пурпурнымъ жаромъ на ней заигралъ.

Родная бь спросила: что, другъ мой, съ тобой?
Ты вся разгорѣлась, какъ день молодой.
„Родная, родная, сказала бы я,
„Мнѣ въ душу свой запахъ льетъ роза моя.“

ПОБѢДИТЕЛЬ.

Сто красавицъ свѣтлоокихъ
Предсѣдали на турниръ.
Всѣ — цвѣточки полевые;
А моя одна какъ роза.
На нее глядѣлъ я смѣло,
Какъ орелъ глядитъ на солнце.
Какъ отъ щекъ моихъ горячихъ
Разгоралось забрало!
Какъ рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцырь!
Свѣтлыхъ взоровъ тихій пламень
Сталъ душѣ моей пожаромъ;
Сладкошепчущія рѣчи
Стали сердцу бурнымъ вихремъ;
И она — младое утро —
Стала мнѣ грозой могучей;
Я помчался, я ударилъ —
И ничто не устояло.

ТРИ ПУТНИКА.

Въ свой край возвратяся изъ дальней земли,
Три путника въ гости къ старушкѣ зашли.

„Прими, пріюти насъ на темную ночь;
„Но гдѣ же красавица? гдѣ твоя дочь?

— Принять, пріютить васъ готова, друзья;
Скончалась красавица дочка моя. —

Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконой горитъ:
Въ свѣтлицѣ красавица въ гробѣ лежитъ.

И первый, поднявши покровъ гробовой,
На мертвую смотреть съ унылой душой.

„Ахъ если бѣ на свѣтѣ еще ты жила.“

„Ты мною бѣ отнынѣ любима была!

Другой покрывало опять наложилъ,

И горько заплакалъ и взоръ опустилъ.

„Ахъ, милая, милая, ты ль умерла?

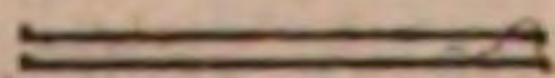
„Ты мною такъ долго любима была.

Но третій опять покрывало поднималъ,

И мертвую въ блѣдны уста цѣловалъ.

„Тебя я любилъ; мнѣ тебя не забыть;

„Тебя я и въ вѣчности буду любить.“

ЭПИМЕСИДЪ.

„О жребій смертнаго унылый!
Твой путь — Зевесъ ему сказалъ —
Отъ колыбели до могилы
Между пучинъ и грозныхъ скалъ;
Его уносить быстро время;
Врага въ прошедшемъ видить онъ;
Влечить заботъ и скуки бремя
Онъ въ настоящемъ осуждёнъ;
А счастья будущаго сонъ
Все далъ, далъ улетаетъ,
И въ гробъ съ жизнью исчезаетъ;
И пусть случайно оживить
Онъ сердце радостью мгновенной —
То въ безднѣ лучъ уединенной:
Онъ только бездну озарить.
О ты, который самовластно
Дарить насъ жизнью ужасной,

Зевесъ, къ тебѣ взываю я:
Пошли мнѣ даръ небытія.,,
Въ странѣ, забвенной отъ Природы,
Гдѣ мертвый разрушенья видѣ,
Гдѣ съ ревомъ бьютъ въ утесы воды,
Такъ говорилъ Эпимесидъ.
Угрюмый, страшныхъ мыслей полный,
Онъ пробѣгалъ очами волны,
Онъ въ бездну броситься готовъ...
И грянулъ гласъ изъ облаковъ:
„Узнай, хулитель Провидѣнья,
Богамъ любезенъ человекъ:
Но благъ источникъ наслажденья;
Отринь, слѣпецъ, что въ буйствѣ рекъ,
И не гнѣви Творца роптаньемъ:“
Эпимесидъ простерся въ прахъ.
Покорный, съ тихимъ унованьемъ,
Съ благословеньемъ на устахъ,
Идетъ онъ съ берега крутаго.
Два мѣсяца не протекли —
На берегъ онъ приходитъ снова.
„О небеса! вы отвели
Меня отъ страшной сей пучины;
Хвала вамъ! тайный перстъ судьбины
Уже мнѣ друга указалъ.
О, сколь безумно я ропталъ!
Не дремлютъ очи Провидѣнья:

И часто посреди волненья
Оно являетъ пристань намъ;
Мы живы подъ Его рукою,
И смертный не къ однѣмъ бѣдамъ
Приходить трудною стезёю.“
Умолкъ—и видитъ: не вдали
Цвѣтетъ у берега миртъ зеленый,
На брата юнаго склоненый—
И бури вѣтви ихъ сплели.
Подъ тѣнью ихъ онъ воздвигаетъ
Ликъ *Дружбы*, въ честь благимъ богамъ.

Проходить годъ—опять онъ тамъ;
Во взорахъ счастье пылаетъ;
Гименовъ на челѣ вѣнокъ.
„И я винилъ въ безумствѣ рокъ!
И я терялъ къ безсмертнымъ вѣру!
Они послали мнѣ Глисеру;
Люблю, о сладкій жизни даръ!
О, какъ могу передъ богами
Излить благодаренья жаръ!“,
Онъ палъ на землю со слезами;
Потомъ подъ юными древами,
Гдѣ *Дружбы* ликъ священный былъ,
Любви алтарь соорудилъ.

Свершился годъ—съ лучемъ Авроры

Опять пришелъ онъ на утесъ,
И свѣтлые сіяли взоры
Святымъ спокойствіемъ небесъ.
„Хвала вамъ, боги; вашей властью
Узналъ въ любви и въ дружбѣ я
Всѣ наслажденья бытія;
Но вы открыли путь ко счастью.
Проклятье дерзостнымъ хуламъ,
Произнесеннымъ въ изступленьѣ!
Нашъ въ міръ путь одно мгновенье—
Но можемъ быть равны богамъ.“
И онъ воздвигъ на брегѣ храмъ,
Гдѣ все плѣняло простотою:
Столбы, обитые корою,
Помость изъ дерна и цвѣтовъ,
И скромный изъ соломы кровъ,
Подъ той же дружественной сѣнью,
Гдѣ былъ алтарь сооружёнъ....
И на простомъ фронтонѣ онъ
Изобразилъ: *Благотворенью.*

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОСЛАНІЯ

КЪ КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ.

.....

Надежда сердцемъ жить въ вѣкахъ,
Надежда сладкая—она не заблужденье;
Пускай покроетъ лиру прахъ—
Въ семь прахъ не умолкнетъ пѣнье
Душой безсмертной полныхъ струнь.
Нашъ геній будетъ, вѣчно-юнъ,
Парить надъ дряхлыми племенъ и царствъ гробами;
И будетъ пламень, въ насъ горѣвшій, согрѣвать
Жаръ славы, благодати и смѣлыхъ помышленій
Въ сердцахъ грядущихъ поколѣній;
Сихъ узъ ни Кронъ, ни смерть не властны разорвать;
Пускай, пускай придетъ пустынный вѣтръ свистать
Надъ нашею съ землею сравнившейся могилой—
Что счастьемъ для насъ въ минутной жизни было,

То будетъ счастьемъ для близкихъ намъ сердець
И долго послѣ насъ; грядущихъ лѣтъ пѣвецъ
Отъ лиры воспылаетъ нашей;
Внимая умиленно ей,
Страдалецъ подойдетъ смѣлый
Къ своей ужасной, горькой чашѣ,
И волю Промысла, смирясь, благословить;
Сынъ славы закипитъ,
Ее послушавъ, бранью,
И праздный мечъ сожметъ нетерпѣливой дланью.
Давно въ развалинахъ Сабинскій уголокъ,
И вѣки ужъ надъ нимъ толпою пролетѣли;
Но струны Флакковы еще не онѣмѣли;
И, мнится, не забылъ ихъ звука тотъ потокъ
Съ одушевленными струями,
Надъ коимъ дружными вѣтвями
Въ кудрявые вѣнцы сплелися дерева.
Тамъ, подъ вечеръ, когда невидимо роса
Съ роскошной свѣжестю на землю упадаетъ,
И мирты спящіе Селена осребряетъ,
Дріадъ стыдливыхъ хороводъ
Кружится по цвѣтамъ, и тѣнь ихъ пролетаетъ
По зыбкому зеркалу водъ;
Нерѣдко, въ тихій часъ, какъ солнце на закатѣ
Ліетъ румяный блескъ на море вдалекѣ,
И мирты темные дрожатъ при вѣтеркѣ,
На яркомъ отражаясь златѣ —

Вдругъ разливается какъ будто тихій звонъ,

И вѣтерокъ, и струй журчанье утихаетъ —

Какъ бы незримый Аполлонъ

Полетомъ легкимъ пролетаетъ —

И путникъ, погружёнъ въ унылость, слышитъ гласъ:

„О смертный, жизнь стрѣлою мчится;

Лови, лови летящій часъ;

Онъ, улетѣвъ, не возвратится.“

МОЯ БОГИНЯ.

Какую бессмертную
Вѣнчать предпочтительно
Предъ всѣми богинями
Олимпа надзвѣднаго?
Не спорю съ питомцами
Разборчивой мудрости,
Учеными, строгими;
Но свѣжей гирляндой
Вѣнчаю веселую,
Крылатую, милую,
Всегда разнообразную,
Всегда животворную,
Любимицу Зевсову
Богиню-Фантазію.
Ей далъ онъ тѣ вымыслы,
Тѣ сны благотворные,
Которыми въ области
Олимпа надзвѣднаго,

Съ амврозіей, съ нектаромъ,
Подъ часъ утѣшается
Онъ въ сукѣ безсмертія;
Лелѣя съ усмѣшкою
На персяхъ родительскихъ,
Ее величаетъ онъ
Богинею-радостью.
То въ утреннемъ вѣяньи,
Съ лилейною вѣткою,
Одѣтая ризою,
Сотканной изъ нѣжнаго
Денницы сіянія,
По долу душистому,
По холмамъ муравчатымъ,
По облакамъ утреннимъ
Малиновкой носится;
На ландышъ, на лилію,
На цвѣтъ-незабудочку,
На травку дубравную
Спускается пчелкою;
Устами пчелиными
Впиваясь въ листики,
Пьетъ росу медвяную;
То, кудри съ небрежностью
По вѣтру развѣявши,
Во взоръ уныніе,
Тоской отуманена,

Глава наклоненная,
Сидить на крутой скалѣ,
И смотреть въ мечтаніи
На море пустынное,
И любить прислушивать,
Какъ волны плескаются,
О камни дробимыя;
То внемлетъ, задумавшись,
Какъ вѣтеръ полуночный
Порой подымается,
Шумить надъ дубравою,
Качаетъ вершинами
Деревъ сѣннолиственныхъ;
То въ сумракъ вечера
(Когда златорогая
Луна изъ-за облака
Надъ рощею выглянетъ,
И, сливши дрожащій лучъ
Съ вечерними тѣнями,
Одѣнетъ и лѣсъ и доль
Туманнымъ сіяніемъ)
Играетъ съ Наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравнаго,
И струекъ съ журчаніемъ
Мѣшая гармонію
Волшебнаго шепота,

✱

Наводитъ задумчивость,
Дремоту и легкій сонъ;
Иль быстро съ зефирами
По дремлющимъ лиліямъ,
Гвоздикамъ узорчатымъ,
Фіалкамъ и ландышамъ
Порхалъ, питается
Душистымъ дыханіемъ
Цвѣтовъ, ожемчуженныхъ
Росинками свѣтлыми;
Иль съ сонмами геніевъ,
Воздушною цѣпью
Віясь, развиваяся,
Въ мерцаніи мѣсяца,
Невидима — видима,
По облакамъ носится
И, къ роцѣ спустившись,
Играетъ листочками
Осины трепещущей. —
Прославимъ Создателя
Могущаго, древняго,
Зевеса, пославшаго
Намъ радость-Фантазію;
Въ сей жизни, гдѣ радости
Прямая—лучъ молніи,
Онъ далъ намъ въ ней счастье,
Всегда неизмѣнное,

Супругу веселую,
Красой вѣчно-юную,
И съ нею насъ цѣпю
Сопрягъ нераздѣльною.
„Да будешь—сказалъ онъ ей—
И въ счастьи, и въ горести,
Имъ вѣрная спутница,
Утѣха, прибѣжище.“

Другія творенія,
Съ очами незрящими,
Въ слѣпыхъ наслажденіяхъ,
Съ печалами смутными,
Гнетомыя бременемъ
Нужды непреклонныя,
Начавшись, кончаются
Въ кругу, ограниченномъ
Чертой настоящаго,
Минутною жизнію;
Но мы, отличенные
Зевесовой благодатью!...
Онъ далъ намъ спутницу,
Игривую нѣжную,
Летуницу, искусницу
На милые вымыслы,
Причудницу рѣзвую,
Любимую дочь свою

Богиню-Фантазію!
Ласкайте прелестную;
Кажите вниманіе
Ко всѣмъ ея прихотямъ,
Невиннымъ, младенческимъ!
Пускай почитается
Надъ вами владычицей
И дома хозяйкою;
Чтобъ вотчину старому,
Брюзгливцу суровому,
Разсудку, не вздумалось
Ее переучивать,
Пугать укоризнами
И мучить уроками;
Я знаю сестру ея
Степенную, тихую....
Мой другъ утѣшительный,
Тогда лишь простись со мной,
Когда изъ очей моихъ
Лучъ жизни сокроется;
Тогда лишь покинь меня,
Причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ,
Источникъ великаго,
Намъ твердость и мужество,
И силу дающая,
Надежда отрадная.

ВИДѢНІЕ.

Блескомъ утра озаренный,
Свѣтоносный, окриленный,
Ангель встрѣтился со мной.
Взоръ его былъ грустно-ясень,
Ликъ задумчиво-прекрасень,
Надъ главою молодой
Кудри легкія летали,
И короною сіяли
Розы бѣлыя на ней;
Снѣга чистаго бѣлѣй,
На плечахъ была одежда;
Онъ былъ свѣтель, какъ надежда,
Какъ покорность небу, тихъ;
И на крыліяхъ живыхъ —
Какъ съ привѣтственнаго берега

Голубь древняго ковчега
Съ вѣткой мира — онъ летѣлъ....
Съ чѣмъ летѣлъ? куда?... Я знаю!
Добрый путь! благословляю,
Божій Ангелъ, твой удѣлъ.
Ждутъ тебя; твоё явленье
Будетъ тамъ, какъ Провидѣнье,
Откровенное очамъ;
Сиротство увидишь тамъ,
Младость плачущую встрѣтишь
И скорбящую любовь,
И для нихъ надеждой вновь
Опустѣлый міръ освѣтишь....
Съ нами былъ твой чистый братъ;
Срокъ земной его свершился,
Онъ съ землею на вѣкъ простился,
Онъ опять на небо взятъ;
Ты имъ данъ за ихъ утрату;
Твой чередъ—благотворить,
И отозванному брату
На землѣ замѣной быть.

ОРЕЛЪ И ГОЛУБКА.

Съ утеса молодой Орелъ
Пустился на добычу;
Стрѣлокъ пронзилъ ему крыло,
И съ высоты упалъ
Онъ въ маслячную рошу.
Тамъ онъ томился
Три долгихъ дня,
Три долгихъ ночи,
И содрогался
Отъ боли; наконецъ
Былъ изцѣленъ
Живительнымъ бальзамомъ
Всеисцѣляющей природы.
Влекомый хищничествомъ смѣлымъ,
Пріютъ покинувъ свой,
Онъ хочетъ крылья испытать....
Увы! онъ едва
Его поднимають отъ земли,

И онъ въ уныніи глубокомъ
Садится отдохнуть
На камнѣ у ручья;
Онъ смотритъ на вершину дуба;
На солнце, на далекій
Небесный сводъ,
И въ пламенныхъ его глазахъ
Сверкаютъ слезы.

По близости, между оливъ,
Крылами тихо вѣя,
Летали Голубъ и Голубка.
Они къ ручью спустились,
И тамъ по золотому
Песку гуляли вмѣстѣ,
Вода кругомъ
Пурпурными глазами,
Голубка наконецъ
Примѣтила сидящаго въ безмолвномъ
Уныніи Орла.
Она товарища тихонько
Крыломъ толкнула;
Потомъ, съ участіемъ сердечнымъ
Взглянувши на страдальца,
Ему сказала:
„Ты унываешь, другъ;
О чемъ же? Оглянись, не всё ли,

Что намъ для счастья
Простаго нужно,
Ты здѣсь имѣешь?
Не дышутъ ли вокругъ тебя
Благоуханіемъ оливы?
Не защищаютъ ли зеленой
Прозрачной сѣнію своей
Онѣ тебя отъ зноя?
И не прекрасно ль блещетъ
Здѣсь вечеръ золотой
На муравѣ и на игривыхъ
Струяхъ ручья?
Ты здѣсь гуляешь по цвѣтамъ,
Покрытымъ свѣжею росой;
Ты можешь пищу
Сбирать съ кустовъ и жажду
Въ струяхъ студеныхъ утолять.
О другъ! повѣрь
Умѣренность прямое счастье:
Съ умѣренностью мы
Вездѣ и всѣмъ довольны.“
— О мудрость! прошепталъ Орелъ,
Въ себя сурово погрузившись,
Ты разсуждаешь, какъ голубка.

АББАДОНА.

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземна-
го трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ Серафимъ Аббадона. Пе-
чальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ: грозно вдали
передъ взоромъ,
Смутнымъ, потухшимъ отъ тяжкія, тайныя скорби,
являлись
Мука на мукѣ, темная вѣчности бездна. Онъ вспо-
мнилъ
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ
Абділа,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день возмущенья предъ
Богомъ:
Къ трону Владыки одинъ Абділъ, непрельщенъ,
возвратился.
Другомъ влекомъ, ужь почти улеталъ отъ враговъ
Аббадона;

Вдругъ Сатана ихъ настигъ, въ колесницѣ, гремя
и блистая;

Звучно торжественнымъ кликомъ зовущихъ грянуло
небо;

Съ шумомъ помчались рати мечтой божества упоен-
ныхъ —

Ахъ, Аббадона, бурей безумцевъ отъ друга оторванъ,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви
Абділа;

Тьмой божества отуманень, взоровъ молящихъ не
видитъ;

Другъ позабытъ: въ торжествѣ къ полкамъ Сатаны
онъ примчался.

Мрачень, въ себя погружень, пробѣгалъ онъ въ мы-
сляхъ всю повѣсть

Прежней, невинныя младости; мыслилъ объ утрѣ
созданья.

Вкупѣ и вдругъ сотворилъ ихъ Создатель. Въ вос-
торгъ рожденья

Всѣ вопрошали другъ друга: скажи, Серафимъ, братъ
небесный,

Кто ты? Откуда, прекрасный? Давно ль существу-
ешь, и зрѣлъ ли

Прежде меня? О, повѣдай, что мыслишь? Намъ
вмѣстѣ безсмертье!

Вдругъ изъ дали свѣтозарной на нихъ благодатью
слетѣла

Божія слава; узрѣли все небо, шумящее сонмомъ
Новосозданныхъ для жизни; къ Вѣчному облако
свѣта

Ихъ вознесло, и, завидѣвъ Творца, возгласили:
Создатель!—

Мысли о прошломъ тѣснились въ душѣ Аббадоны,
и слезы,

Горькія слезы бѣжали потокомъ по впалымъ лани-
тамъ.

Съ трепетомъ внялъ онъ хулы Сатаны, и воздвиг-
ся, нахмурень;

Тяжко вздохнулъ онъ трикраты — такъ въ битвѣ
кровавой другъ друга

Братья сразившіе тяжело въ томленьи кончины взды-
хаютъ —

Мрачнымъ взоромъ окинувъ совѣтъ Сатаны, онъ
воскликнулъ:

Будь на меня вся неистовыхъ злоба — вѣщать вамъ
дерзаю!

Такъ, я дерзаю вѣщать вамъ, чтобъ Вѣчнаго судъ
не сразилъ насъ

Равною казнію! Горе тебѣ, Сатана-возмутитель!

Я ненавижу тебя, ненавижу, убійца! Вовѣки

Требуи Онъ, нашъ Судія, отъ тебя развращенныхъ
тобою,

Нѣкогда чистыхъ наслѣдниковъ славы! Да вѣчное:
горе!

Грозно гремитъ на тебя въ семь совѣтъ духовъ
погубленныхъ!

Горе тебѣ, Сатана! Я въ безумствѣ твоємъ не участникъ!
Нѣтъ, не участникъ въ твоихъ замышленьяхъ воз-
стать на Мессію!

Бога-Мессію сразить!... О ничтожный, о комъ ты
вѣщаешь?

Онъ Всемогущій, а ты пресмыкаешься въ прахъ,
бессильный

Гордый невольникъ.... Пошлетъ ли смертному Богъ
искупленіе,

Тѣна ль оковы расторгнуть помыслить—тебѣ ль
съ Нимъ бороться!

Ты ль разтерзаешь безсмертное тѣло Мессіи? За-
былъ ли,

Кто Онъ? Не тыль опаленъ всемогущими грѣми
гнѣва?

Иль на челѣ твоємъ мало ужасныхъ слѣдовъ отвер-
женія?

Иль Вседержитель добычею будетъ безумства без-
сильныхъ?

Мы, заманившіе въ смерть человѣка.... о горе мнѣ,
горе!

Я вашъ сообщникъ!... Дерзнемъ ли возстать на
Подателя жизни?

Сына Его Громовержца хотимъ умертвить—о без-
умство!

Сами хотимъ въ слѣпотѣ истребить ко спасенью
дорогу!

Нѣкогда души блаженные, сами навѣки надежду
Прежняго счастья, мукъ утоленія мчимся разрушить!
Знай же, сколь вѣрно, что мы ощущаемъ съ сугу-
бымъ страданьемъ

Муку паденья, когда ты въ сей безднѣ изгнанья и ночи
Гордо о славѣ твердишь намъ; столь вѣрно и то,
что сраженный

Ты со стыдомъ на челѣ отъ Мессіи въ свой адъ
возвратишься. “

Бѣшенъ, кипя нетерпѣньемъ, внималъ Сатана Абба-
донъ;

Хочетъ съ престола въ него онъ ударить огром-
ной скалою —

Гнѣвъ обезсиливъ грозно подъятую съ камнемъ
десницу!

Топнулъ яряся ногой и трикраты отъ бѣшенства
вдрогнулъ;

Молча воздвигшись, трикраты сверкнулъ онъ на
Аббадону

Пламеннымъ взоромъ, и взоръ былъ отъ бѣшенства
ярокъ и мраченъ:

Но презирать былъ не властенъ. Ему предстоялъ
Аббадона,

Тихій, безстрашный, съ унылымъ лицомъ. Вдругъ
воспрянулъ свирѣпый

Адрамелехъ, Божества, Сатаны и людей ненавист-
никъ.

„Въ вихряхъ и буряхъ хочу отвѣчать тебѣ, роб-
кій! вѣщаль онъ.

Гряну грозою отвѣтъ мой безумцу. Ты ли ругаться
Смѣешь богами? Ты ли, презрѣнный въ сонмъ
бесплотныхъ,

Въ прахъ своемъ Сатану и меня оскорблять замы-
шляешь?

Нѣтъ тебѣ казни; казнь твоя: мыслей безсильныхъ
ничтожность.

Рабъ, удались; удались, малодушный; прочь отъ
могущихъ;

Прочь отъ жилища царей; исчезай непримѣтный
въ пучинѣ;

Тамъ да создастъ тебѣ царство мученія твой Все-
держитель;

Тамъ проклинай безконечность, или, ничтожности
алчный,

Въ низкомъ безсиліи рабски предъ небомъ глухимъ
пресмыкайся.

Ты же, отважный, средь самага неба нарекшійся
Богомъ,

Грозно въ кишѣни гнѣва на брань полетѣвшій съ
Могущимъ,

Ты, обреченный въ грядущемъ несмѣтныхъ міровъ
повелитель,

О Сатана, полетимъ; да узрять насъ въ могуще-
ствѣ духи;

Да поразить ихъ, какъ буря, помысловъ нашихъ
отважность!

Се лабиринты коварства: всѣ намъ пути ихъ от-
версты;

Въ мракѣ ихъ смерть; не найдетъ Онъ изъ бѣд-
ственной тьмы ихъ исхода.

Если жь, наставленный небомъ, разрушить Онъ
хитрые ковы —

Пламенны бури пошлемъ, и Его не минуетъ поги-
бель.

Горе, земля, мы грядемъ, ополченные смертью и
адомъ!

Горе безумнымъ, кто насъ отразить на землѣ воз-
мечтаетъ!“

Адрамелехъ замолчалъ, и смутилось, какъ буря,
собранье.

Страшно отъ топота ногъ ихъ вся бездна дрожала;
какъ будто

Съ громомъ утесъ за утесомъ валился; съ кликомъ
и воемъ,

Гордые славой грядущихъ побѣдъ, всѣ воздвиглися;
дикой

Шумъ голосовъ поднялся, и отгрянулъ съ востока
на западъ;

Всѣ заревѣли: погибни, Мессія! Отвѣка созданье

Столь ненавистнаго дѣла не зрѣло. Съ Адрамеле-
хомъ

Съ трона потекъ Сатана, и ступени, какъ мѣдныя
горы,

Тяжко подъ ними звенѣли; съ крикомъ, зовущимъ
къ побѣдѣ,

Ринулись смутной толпой во врата растворенныя
ада.

Издали, медленно, слѣдомъ за ними, летѣлъ Абба-
дона;

Видѣть хотѣлъ онъ конецъ необузданно - страшна-
го дѣла.

Вдругъ, нерѣшимой стопою онъ къ Ангеламъ, стра-
жамъ Эдема,

Робко подходитъ.... Кто же тебѣ предстоитъ, Аб-
бадона?

Онъ, Абдіилъ, непреклонный, нѣкогда другъ твой....
а нынѣ?....

Взоры потупивъ, вздохнулъ Аббадона. То удалить-
ся,

То подойти онъ желаетъ; то въ сиротствѣ, безна-
дежный,

Онъ въ безпредѣльное броситься хочетъ. Долго сто-
ялъ онъ,

Трепетень, грустенъ; вдругъ, ободрясь, приступилъ
къ Абдіилу;

Спально билось въ немъ сердце; тихія слезы катились,

Ангеламъ токмо знакомыя слезы, по блѣднымъ ланитамъ;

Тяжкими вздохами грудь воздымалась; медленный трепеть,

Смертнымъ и въ самомъ бореньи съ концемъ неиспытанный, мучилъ

Въ робкомъ его приближеньи.... Но ахъ, Абдіпловы взоры,

Ясны и тихи, неотвратно смотрѣли на славу Вѣчнаго Бога; его жъ Абділъ не замѣтилъ. Какъ прелестъ

Перваго утра, какъ младость первой весны мірозданья,

Такъ Серафимъ блисталъ, но блисталъ онъ не для Аббадоны.

Онъ отлетѣлъ, и одинъ, посреди опустѣвшаго неба, Такъ невнимаемымъ гласомъ зывалъ издали къ Абділу:

„О Абділъ, мой братъ, иль навѣки меня ты отринуль?

Такъ, навѣки я розно съ возлюбленнымъ.... страшная вѣчность!

Плачь обо мнѣ, все твореніе; плачьте вы, первенцы свѣта;

Онъ не возлюбитъ уже никогда Аббадоны, о плачьте!

Вѣчно не быть мнѣ любимымъ; увяньте вы, тай-
ныя сѣни,

Гдѣ мы бесѣдой о Богѣ, о дружбѣ нѣжно слива-
лись;

Свѣтлы небесны потоки, близъ коихъ, сладко объ-
емлясь,

Мы воспѣвали чистою пѣснью Божію славу,

Ахъ, замолчите, изсякните: нѣтъ для меня Абді-
ила;

Нѣтъ, и навѣки не будетъ. Адъ мой, жилище му-
ченья,

Вѣчная ночь, унывайте вмѣстѣ со мною: навѣки

Нѣтъ Абдіила; вѣчно мнѣ милаго брата не будетъ.“

Такъ тосковалъ Аббадона, ^астоя предъ восходомъ въ
созданье.

Строємъ катилися звѣзды. Блескъ и крылатые громы

Встрѣчу ему Оріоновъ летящихъ его утрашили;

Цѣлые вѣки не зрѣлъ онъ, тоской одинокой то-
мимый,

Свѣтлыхъ міровъ; погруженъ въ созерцанье, печаль-
но сказалъ онъ:

„Сладостный входъ во блаженство, почто загра-
жденъ Аббадонъ?

О, для чего не могу я опять залетѣть на отчизну,

Къ свѣтлымъ мірамъ Вседержителя, вѣчно покинуть

Область изгнанья? Вы, солнца, прекрасныя чада
созданья,

Въ оный торжественный часъ, какъ, блистая, изъ
мощной десницы

Вы полетѣли по юному небу — я былъ васъ пре-
краснѣй.

Нынѣ стою, помраченный, отверженный, сирый
изгнанникъ,

Грустный, среди красоты мірозданья. О небо родное,
Видя тебя, содрогаюсь: тамъ потерялъ я блажен-
ство;

Тамъ, ополчившись на Бога, сталъ грѣшникъ. О
миръ непорочный,

Милый товарищъ мой въ свѣтлой долинь спокой-
ствія, гдѣ ты?

Тщетно! одно лишь смятенье при видѣ небесныя
славы

Мнѣ Судія отъ блаженства оставилъ — печальный
остатокъ!

Ахъ, для чего я къ нему не дерзну возгласить: мой
Создатель!

Радостно бѣ нѣжное имя Отца уступилъ непоро-
чнымъ;

Пусть неизгнанные въ чистомъ восторгѣ: Отецъ,
восклицаютъ.

О Судія непреклонный, преступникъ молить не
дерзаетъ,

Чтобъ хоть единымъ Ты взоромъ его посѣтилъ въ
сей пучинѣ.

Мрачныя полны ужаса мысли, и ты, безнадеж-
ность,

Грозный мучитель, свирѣпствуй!... Почто я живу?
О ничтожность!

Или тебя не узнать?... Проклинаю сей день нена-
вистный,

Зрѣвшій Создателя въ шествіи свѣтломъ съ предѣ-
ловъ востока,

Слышавшій слово Создателя: буди! слышавшій го-
лосъ

Новыхъ безсмертныхъ, вѣщавшихъ: и братъ нашъ
возлюбленный созданъ.

Вѣчность, почто родила ты сей день? Почто онъ
былъ ясенъ,

Мрачностью не былъ той ночи подобенъ, которою
Вѣчный,

Гнѣва грозой ополченный, Себя облакаетъ? Почто
онъ

Не былъ, проклятіемъ Бога гнетомъ, обнаженъ отъ
созданій?.....

Что я изрекъ?.. О хулитель, кого предъ очами
созданья

Ты порицаешь? Вы, солнца, меня опалите; вы,
звѣзды,

Грядьтесь ко мнѣ на главу, и укройте меня отъ
престола

Вѣчныя правды и мщенья; о Ты, Судія непреклонный,

Или надежды вѣчность Твоя для меня не скрываетъ?

О Судія, Ты Создатель, Отецъ.... что вѣщаю, безумецъ!

Мнѣ ль призывать Іегову, Его нарицать именами,
Страшными грѣшнику? Ихъ лишь даруетъ одинъ
Примиритель;

Ахъ, улетимъ; ужь воздвиглись Его всемогущіе
громы

Страшно ударить въ меня.... улетимъ ... но куда?...
гдѣ отрада?,,

Рекъ, и ударился быстро во глубь безпредѣльных
бездны....

Горько взывалъ онъ: сожги, уничтожь меня, огонь
разрушитель!

Вопли исчезли въ пустынь.... и огонь не притекъ
разрушитель.

Смутный онъ снова помчался къ мірамъ, и пріи-
никъ утомленный

Къ нѣкому пышноблестящему солнцу. Оттолкъ на
бездны

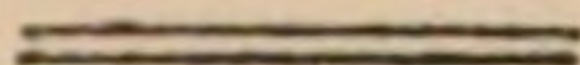
Скорбно смотрѣлъ онъ. Тамъ звѣзды кипѣли, какъ
свѣтлое море;

Вдругъ налетѣла на солнце заблудшая въ безднѣ
планета;

Часъ ей насталъ разрушенья.... уже задымилась и
рѣла....

Къ ней полетѣлъ Аббадона, надѣясь разрушиться
вкупѣ.....

Дымомъ она разлетѣлась, но ахъ..... не погибъ Аб-
бадона!

ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ.

Эсхинъ возвращался къ Пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ —
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгло.

И роскошь, и слава, и Вакхъ и Эротъ —
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа;
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ берегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость.....

Все тѣ жь берега и поля и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ жь озарившая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ Надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ, при домашнихъ Пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.

Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ —
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовой блескъ,
И мирты окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ не вдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкой ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ соплетались.

На прагъ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотра на багряное море—
Вдругъ видитъ Эсхина, и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.

„Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ Пенатамъ!“
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина.

И взглядъ на него любопытный вперилъ—
Лице его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ—
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.

—Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда лукавый предатель.

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не туже ль судьбу возвѣщаетъ?
Уже ль и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ Пенатахъ?—

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ.....

„Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь —
Но съ нею печаль неразлучна.

„О, нѣтъ, не рошщу на Зевесовъ законъ:

И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

„Что можетъ разрушить въ минуту судьба,

Эсхинъ, то на свѣтъ не наше;
Но сердца нетлѣнные блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей—

„Вотъ счастье; о другъ мой, оно не мечта.

Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.

„При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ

Яснѣ великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

„ Увы, я любилъ..... и ея уже нѣтъ!

Но счастье, вдвоемъ столь живое,
Навѣки ль исчезло? И прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

„ О, нѣтъ: никогда не погибнетъ ихъ сльдъ;

Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.

„ И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:

Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится?

„ Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,

Уже одинокимъ не будетъ....
Ахъ, свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла —
Онъ тотъ же: все ею онъ полонъ.

„ По той же дорогѣ стремлюся одинъ,

И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ —
Сихъ узъ не разрушить могла.

„ Сей мыслью высокой украшена жизнь;

Я взоромъ смотрю благодарнымъ

На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,

На полное славы творенье.

„ Спокойно смотрю я съ земли рубежа

На сторону лучшій жизни;

Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,

Какъ небо сіяньемъ Авроры.

„ Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,

И жизнь мнѣ земная священна;

При мысли великой, что я *человѣкъ*,

Всегда возвышаюсь душею.

„ А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...

О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,

Что лучшее въ жизни еще впереди,

Что *вѣрно* желанное будетъ;

„ Сей гробъ затворенная къ счастью дверь;

Отворится... жду и надѣюсь!

За нимъ ожидаетъ спутникъ меня,

На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

„ О другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои —
Ты жизнь презирать научился.

„ Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ;
Дай руку: близъ вѣрнаго друга,
Съ Природой и жизнью опять примиришь;
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.

„ *Все* небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни къ великому средство;
И горестъ и радость — все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу-Зевесу!“

СЧАСТІЕ.

Блаженъ, кто, богами еще до рожденья любимый,
На сладостномъ лонѣ Киприды взлелѣянъ младенцемъ;
Кто очи отъ Феба, отъ Гермеса даръ убѣжденія
принялъ,

А силы печать на чело отъ руки громовержца.
Великій, божественный жребій счастливца постигнулъ;
Еще до начала сраженья побѣдой увѣнчанъ;
Любимецъ Хариты, плѣняетъ, труда не пріемля.
Великимъ да будетъ, кто, собственной силы соз-
данье,

Душею превыше и тайныя Парки и Рока;
Но счастье и Грацій улыбка не силъ подвластны.
Высокое прямо съ Олимпа на избранныхъ небомъ
низходитъ;

Какъ сердце любовницы, полное тайныя страсти,
Такъ всѣ громовержца дары неподкупны; единый
Законъ предпочтенія въ жилищахъ Эроса и Зевса;

И боги въ посланіи благъ повинуются сердцу:
Имъ милы безстрашнаго юноши гордая поступь,
И взоръ непреклонный, владычества смѣлаго полный,
И волны власовъ, отъбившихъ чело и ланиты.
Веселому чувствовать радость; сѣпымъ, а не зря-
щимъ
Безсмертные въ славѣ чудесной себя открываютъ:
Имъ милъ простоты непорочныя дѣвственный об-
разъ,
И въ скромномъ сосудѣ небесное любить скрываться;
Презрѣньемъ надежду кичливой гордыни смиряютъ;
Свободные, силѣ и гласу мольбы не подвластны.
Лишь къ избраннымъ съ неба орлу-громоносцу
Кроніонъ
Велитъ низпускаться — да мчитъ ихъ въ обитель
Олимпа;
Свободно въ толпѣ земнородныхъ замѣтивъ любим-
цевъ,
Лишь имъ на главу налагаетъ рукою пристрастной
То лавръ пѣснопѣвца, то власти державной повязку;
Лишь имъ предлетитъ звучащій на арфѣ сразитель
Панеона,
Лишь имъ и Эроть златокрылый, сердецъ повели-
тель;
Ихъ судно трезубецъ Нептуна, равняющій бездны,
Ведетъ съ неприступной фортуною Кесаря къ берегу;
Предъ ними смиряется левъ, и дельфинъ изъ пучины

Хребтомъ благотворнымъ ихъ, бурей гонимыхъ,
изъемлетъ.

Надъ всемъ красота повелитель рожденный; подобіе
Бога,

Единымъ спокойнымъ явленьемъ она побѣждаетъ.

Не сѣтуй, что боги счастливца некупленнымъ лавромъ
вѣнчаютъ,

Что онъ, отъ меча и стрѣлы покровенный Кипридой,

Изходитъ безвредно изъ битвы, лети насладиться
любовію ;

И меньше ль славы Ахиллу, что онъ огражденъ не-
вредимымъ

Щитомъ, искованьемъ Ифестова дивнаго млата,

Что смертный единый все древнее небо въ смятеніе
приводить ?

Тѣмъ выше великій, что боги съ великимъ съ союзъ,

Что, гнѣвомъ его распаленны, любимцу во славу,

Эленовъ избраннѣйшихъ въ бездну Тенера низ-
водятъ.

Пусть будетъ красою краса — не завидуй, что прелесть
ей съ неба,

Какъ лиліямъ пышность, дана безъ заслуги Цитерой ;

Пусть будетъ блаженна, плѣняя ; плѣняйся — тебѣ
наслажденье.

Не сѣтуй, что даръ пѣснопѣнья съ Олимпа на из-
бранныхъ сходить ;

Что сладкій пѣвецъ вдохновенъемъ невидимой арфы
наполненъ :

Скрывающій Бога въ душѣ претворенъ и для вне-
млющихъ въ Бога ;

Онъ счастливъ собою — ты, имъ наслаждаясь, бла-
женствуй.

Пускай предъ зеркаломъ Фемиды вѣнокъ отдается
заслугъ —

Но радость лишь боги на смертное око низводятъ.
Гдѣ не было чуда, вотще тамъ искать и счастливца.
Все смертное прежде родится, растетъ, созрѣваетъ,
Изъ образа въ образъ вѣдомое зиждущимъ Крономъ;
Но счастья мы и красы никогда въ созрѣваньи не
видимъ :

Отвѣка онъ совершенны во всемъ совершенствѣ
созданья ;

Не зримъ ни единой земныя Венеры, какъ прежде
небесной ,

Въ ея сокровенномъ изходѣ изъ тайныхъ обителей
моря ;

Какъ древле Минерва, въ безсмертный эгидъ и ше-
ломъ ополченна ,

Такъ каждая свѣтлая мысль изъ главы громовержца
родится.

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходить онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будить пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ Русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей Италійскихъ,
Встаютъ съ Африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходить трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,

И громко трубить онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будить:
Съдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сертукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фрунту,
И Маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ Адъютанты;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ Генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;

И арміи всей отдають
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И *Франція* тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ *Святая Елена*.
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ Императоръ усопшій.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

И

ПОСЕЛЯНКА.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Благослови Господь
Тебя, молодая мать,
И тихаго младенца,
Приникшаго къ груди твоей;
Здѣсь подь скалою,
Въ тѣни оливъ твоихъ пріютныхъ,
Сложивши ношу, отдохну
Отъ зноя близъ тебя.

ПОСЕЛЯНКА.

Скажи мнѣ, странникъ,
Куда въ палящій зной

Ты пыльною идешь дорогой?
Товары ль городскіе
Разносишь по селеньямъ?
Ты улыбнулся, странникъ,
На мой вопросъ.

Путешественникъ.

Товаровъ нѣтъ со мной.
Но вечеръ холодѣтъ;
Скажи мнѣ, поселанка,
Гдѣ тотъ ручей,
Въ которомъ жажду утоляешь?

Поселанка.

Взойди на верхъ горы;
Въ кустарникъ, тропинкой
Ты мимо хижины пройдешь,
Въ которой я живу;
Тамъ близко и студеный ключъ,
Въ которомъ жажду утоляю.

Путешественникъ.

Слѣды создательной руки
Въ кустахъ передо мною;

Не ты сіи образовала камни,
Обильно-щедрая природа.

Поселянка.

Иди впередъ.

Путешественникъ.

Покрытый мохомъ архитравъ;
Я узнаю тебя, творящій Геній;
Твоя печать на этихъ мшистыхъ камняхъ.

Поселянка.

Все далѣ, странникъ.

Путешественникъ.

И надпись подъ моей ногою;
Ее затерло время;
Ты удалилось,
Глубоко-врѣзанное слово,
Рукой творца нѣмому камню
Напрасно ввѣренный свидѣтель
Минувшаго богопочтенья;

Поселянка.

Дивишься, странникъ,

Ты этимъ камнямъ?

Подобныхъ много

Близъ хижины моей.

Путешественникъ.

Гдѣ? гдѣ?

Поселянка.

Тамъ, на вершинѣ,

Въ кустахъ.

Путешественникъ.

Что вижу? Музы и Хариты.

Поселянка.

То хижина моя.

Путешественникъ.

Обломки храма.

Поселянка.

Вблизи бѣжить

И ключъ студень,
Въ которомъ жажду утоляю.

Путешественникъ.

Неумирая, вѣшь
Ты надъ своей могилой,
О Геній; надъ тобою
Обрушилось во прахъ
Твое прекрасное созданье....
А ты безсмертенъ.

Поселянка.

Помедли, странникъ, я подамъ
Сосудъ, напиться изъ ручья.

Путешественникъ.

И плющъ обвѣсилъ
Твой ликъ, божественно-прекрасный.
Какъ величаво
Надъ этой грудой обломковъ
Возносится чета столбовъ.
А здѣсь ихъ одинокій братъ.
О какъ они —
Въ печальный мохъ одѣвъ главы священны —

Скорбя величественно, смотреть
На раздробленныхъ
У ногъ ихъ братій;
Въ тѣни шиповниковъ зеленыхъ,
Подъ камнями, подъ прахомъ
Лежать они и вѣтеръ
Травой надъ ними шевелить.
Какъ мало дорожишь, природа,
Ты лучшаго созданья своего
Прекраснѣйшимъ созданьемъ!
Сама святилище свое
Безчувственно ты раздробила,
И тернь посѣяла на немъ.

Поселянка.

Какъ спитъ младенецъ мой.
Войдешь ли, странникъ,
Ты въ хижину мою,
Иль здѣсь на волю отдохнешь?
Прохладно, поддержи дитя;
А я сосудъ водой наполню.
Спи, мой малютка спи.

Путешественникъ.

Прекрасенъ твой покой.....

Какъ тихо дышитъ онъ,
Исполненный небеснаго здоровья.
Ты, на святыхъ остаткахъ
Минувшаго рожденный,
О будь съ тобой его великій Геній;
Кого присвоить онъ,
Тотъ въ сладкомъ чувствѣ бытія
Земную жизнь вкушаетъ.
Цвѣти жъ надеждой,
Весенній цвѣтъ прекрасный;
Когда же отцвѣтешь,
Созрѣй на солнцѣ благодатномъ,
И дай богатый плодъ.

Поселянка.

Услышь тебя Господь!.... А онъ все спитъ.
Вотъ, странникъ, чистая вода
И хлѣбъ, даръ скудный, но отъ сердца.

Путешественникъ.

Благодарю тебя.
Какъ все цвѣтеть кругомъ
И живо зеленѣть.

Поселянка.

Мой мужъ придетъ

Черезъ минуту съ поля
Домой; останься, странникъ,
И ужинъ съ нами раздѣли.

Путешественникъ.

Жилище ваше здѣсь?

Поселянка.

Здѣсь, близко этихъ стѣнъ
Отецъ намъ хижину построилъ
Изъ кирпичей и каменныхъ обломковъ.
Мы въ ней и поселились.
Меня за пахаря онъ выдалъ,
И умеръ на рукахъ у насъ....
Проснулся ты, мое дитя?
Какъ веселъ онъ! какъ онъ играетъ!
О милый!

Путешественникъ.

О вѣчный свѣтель, Природа,
Даруешь всѣмъ ты сладостную жизнь;
Всѣхъ чадъ своихъ, любя, ты надѣлила
Наслѣдствомъ хижинки пріютной.
Высоко на карнизѣ храма

Селится ласточка, не зная,
Чье пыльное созданье застилает,
Лѣпя свое гнѣздо.

Червякъ, заткавъ живую вѣтку,
Готовить зимнее жилище
Своей семьѣ.

А ты среди великихъ
Мивувшаго развалинъ
Для нуждъ своихъ житейскихъ
Шалашъ свой ставишь, человѣкъ,
И счастливъ надъ гробами.
Прости, молодая поселанка.

Поселанка.

Уходишь, странникъ?

Путешественникъ.

Да Богъ благословить
Тебя и твоего младенца.

Поселанка.

Прости же, добрый путь.

Путешественникъ.

Скажи, куда ведетъ

Дорога этою горою?

Поселянка.

Дорога эта въ Кумы.

Путешественникъ.

Далеко ли путь?

Поселянка.

Три добрыхъ мили.

Путешественникъ.

Прости.

О, будь моимъ вождемъ, Природа;

Направъ мой страннический путь;

Здѣсь надъ гробами

Священной древности скитаюсь;

Дай мнѣ найти приютъ,

Отъ хладовъ сѣвера закрытый;

Чтобъ зной полдневный

Тополевая роща

Веселой сѣнью отвѣвала.

Когда жъ въ вечерній часъ

Усталый возвращусь
Подъ кровъ домашній,
Лучемъ заката позлащенный:
Чтобъ на порогъ моихъ дверей
Ко мнѣ на встрѣчу вышла
Подобно милая подруга
Съ младенцемъ на рукахъ.

СЕЛЬСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ.

Дѣти, овсяный кисель на столъ; читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку
не соваться;

Кушайте: всякой намъ даръ совершенъ и даяніе
благо;

Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ
помилуй.

Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Вотъ Господь-Богъ сказалъ: поди домой, не за-
боться;

Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, разцвѣтетъ и
созрѣетъ.

Слушайте жь, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и
смирно

Спитъ невидимкой малютка - зародышъ. Долго, долго
Спитъ онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣсть, и не пьеть
и не пикнетъ, доколѣ

Въ рыхлую землю его не положить и въ ней не
согрѣютъ.

Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ и малюткѣ тепло
подъ землею;

Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ,
какъ младенецъ,

Сокъ изъ роднаго зерна, и ростеть, и невидимо
зрѣть;

Вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ про-
буравилъ;

Ростетъ въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и нахо-
дитъ.

Что же?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ....

„Какъ бы провѣдать,

„Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?“.....

Тайкомъ, боязливо

Выглянулъ онъ изъ земли.... Ахъ! Царь мой не-
бесный, какъ любо!

Смотришь — Господь - Богъ Ангела шлетъ къ нему
съ неба:

„Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здрав-
ствуй.“

Пьетъ онъ.... ахъ, какъ же малютчкѣ сладко,
свѣжо и свободно.

Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умы-
лось,

На горы вышло съ своимъ рукодѣлемъ; идетъ по
небесной

Свѣтлой дорогѣ; прилѣжно работая, смотритъ на
землю,

Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ
улыбнулось,

Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взы-
грали.

„Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому
ласка!“

Въ чемъ же его рукодѣлье? Точетъ облачко дождевое.
Смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ по-
лилось, зашумѣло.

Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ —
онъ обсохнулъ.

„Нѣтъ (говоритъ онъ) теперь ужъ подъ землю ме-
ня не заманять.

„Что мнѣ въ потемкахъ? здѣсь я останусь; пусть
будетъ что будетъ.“

Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ
помилуй.

Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололеди-
цей въ полѣ.

Ахъ, мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зяб-
нетъ! какъ ноетъ!

Что съ нимъ будетъ! земля заперлась и негдѣ взять
пищи.

„Гдѣ же (онъ думаетъ) красное солнышко? Что не
выходить?

„Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?

„Ахъ, зачѣмъ покидалъ я родимое зернушко! дома

„Было мнѣ лучше; сидѣть-бы въ пріютномъ теплѣ
подъ землею.“

Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ до-
ведется

Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ
добывая

Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ
одинокой печали:

„Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за
печкой.“....

Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ;
веселѣе

Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ
ясный день Майской

Свѣжесть повѣяла.... солнышко яркое на горы вышло,

Смотрить: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и
крошку цѣлуется.

Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не по-
мнитъ.

Мало помалу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница и
просо,
Наша былиночка думаетъ: „я назадъ не останусь!“
Кстати ль! листки распустила.... кто такъ пре-
красно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался.... кто изъ жилочки въ
жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки соч-
ной?
Вотъ проглянулъ, налимся и качается въ воздухѣ
колосъ....
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣ-
силъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелко-
выхъ нитяхъ?
Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки къ
былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной
летаютъ.
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нѣжный, зыбучій колосикъ
осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ
вѣнчалномъ.
Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; бы-
линка

Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: я знаю,
что будетъ.

Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую по-
здравить;

Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: мно-
гѣя лѣта;

Въ сумерки жь, только что мошки, жучки поза-
снутъ и замолкнутъ,

Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ посвѣ-
титъ ей въ потемкахъ.

Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ
помилуй.

Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно ско-
силъ;

Собраны вишни; въ саду ни одной не осталось
сливки;

Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу и
просо;

Ужъ и на жниво собирать босикомъ ребяташки схо-
дились

Колосьь оброшенный; имъ помогла тихомолкомъ и
мышка....

Что - то былиночка дѣлаетъ? О, ужъ давно пополнила;
Много, много въ ней зернушекъ; гнется и дума-
етъ: „ полно ;

„ Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оста-
ваться

„Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣ-
пой и свеклой?“

Вотъ съ серпами пришли и Иванъ и Лука и Дуняша;
Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ
пальцы;

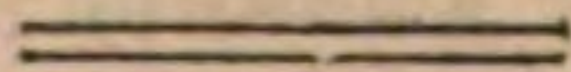
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ мо-
лотили

Съ трехъ часовъ по утру до пяти по полудни на
ригѣ;

Вотъ и гнѣдко потащился на мѣльницу съ возомъ
тяжелымъ;

Началъ жерновъ молоть; и зернушки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшечикъ; ссарила кисель, чтобъ дѣтуш-
камъ кушать;

Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спа-
сибо.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ

ВЪ ПОЛНОЧЬ.

Полночь било; въ добрый часъ!

Спите; Богъ не спитъ за насъ.

Какъ все молчить!.... Въ полночной глубинѣ
Окрестность вся какъ будто притаилась;
Нѣтъ шороху въ кустахъ; тиха дорога;
Въ пустой дали не простучитъ телега;
Не скрипнетъ дверь; дыханье не провѣетъ;
И коростель замолкъ въ травѣ болотной.
Все, все теперь подъ занавѣсомъ спать;
И легкою ль, неслышною стопою
Прокрался здѣсь безплотный духъ.... не знаю.
Но чу... тамъ прудъ шумить; перебираясь
По мельничнымъ колесамъ неподвижнымъ,

Сонливою струей бѣжитъ вода;
И ласточка тайкомъ ползетъ по бревнамъ
Подъ кровлю; и сова перелетѣла
По небу тихому отъ колокольни;
И въ высотѣ, фонарь ночной, луна
Виситъ межъ облаковъ и свѣтитъ ясно,
И звѣздочки вдали небесной брежжутъ....
Не такъ же ли когда, осенней ночью,
Измокнувшій, усталый отъ дороги,
Придешь домой, еще не видишь кровель,
А огонекъ ужъ тамъ и тутъ сверкаетъ?....
Но что жъ во мнѣ такъ сердце разгорѣлось?
Что на душѣ такъ радостно и смутно?
Какъ будто въ ней по родинѣ тоска!
Я плачу.... но о чемъ? И самъ не знаю!

*Полночь было; въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ.*

*Пускай темно на высотѣ;
Сіяютъ звѣзды въ темнотѣ.
То свѣтъ родимой стороны;
Про насъ онъ тамъ зажженъ.*

Куда идти мнѣ? Въ нижнюю деревню,
Черезъ кладбище?.... Дверь отворена.
Подумаешь, что въ полночь изъ могилъ

Покойники выходят навѣстить
Свое село, провѣдать, все ли тамъ,
Какъ было въ старину. До сей поры,
Мнѣ помнится, еще ни одного
Не встрѣтилъ я. Не прокричать ли *полночь*
Покойникамъ?..... Нѣтъ, лучше по гробамъ
Пройду я молча, есть у нихъ на башнѣ
Свои часы. Къ тому же.... какъ узнать!
Прошла ль уже ихъ полночь, или нѣтъ?
Быть можетъ, что теперь лишь только тьма
Сгущается въ могилахъ.... ночь долга;
Быть можетъ также, что струя разсвѣта
Уже мелькнула и для нихъ.... кто знаетъ?
Какъ смирно здѣсь! знать мертвые покойны?
Дай Богъ!..... Но мнѣ чего-то страшно стало.
Не все здѣсь умерло: я слышу, ходитъ
На башнѣ маятникъ... ты скажешь, бьется
Пульсъ времени въ его глубокомъ снѣ.
И холодомъ съ вершины дуетъ полночь;
Въ лугу ея дыханье бродитъ, тихо
Соломою на кровляхъ шевелить,
И пробирается сквозь тынь со свистомъ,
И сыростью отъ стѣнъ церковныхъ пашетъ —
Окончины трясутся, и порой
Скрыпнѣть, качаясь, крестъ — здѣсь подуваетъ
Оно въ открытую могилу... Бѣдный Фрицъ!
И для тебя готовятъ ужь постелю,

И каменный покровъ лежить при ней,
И на нее огни отчизны свѣтять.

Какъ быть! а всѣмъ одно; всѣхъ на пути
Застигнетъ сонъ... что жъ нужды! всѣ мы будемъ
На милой родинѣ; кто на кладбищѣ
Нашель постель — въ часъ добрый; вѣдь могила
Послѣдній на землѣ ночлегъ; когда же
Проглянетъ день и мы, проснувшись, выдемъ
На новый свѣтъ, тогда пути и часу
Не будетъ намъ съ ночлега до отчизны.

Полночь било; въ добрый часъ!

Спите, Богъ не спитъ за насъ.

Сіютъ звѣзды съ вышины,

То свѣтъ родимой стороны:

Туда черезъ могилу путь;

Въ могилъ жъ... только отдохнуть.

Гдѣ былъ я? гдѣ теперь? Иду деревней;
Прошелъ черезъ кладбище.... Все покойно
И здѣсь и тамъ.... И что жъ деревня въ полночь?
Не тихое ль кладбище? Развѣ тамъ,
Равно какъ здѣсь, не спать, не отдыхаютъ
Отъ долгія усталости житейской,
Отъ скорби, радости, подъ властью Бога,

Здѣсь въ хижинѣ, а тамъ въ сырой землѣ,
До яснаго, небеснаго разсвѣта?

А онъ ужь не далеко.... Какъ бы ночь
Ни длилася, и неба ни темнила,
А все разсвѣта намъ не миновать.
Деревню разъ, другой я обойду —
И пѣтухи начнутъ мнѣ откликаться,
И воздухъ утренній начнетъ въ лице
Мнѣ дуть; проснется день въ бору, отдернетъ
Небесный занавѣсъ, и утро тихой
Струей прольется въ сумракъ; наконецъ,
Посмотришь: холмъ, и доль, и лѣсъ сіяютъ;
Все встрепенулося; тамъ ставень вскрылся,
Тамъ отворилась дверь; и все очнулось,
И всюду жизнь свободная взыграла.
Ахъ, Царь небесный, что за праздникъ будетъ,
Когда послѣдняя промчится ночь!
Когда всѣ звѣзды, малыя, большія,
И мѣсяцъ, и заря, и солнце вдругъ
Въ небесномъ пламени расстаютъ, свѣтъ
До самой глубины могилъ прольется,
И скажутъ матери младенцамъ: *утро!*
И все отъ сна пробудится; тамъ дверь
Тяжелая отворится, тамъ ставень;
И выглянуть усопшіе оттуда!...
О, сколько бѣдъ забыто въ тихомъ снѣ!

И сколько ранъ глубокихъ въ самомъ сердцѣ
Изцѣлено! Встають, здоровы, ясны;
Пьютъ воздухъ жизни; онъ вливаетъ крѣпость
Имъ въ душу.... Но когда жь тому случиться?

*Полночьъ било ; въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ.*

*Еще лежитъ на небѣ тѣнь;
Еще далеко свѣтлый день;
Но живъ Господь; онъ знаетъ срокъ:
Онъ вышетъ утро на востокъ.*

ТЛѢННОСТЬ.

РАЗГОВОРЪ НА ДОРОГѢ, ВЕДУЩЕЙ ВЪ БАЗЕЛЬ, ВЪ ВИДУ РАЗВА-
ЛИНЪ ЗАМКА РЕТЛЕРА, ВЕЧЕРОМЪ.

Внукъ.

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходить въ мысль: что если тожь случится
И съ нашей хижинкой?...,.. Какъ страшно тамъ!
Ты скажешь: смерть сидитъ на этихъ камняхъ.
А домикъ нашъ?..... Взгляни: какъ будто церковь,
Свѣтлѣетъ на холмѣ, и окна блещутъ.
Скажи жъ, какъ можетъ быть, чтобы и съ нимъ
Случилось тожь, что съ этимъ старымъ замкомъ?

Дѣдушка.

Какъ можетъ быть?..... Ахъ, другъ мой, это будетъ.
Всеу чередъ: за молодостью вслѣдъ
Тащится старость; все идетъ къ концу,
И ни на мигъ не постоитъ. Ты слышишь:

Безумолку шумить вода! Ты видишь:
На небесахъ сіяють звѣзды! Можно
Подумать, что онѣ ни съ мѣста.... нѣтъ!
Все движется, приходитъ и уходитъ.
Дивись, какъ хочешь, другъ, а это такъ.
Ты молодъ; я былъ также молодъ прежде;
Теперь ужъ все иное..... старость, старость!
И что жъ? Куда бы я ни шелъ — на пашню,
Въ деревню, въ Базель — все иду къ кладбищу!
Я не тужу.... и ты, какъ я, созрѣешь.
Тогда посмотришь, гдѣ я?... Нѣтъ меня!
Ужъ вкругъ моей могилы бродятъ козы;
А домикъ между тѣмъ дряхлѣй, дряхлѣй;
И дождь его сѣчетъ, и зной палитъ,
И тихомолкомъ червь буравитъ стѣны,
И въ кровлю течъ, и въ щели свищетъ вѣтеръ....
А тамъ и ты закрылъ глаза; дѣтей
Смѣнили внуки; то чини, другое;
А тамъ и нечего чинить.... все сгнило!
А поглядишь: лѣтъ тысяча прошло —
Деревня вся въ могилѣ; гдѣ стояла
Когда-то церковь, тамъ соха гуляетъ.

Внукъ.

Ты шутишь: быть не можетъ!

Дѣдушка.

Будетъ, будетъ!

Дивись, какъ хочешь, другъ, а это такъ!

Вотъ Базель нашъ.... сказать, прекрасный городъ!
Домовъ не счесть — иной огромный церкви;
Церквей же болѣ, чѣмъ въ иной деревнѣ
Домовъ; всѣ улицы кипятъ народомъ;
И сколько жь добрыхъ тамъ людей!.... Но что же?
Какъ многихъ нѣтъ, которыхъ я, бывало,
Встрѣчалъ тамъ.... Гдѣ они? Лежатъ давно
За церковью и спятъ глубокимъ сномъ!
Но только ль, другъ? Ударить часъ — и Базель
Сойдетъ въ могилу! Кое-гдѣ, какъ кости,
Выглядывать здѣсь будутъ изъ земли:
Тамъ башня, тамъ стѣна, тамъ сводъ упавшій;
На нихъ же, по мѣстамъ, береза, кустъ,
И мохъ сѣдой, и въ немъ на гнѣздахъ цапли....
Жаль Базеля! А если люди будутъ
Все также глупы и тогда, какъ нынче;
То заведутся здѣсь и привидѣнья,
И черный волкъ и огненный медвѣдь,
И мало ли....

Внукъ.

Не громко говори!
Дай мостъ намъ перейти; тамъ у дороги,
Въ кустарникѣ, прошедшею весной
Похороненъ утопленникъ. Смотри,
Какъ пятится гнѣдко, и уши поднялъ;
Глядитъ туда, какъ будто что-то видитъ!

ДѢДУШКА.

Молчи, глупецъ! Гнѣдко пужливъ; тамъ кустъ
Чернѣется — оставь въ покоѣ мертвыхъ:
Намъ ихъ не разбудить; а рѣчь теперь
О Базелѣ; и онъ въ свой часъ умереть!
И много, много лѣтъ спустя, быть можетъ,
Здѣсь остановится прохожій: взглянетъ
Туда, гдѣ нынче городъ.... тамъ все чисто!
Лишь солнышко надъ пустыремъ играетъ!
И спутнику онъ скажетъ: „встарину
„Стоялъ тамъ Базель; эта груда камней
„Въ то время церковью Петра была....
„Жаль Базеля!“

ВНУКЪ.

Какъ можетъ это случиться?

ДѢДУШКА.

Не вѣрь, иль вѣрь, а это не минуешь.
Придетъ пора — сгорить и свѣтъ. Послушай:
Вдругъ о полуночи выходить сторожъ —
Кто онъ, не знаютъ — онъ не здѣшній; ярче
Звѣзды блеститъ онъ и гласитъ: *проснитесь!*
Проснитесь, скоро день!.... Вдругъ небо рдѣетъ
И загорается, и громъ сначала;

*

Едва стучить; потомъ сильнѣй, сильнѣй!
И вдругъ отсюду загремѣло; страшно
Дрожить земля; колокола гудятъ,
И сами свѣтъ сзываютъ на молитву;
И вдругъ.... все молится; и всходитъ день —
Ужасный день: безъ утра и безъ солнца!
Все небо въ молніяхъ, земля въ блистаньи!
И мало ль, что еще!.... Все наконецъ
Зажглось, горить, горить и прогораетъ
До дна, и нѣкому тушить, и само
Потухнетъ.... Что ты скажешь? Какова
Покажется тогда земля?

В н у к ъ.

Какъ страшно!
А что съ людьми, когда земля сгоритъ!

Д ѣ д у ш к а.

Съ людьми?.... Людей давно ужъ нѣтъ: они....
Но гдѣ они?.... Будь добръ; смиреннымъ сердцемъ
Вѣрь Богу; береги въ душѣ невинность —
И все тутъ!.... Посмотри: тамъ свѣтятъ звѣзды!
И что звѣзда, то ясное селенье!
Надъ ними жь, слышно, есть прекрасный городъ!
Онъ невидимъ!.... Но будешь добръ, и будешь

Въ одной изъ звѣздъ, и будетъ миръ съ тобою!

А если Богъ посудитъ, то найдешь

Тамъ и своихъ: отца и мать и.... дѣда!

А можетъ быть — когда итти случится

По млечному пути въ тотъ тайный городъ —

Ты вспомнишь о землѣ, согласишь внизъ,

И что жъ внизу увидишь? *Замокъ Ретлеръ!*

Все въ уголь сожжено; а наши горы,

Какъ башни старыя, чернѣютъ; вокругъ

Зола; въ рѣкѣ воды нѣтъ, только дно

Осталось пустое — мертвый слѣдъ

Давнишняго потока; и все тихо,

Какъ гробъ. Тогда товарищу ты скажешь:

„Смотри: тамъ встарину земля была!

„Близъ этихъ горъ и я жила въ ту пору,

„И пасъ коровъ, и сѣялъ, и пахалъ!

„Тамъ дѣда и отца отнесъ въ могилу;

„Былъ самъ отцемъ, и радостнаго въ жизни

„Мнѣ было много; и Господь мнѣ далъ

„Кончину мирную..... и здѣсь мнѣ лучше!“

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Слушай, дружокъ! (говорить Воскресенью Суббота)
деревня

Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ
покойно;

Время и мнѣ на покой: меня одолѣла дремота;
Полночь близко!.... И только успѣла Суббота про-
молвить:

„Полночь!“ а полночь ужъ тутъ и ее принимаетъ
безмолвно

Въ тихое лоно. Моя чередѣ! говоритъ Воскресенье;
Легкой рукою, тихохонько двери свои отворило,
Вышло и смотреть на звѣзды: звѣзды ярко сія-
ютъ;

На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсь за-
дернуть.

Долго еще до разсвѣта; все спитъ; иногда повѣ-
ваетъ

Свѣжій, ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенув-
шійся, какъ будто

Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидим-
кой

Ходить, какъ духъ безтѣлесный; неслышной сто-
пой Воскресенье.

Въ рощу заглянетъ — тамъ тихо; листья молчатъ;
сквозь вершины

Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки
смотрятъ;

Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ
лампада

Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ —
тамъ незримый

Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ
вся окрестность,

Холмы, деревья въ невѣрныхъ тѣни слилися, и
молча

Слушаютъ шепотъ. Зайдетъ на кладбище — могилы
въ глубокомъ

Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что
дышетъ свободнымъ,

Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ — и тамъ
все покойно;

Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь

Съ темной своей колокольной, внутри озаренная
слабымъ

Блескомъ свѣчи предъ Иконой, стоитъ какъ будто
безмолвный

Сторожъ деревни. — Спокойно на паперти свѣтъ,
Воскресенье

Ждетъ посреди глубокой тмы и молчанья, чтобъ
утро

На небѣ тронулось.... тронулось утро; во тму и
молчанье

Что-то живое проникло; стало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнеть.... пѣтухъ закричалъ. Воскресенье
тихонько

Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько шеп-
нуло:

„Солнышко, встань!“... И разомъ подернулся
блѣдной струёю

Темный востокъ; началось тамъ движеніе, и слѣ-
домъ за яркой

Утренней звѣздочкой, рой облаковъ прилетѣлъ и
усыпалъ

Небо, и лучъ за лучемъ полился, облака зажигая....
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце
явилось.

Вся деревня проснулась, и видить: стоитъ Воскре-
сенье

Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и, сіяя на солнцѣ

„Доброе утро!“ всѣмъ говорить. И торжественно-
тихій

Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-трудной
недѣли;

Благовѣсть звонкій въ церковь зоветъ — и въ одеж-
дѣ Воскресной

Старый и малый идутъ на молитву.... Въ деревнѣ
молчанье;

Въ церкви дымится кадила, и тихое слышится
пѣнье.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

Откуда, звѣздочка краса!
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей.
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня тотъ днемъ здоровъ;
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать;
За то и утра не видать.
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встають передъ зарей.
Работа рано по утру,
Досугъ и пѣсни ввечеру.

А птички? всѣ давно ужъ тутъ;
Играють, свищутъ и поють;
Съ куста на кустъ; изъ сѣни въ сѣнь;
Кричатъ другъ дружкѣ: добрый день.
И томно горлянки журчатъ;
Да чу! и къ заутренѣ звонять.

Вездѣ молитва началась:
„Небесный Царь, услыши насъ;
„Твое владычество приди,
„Насъ въ искушенье не введи;
„На путь спасенія наставъ
„И отъ лукаваго избавь.“

За чѣмъ же звѣздочка-краса
Всегда такъ рано въ небеса?....
Звѣзда-подружка тамъ горитъ.
Пока родное солнце спитъ,
Спѣшать увидѣться онѣ
Въ уединенной вышинѣ.

Тайкомъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
Она за милою во слѣдъ
Бѣжитъ сія на востокъ;
И будить ранній вѣтерокъ;
И тихо вѣя съ высоты,
Онъ милой шепчетъ: гдѣ же ты?

Но что жь? Увидѣться ли?.... нѣтъ.
Спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ.
Ужъ вотъ оно: востокъ загло,
Свой алый завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ,
И ярко смотритъ изъ-за горъ.

А звѣздочка?.... Ужъ не блеснитъ;
Печально-блѣдная, бѣжитъ;
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
И скрылась въ безднѣ голубой.
И солнце на небѣ одно,
Великолѣпно и красно.

Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ;
Затешился на церкви крестъ;
И тонкій паръ встаетъ окрестъ;
И взглянетъ лишь куда оно,
Тамъ мигомъ все оживлено.

На кровль аистъ носъ острить;
И въ небѣ ласточка кружить;
И дымъ клубится изъ печей;
И будить мельницу ручей;
И тихо рдѣть темный боръ;
И звучно въ немъ стучить топоръ.

Но кто тамъ въ утреннихъ лучахъ
Мелькнулъ и спрятался въ кустахъ?
Съ вѣтвей посыпалась роса.
Не ты ли, дѣвица-краса,
Душѣ сказалася моей
Веселой прелестью своей?

Будь я восточною звѣздой,
И будь на тверди голубой,
Моя звѣзда-подружка ты,
И мнѣ сіяй изъ высоты —
О звѣздочка-душа моя,
Не испугался бѣ солнца я.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Знать солнышко утомлено;
За горы прячется оно
Лучь погашаетъ за лучёмъ,
И алымъ тонкимъ облачкомъ,
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ: лѣтній дологъ путь.
Вездѣ жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй; тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ при томъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку разколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей;
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колось зрѣлостью налить.

А если жаръ для стада жестокъ,
Смани ихъ къ рошѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подѣ острою косою
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копна собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣль,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣль.

И такъ совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ,
И намъ сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ.

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ сіяя вслѣдъ....
Гляди, гляди; въ томъ пользы нѣтъ!
Сей часъ оно передъ тобой
Задержнетъ алый завѣсъ свой.

Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди что заблеститъ;
Давно за горкой онъ спдитъ.

Но что жъ такъ медлитъ онъ вставать?

Все хочеть солнце переждать.

Вставай, вставай, уже давно

Заснуло въ сумеркахъ оно.

И вотъ онъ всходитъ; въ доль глядитъ,

И блѣдно зелень серебритъ.

И ночь ужъ на небо взошла,

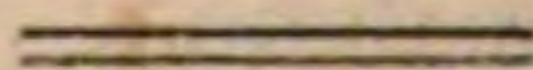
И тихо на небѣ зажгла

Гостепріимные огни;

И все замолкнуло въ тѣни;

И по долинамъ, по горамъ

Все спитъ.... пора ко сну и намъ.

ЦЕИКСЪ И ГАЛЬЦІОНА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ОВИДІЕВЫХЪ ПРЕВРАЩЕНІЙ.

Цейксъ, тревожимый ужасомъ тайныхъ, чудесныхъ
видѣній.

Былъ готовъ испытать прорицанье Кларійскаго
Бога —

Въ Дельфы же путь заграждали Форбасъ и дружины
Флегіанъ.

Онъ приходитъ къ своей Гальціонѣ, вѣрной су-
пругѣ,

Ей сказать о разлукѣ . . . сказалъ . . . ужаснулась и
хладомъ

Грудь облилася, блѣдность ланиты покрыла, сле-
зами

Очи затмилась, трикраты отвѣтъ начинала — три-
краты

Скованный горемъ языкъ измѣнялъ; наконецъ во-
зошла,

Частымъ рыданіемъ томно — печальную рѣчь пре-
рывая :

„ Милый супругъ мой ! какою виной отъ себя уда-
лила

„ Я твое сердце ? Уже ли не стало въ немъ преж-
ней любви ?

„ Ты равнодушно теперь покидаешь свою Галь-
ціону ;

„ Путь выбираешь дальнѣйшій ; я ужъ милѣй въ
отдаленіи.

„ Странствуй ты по землѣ — тогда бы сердце не
знало

„ Страха въ печали, была бы тоска безъ заботы...
но моря,

„ Моря страшусь ! ужасаетъ печальная мрачность
пучины !

„ Волны — я зрѣла вчера — корабельны обломки
носили ;

„ Здѣсь неразъ на гробницахъ пустыхъ имена я
читала.

„ Другъ ! не ввѣрайся надеждѣ безстрашнаго серд-
ца ! не льстися

„ Дружбой родителя, бога Эола, могущаго силу

„ Вѣтровъ смирять и море по волѣ мутить и покоить.

„ Разъ овладѣвши волнами, разкованны вѣтры не
знають

„ Буйству границъ; и земля и моря имъ покорны;
сгоняють

„ Тучи на небо и страшнымъ огнемъ зажигаютъ
ихъ нѣдра.

„ Ахъ! чѣмъ болѣ ихъ знаю (а знать ихъ должна;
я младенцемъ

„ Часто въ жилищѣ отца ихъ видала) тѣмъ болѣ
страшусь ихъ.

„ Если жъ ни просьбы, ни слезы мои надъ тобою
не властны,

„ Если ужъ въ море далекое должно, должно пу-
скаться,

„ Другъ, возьми съ собою меня: мы раздѣлимъ судь-
бину;

„ Зная, чѣмъ стражду, менѣе буду страдать; что
ни встрѣтимъ,

„ Все за одно! безъ разлуки невѣрнымъ волнамъ
предадимся!“

Тронутый жалобной рѣчью супруги, сынъ Люцифе-
ровъ

Долго безмолвствовалъ, въ сердцѣ тая глубокое
горе.

Но постоянный въ желаньи, онъ ввѣритъ своей
Гальціоны

Вмѣстѣ съ собой произволу опаснаго моря не смѣетъ.

Хочетъ ее убѣдить ободрительнымъ словомъ.....

напрасно!

Нѣтъ убѣжденья печальной душѣ! наконецъ онъ

сказалъ ей:

„Долго разлука и краткая длится; но я Люцифе-
ромъ

„Свѣтлымъ клянусь возвратиться, если допустить
судьбина,

„Прежде, чѣмъ дважды луна въ небесахъ совер-
шиться успѣетъ.“

Симъ обѣтомъ надежду на скорой возвратъ ожи-
вивши,

Онъ повелѣлъ спустить на волны ладью и не медля
Снасти устроить и все изготовить къ далекому
бѣгу.

Видитъ ладью Гальціона, и вѣщей душой предузнавши
Будущій рокъ, содрогнулась, слезы ручьемъ поли-
лися,

Нѣжно прижалась къ супругу лицомъ безнадежно
печальнымъ;

Томно шепнула: прости! и пала безъ чувства на
берегъ.

Медлитъ унылый супругъ; но пловцы ужъ рядами
взмахнули

Весла, прижавъ ихъ къ могучимъ грудямъ, и соглас-
нымъ ударомъ

Вспынули влаги. Тронулось судно. Она отворила
Влажные очи, и видит его у кормы.... Удалась,
Знакомъ прощальнымъ руки онъ послѣдній привѣтъ
посылаетъ.

Тѣмъ же знакомъ она отвѣчала. Далѣ и далѣ
Берегъ уходитъ, и очи лица разпознать ужъ не
могутъ ;

Долго, долго преслѣдуетъ взоромъ бѣгущее судно ;
Но когда и оно въ отдаленнѣ пространства про-
пало ,

Силится взоромъ поймать на мачтѣ играющій па-
русъ.

Скоро и парусъ пропалъ. И бевмолвно въ чертогъ
опустѣлый

Тихо пошла Гальціона и пала на одръ одинокій!...
Ахъ ! и чертогъ опустѣлый, и одръ, и все раздра-
жало

Грустное сердце, твердя о далеко-плывущемъ су-
пругъ.

Судно бѣжить. Вдругъ вѣтеръ шатнулъ неподвиж-
ныя верви ;

Праздныя веслы къ бокамъ ладіи прислонивъ, ко-
рабельщикъ

Волю далъ парусамъ и пустилъ ихъ свободно по
мачтѣ ;

Полные вѣтромъ попутнымъ, шумя, паруса натяну-
лись.

Море браздя, половину пути ужь ладья совершила.
Берегъ повсюду равно отдаленъ, повсюду невидимъ.

Вдругъ, передъ ночью, надулися волны, море бѣлѣетъ ;

Сильный порывистый вѣтеръ внезапно ударилъ отъ юга.

„Свить паруса!“ возопилъ ужаснувшійся кормщикъ . . . напрасно !

Вѣтра могучій порывъ помѣшалъ повелѣнье исполнить ;

Шумомъ ревущей волны заглушало невнятное слово.

Сами гребцы на работу бѣгутъ ; одинъ убираетъ

Весла, другой чинить расколовшійся бокъ, тотъ исторгнуть

Силится парусъ у вѣтра, а тотъ, изъ ладьи выливая
Въ трещины бьющую воду, волны волнамъ возвращаетъ.

Все въ безпорядкѣ, а буря грознѣй и грознѣй ;
отовсюду

Вѣтры слетаяся, бьются, и море, вздымаяся, воетъ.

Кормщикъ бодрость утратилъ, и самъ, признавая
опасность,

Гдѣ они, что имъ начать, отъ чего остеречься, не знаетъ.

Властвуетъ буря ! ничтожны предъ нею искусство
и опытъ !

Вихорь, вопли гребцовъ, скрипенье снастей, не-
прерывный

Шлескъ отшибаемыхъ волнъ и громъ отовсюду.....
ужасно !

Воды буграми, и море то вдругъ до самаго неба
Рвется допрыгнуть и темныя тучи волнами обрыз-
гать,

То, подымая желтый песокъ изъ глубокия бездны,
Мутно желтѣеть; то вдругъ чернѣе Стигійскія
влаги !

То, опадая и пѣной шипящей разбившись, бѣлѣтъ.
Мчится Трахинское судно легкимъ игралищемъ
бури ;

Вдругъ возлетитъ и какъ будто съ утесистой гор-
ной стремнины

Смотрить въ глубокой доль, въ глубокую мглу
Ахерона ;

Вдругъ съ волной упадаетъ и, кругомъ взгромож-
денному морю,

Видитъ какъ будто изъ адскія бездны далекое небо.

Страшно гремитъ ладія, отшибая разящія волны :

Такъ раздаются удары въ стѣнѣ, тяжелымъ тара-
номъ

Глухо разимой, иль брошеннымъ тяжкимъ облом-
комъ утеса.

Словно какъ пламенный левъ свирѣѣтъ, тѣсни-
мый ловцами,

Бѣшенъ встаетъ на дыбы, и грудью кидается въ
копья :

Такъ ярма вѣтромъ волна, бросаясь на мачты,
Судно грозитъ пожрать и реветъ, надъ нимъ по-
дымаясь.

Киль разшатался; утративъ защиту смолы, разда-
лся

Бренные сшивы досокъ, и вторглась губящая влага;
Вдругъ облака, разступившись, дождемъ зашумѣли;
казалось,

Небо упало на море, и море воздвиглося къ небу.
Взмокли всѣ паруса, смѣшались съ водами пучины
Воды небесъ, и казалось, что звѣзды утратило
небо.

Темную ночь густила темная буря; но часто
Молніи быстрымъ, излучистымъ блескомъ, летая по
тучамъ,

Ярко сверкали, и бездна морская въ громахъ за-
горалась.

Вдругъ поднялся, и бѣжить, раскачавшись, ударить
на судно

Валь огромный. Подобно бойцу великану, ко-
торый

Дерзко неразъ набѣгалъ на раскатъ осажденнаго
града,

Сбитый снова рвался, наконецъ окрыляемый сла-
вой,

Силой взбѣжалъ на вершину стѣны, одинъ изъ дру-
жины :

Такъ, посреди стѣсненныхъ валовъ, осаждающихъ
судно,

Всѣ перевыся главой, воздвигся страшный девятый.
Хлещеть, бьетъ по скрыпучимъ бокамъ ладіи утом-
ленной,

Рвется, ворвался, и вдругъ овладѣлъ завоеваннымъ
судномъ.

Волны, частью толпятся на приступъ, частью вло-
милась ;

Все трепещеть, какъ будто во градъ, когда ужъ въ
проломы

Бросился врагъ, и стѣна за стѣною, гремя, упадаетъ.

Тщетно искусство ; мужество пало ; мнится, что съ
каждой

Новой волною новая страшная смерть нападаетъ.

Нѣтъ спасенья ! тотъ плачетъ ; тотъ цѣпенѣтъ, тотъ
мертвымъ

Въ гробъ завидуетъ ; тотъ къ богамъ посылаетъ
обѣты ;

Тотъ, напрасно руки подьема къ незримому небу,
Молить пощады ; тотъ скорбитъ объ отцѣ, тотъ о
братѣ ,

Тотъ о супругѣ и чадахъ, каждый о томъ, что по-
кинулъ ;

Цепксь о милой своей Гальціонѣ : одной Гальціоны

Имя твердить онъ, тоскуеть по ней, но, тоскуя,
утѣшенъ

Тѣмъ, что она далеко; хотѣлъ бы къ домашнему
брегу

Разъ оглянуться, разъ хотѣлъ бы лицомъ обра-
титься

Къ милому дому.... но гдѣ же они? разъяренная буря
Все помутила; сугубой мглою черныя тучи
Небо все обложили, и ночь безпредѣльная всюду.
Вихорь вдругъ налетѣлъ.... затрещавъ, подломилась
и пала

Мачта за край и руль пополамъ. И, вставъ на до-
бычу,

Грозенъ, жаденъ, смотреть изъ бездны валь-побѣ-
дитель.

Тяжкій, словно Аѳосъ, могучей рукою съ подошвы
Сорванный, словно Пиндъ, обрушенный въ бездну
морскую,

Онъ повалился. Корабль, раздавленный падшей гро-
мадой,

Вдругъ потонулъ. Одни изъ пловцевъ, захлебнув-
шись

Въ вихрь пѣнныхъ валовъ, не всплыли и разомъ
погибли;

Часть за обломки ладьи ухватились. Цѣпясь руками,
Нѣкогда скипетръ носившими, стиснуль отбитую
доску:

Въ помощь отца, въ помощь Эола, водой погло-
щаемъ,

Часто зоветъ онъ, но чаще зоветъ свою Гальціону;
Съ нею мысли и сердце; жаль ее, а не жизни;
Молить онъ волны: тѣло его до очей Гальціоны
Милыхъ донести, чтобъ родная рука его схоронила;
Онъ утопаетъ, но только что волны дыханье от-
пустятъ,

Онъ Гальціону зоветъ, онъ шепчетъ водамъ: Галь-
ціона!

Вдругъ горой набѣжала волна, закипѣла и, лопнувъ,
Пала къ нему на главу, и его задавила паденьемъ....
Мракомъ задернувшись, въ оную ночь былъ незримъ
и незнаемъ

Свѣтлый Люциферъ: невластный покинуть вершины
Олимпа,

Онъ въ высотѣ облаками закрылъ печальныя очи. —
Тою порою Эолова дочь, объ утратѣ не зная,
Ночи свои въ нетерпѣньи считаетъ, готовитъ су-
пругу

Платя, уборы гововитъ себѣ, чтобъ ей и ему на-
рядиться

Въ день возврата, ласкаясь уже невозможнымъ сви-
даньемъ.

Всѣхъ боговъ призывая, предъ всѣми она зажигаетъ
Жертвенный ладонъ, Юнону жъ богиню усердїе
молить,

Молить, увы! о погибшемъ, навѣкъ невозвратномъ
супругѣ;

Молить, чтобъ онъ былъ здоровъ, чтобъ къ ней
возвратился, чтобъ вѣрный

Сердца не отдалъ другой. Изъ столькихъ напрас-
ныхъ желаній

Только послѣднее слишкомъ, слишкомъ исполнено
было!

Но мольбы Гальціоны о мертвомъ тревожатъ
Юнону:

Жертву и храмъ оскверняетъ рука, посвященная
тѣни.

„Вѣстница воли боговъ (сказала Юнона Иридѣ),

„Знаешь, гдѣ сонъ обитаетъ, безмолвный податель
покоя.

„Къ богу сему полети отъ меня повелѣть, чтобъ
не медля

„Въ образѣ мертваго Цейкса призракъ послалъ
Гальціонѣ,

„Истину ей возвѣститъ,“ Сказала. Ирида въ
одеждѣ,

Яркостью красокъ блестящей, дугой въ небесахъ
отразившись,

Быстро порхнула къ обителю бога, въ скалахъ со-
кровенной.

Есть въ сторонѣ Киммеріянъ пустая гора съ каме-
нистой

Мрачной пещерой; издавна тамъ Сонъ обитаетъ
лѣнивый.

Тамъ никогда, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ
пору заката

Фебъ не сіяетъ; лишь тонкій туманъ, отъ земли
подымаясь,

Влажною стелется мглой и сумракъ сомнительный
свѣтитъ.

Тамъ никогда будитель пернатыхъ съ пурпуровымъ
гребнемъ

Дня не привѣтствуетъ крикомъ, ни песь - сторожи-
тель молчанья

Лаемъ своимъ не смущаетъ, ни говоромъ гусь осто-
рожный;

Тамъ ни птицы, ни звѣря, ни легкой вѣтки дре-
весной

Шорохъ не слышенъ и слова языкъ человѣчій не
молвить;

Тамъ живетъ безгласный Покой. Изъ - подъ камня
сочася,

Медленной струйкой Летійскій ручей, по хрящу
пробираясь,

Слабымъ, чуть слышнымъ журчаньемъ сладко наво-
дитъ дремоту;

Входъ пещеры обсаженъ цвѣтами роскошнаго мака
Съ множествомъ травъ: изъ нихъ усыпительный
сокъ выжимая,

Влажная Ночь благодатно кропитъ имъ усталую
землю.

Въ цѣломъ жилищѣ нѣтъ ни одной скрышучія
двери,

Тяжко на петляхъ ходящей, нѣтъ на порогѣ и
стража.

Одръ изъ гебена стоитъ по срединѣ чертога, задер-
нуть

Темной завѣсой; наполнены пухомъ упругимъ по-
душки.

Богъ разметавшись на ложѣ, нѣжитъ разслабленны
члены.

Ложе осыпавъ, Сны безтѣлесные, легкія Грезы
Тихо лежать въ безпорядкѣ, несчетны, какъ нив-
ные класы,

Листья дубравъ иль песокъ, на брегѣ набросанный
моремъ,

Входитъ въ пещеру младая богиня, раздвинувъ ру-
кою

Входъ заслонившіе Сны. Сіянье небесной одежды
Быстро темный чертогъ облеснуло. Встревоженный
блескомъ,

Богъ медлительно поднималъ очи и снова закрылъ
ихъ ;

Силится встать, но слабость голову сонную кло-
нить ;

Нехотя онъ приподнялся; шатаясь, оперся на руку;

Всталъ. — За чѣмъ ты? спросилъ онъ богиню. —

Ирида сказала:

„ Сонъ , живущихъ покой ! о Сонъ , божество благодати !

„ Миръ души, удалитель заботъ, усталого сердца

„ Нѣжный по тяжкихъ трудахъ и печаляхъ дневныхъ
оживитель ,

„ Сонъ ! повели, чтобъ Мечта, подражатель обманчивой правды ,

„ Въ городъ Иракловъ Трахины, въ ликъ Царя полетѣла

„ Вѣрнымъ видѣньемъ гибель супруга явить Гальціонъ.

„ Такъ повелѣла Юнона. “ Окончивъ, Ирида младая
Бога покинуть спѣшитъ : невольно ее покоряла
Сонная сила , и тихо кралось въ нее усыпленье.
Снова лазурью по радугѣ свѣтлой она полетѣла.
Богъ изъ несмѣтнаго роя имъ порожденныхъ Видѣній

Выбралъ искусника , всѣхъ принимателя вѣдъ
Морфея :

Выдумщикъ хитрый, по волѣ во всѣхъ онъ являет-
ся лицахъ ,

Все выражаетъ : поступъ, движенья тѣла и голосъ,
Даже отмѣны одеждъ и каждому свойственны рѣчи;
Но способенъ онъ - братъ одинъ человѣческій
образъ.

Есть другой — тотъ является птицей, звѣремъ,
шипящимъ
Змѣемъ, слыветъ на Олимпѣ Икелось, а въ людяхъ
Фоветоръ.
Третій, мечтательный Фантазось, дивнымъ своимъ
дарованьемъ
Въ камни, волны, пригорки, пни, во все, что без-
душно,
Съ легкостью быстрой влетаетъ. Они Царямъ и
Владыкамъ
Чудятся ночью; другіе жъ народъ и гражданъ по-
сѣщаютъ.
Богъ, миновавъ ихъ, изъ легкаго сонмища вызвалъ
Морфея
Волю Ириды свершить; потомъ, обезсиленъ дре-
мотой,
Голову томно склонилъ и въ мягкій пухъ погру-
зился.
Тихо Морфей на воздушныхъ, безъ шороха вѣю-
щихъ крыльяхъ
Мракомъ летитъ; онъ, скоро полетъ соверша, очу-
тился
Въ градъ Гемонскомъ, и крылья сложилъ, и Цейк-
совъ образъ
Принялъ: блѣденъ, подобно бездушному, нагъ, без-
образенъ,
Онъ подошелъ къ одру Гальціоны; струею лилася

Влага съ его бороды, съ волосъ бѣжали потоки.
Къ ложу тихо склонившись лицемъ, облитымъ сле-
зами,

Онъ сказалъ: „я Цепксъ; узнала ль меня Галь-
ціона?

„Смерть уже ль измѣнила меня? Всмотрися —
узнаешь;

„Или хотъ призракъ супруга вмѣсто супруга об-
нимешь.

„Тщетны были моленья твои, Гальціона; погибъ я.

„Въ моръ Эгейскомъ, южный, порывистый вѣтеръ
настигнулъ

„Нашу ладью, и долго бросалъ по волнамъ, и раз-
рушилъ.

„Мнѣ въ уста, напрасно твое призывавшія имя,

„Влага морская влилась. Не гонецъ предъ тобой,
Гальціона,

„Съ вѣстью невѣрной; не слуху невѣрному нынѣ
ты внимлешь:

„Самъ я, въ моръ погибшій, тебѣ повѣствую по-
гибель.

„Встань же, вдова; дай слезъ мнѣ; одѣнься въ
одежду печали.

„О! да не буду въ Тартаръ темномъ бродить не-
оплаканъ.“

Такъ говорилъ Морфей, и голосъ его былъ подо-
бенъ

Голосу Цейкса; очи его непритворно слезами
Плакали; даже и руки свои простиралъ онъ, какъ
Цейксъ.

Тяжко во снѣ Гальціона рыдала; сквозь сонъ про-
тянула

Руки; ловить его, но лишь воздухъ пустой обнимаетъ.
„Стой! она возопила — помедли! я за тобою!“
Собственный голосъ и призракъ ее пробудили;
вскочила

Въ страхъ; ищетъ, очами кругомъ озираясь, тутъ ли
Видѣнный другъ?.... На крикъ ея прибѣжавшій
невольникъ

Подалъ свѣтильникъ — напрасно! нигдѣ его не
находить.

Съ горя бьетъ себя по лицу, раздираетъ одежду,
Перси терзаетъ и рветъ на главѣ неразвитыя ку-
дри.

Что съ тобой, Гальціона? спросила кормилица въ
страхъ.

„Нѣтъ Гальціоны, она возопила, нѣтъ Гальціоны!
„Съ Цейксомъ вмѣстѣ она умерла; оставь утѣ-
шеніе:

„Онъ погибъ: я видѣла образъ его и узнала.

„Руки простерла его удержать, напрасно — то
было

„Тѣнь; но тѣнь знакомая, подлинный Цейксъ
образъ.

„ Правда, почудилось мнѣ, что въ миломъ лицѣ вы-
рыжалось

„ Что-то чужое, не прежнее: прелести не было
прежней.

„ Блѣдень, нагъ, утомлень, съ волосами, струящими
влагу,

„ Мнѣ привидѣлся Ценксъ, и тамъ стоялъ онъ, пе-
чальный!

„ Вотъ то мѣсто.... (и мутные взоры призрака
искали)

„ Другъ! не того ли страшилось вѣщее сердце, когда я

„ Такъ молила тебя остаться и вѣтрамъ не вѣрить?

„ Къ смерти на встрѣчу спѣшилъ ты... почто жъ
Гальціону

„ Здѣсь ты покинулъ? Вмѣстѣ намъ все бы спасе-
ніемъ было.

„ Ахъ, тогда ни минуты бы жизни розно съ тобою

„ Я не утратила: смерть постигла бы насъ нераз-
лучныхъ.

„ Нынѣ жъ, отсутственна, гибну твоею погибелью;
море

„ Все мое лучшее, всю мою жизнь въ тебѣ погу-
било.

„ Буду безжалостнѣй самаго моря, если останусь

„ Тяжкую жизнь влачить, терпя нестерпимое горе.

„ Нѣтъ! не хочу ни терпѣть, ни тебя отрекаться,
о милый,

„Бѣдный супругъ мой; все раздѣлимъ; пускай насъ
во гробъ ,

„Если не урна одна, то хоть надпись одна сочетается;

„Розно прахомъ , будемъ хотя именами нерозно. “

Тутъ умолка : печаль оковала языкъ и рыданье
Духъ занимало , и стоны рвались изъ ноющей
груди. —

Было утро ; она повлеклася на тихое взморье
Къ мѣсту тому , откуда вслѣдъ за плывущимъ смо-
трѣла.

Тамъ стояла долго. „Отсюда ладья побѣжала ;

„Здѣсь мы послѣднимъ лобзаньемъ простились. “

Такъ повторяя

Прошрое думой, взоръ печальный она устремляла
Въ даль морскую. Въ дали, на волнахъ колыхаясь,
мелкаетъ

Что - то, какъ трупъ — но что? для печальнаго
взора не ясно.

Ближе и ближе, виднѣй и виднѣй ; уже Гальціона
Можетъ въ дали распознать плывущее мертвое
тѣло.

Кто бы ни былъ погибшій, но бурей погибъ онъ;
и горько

Плача объ немъ, какъ бы о чужомъ, она возо-
пила:

„Горе, бѣдный, тебѣ! и горе твоей овдовѣвшей! “

Тѣло плыветъ, а сердце въ ней болѣ и болѣ мутится.

Вотъ ужъ у берега; вотъ и черты различаетъ ужъ око.
Смотрить..... Кто же? Цейксъ. — Онъ! возопила,
терзая

Перси, волосы, платье. Съ берега трепетны руки
Къ тѣлу простерла. „Такъ ли, мой милый, такъ ли
несчастный,

„Ты возвратился ко мнѣ?“.... Въ томъ мѣстѣ плоти-
тина изъ камня

Брегъ заслоняла высокой стѣной отъ приливнаго
моря;

Въ бурю же ярость и силу напорной волны утом-
ляла.

Съ той высокой стѣны въ пучину стремглавъ Галь-
ціона

Бросилась..... Что же? о чудо! она взвилась, и
надъ моремъ,

Воздухъ свистящій внезапно-разцвѣтшимъ крыломъ
разбивая,

Вдоль по зыбучимъ волнамъ полетѣла печальною
птицей.

Жалобно, въ грустномъ полетѣ, какъ будто кого
прикликая,

Звонкимъ щелкая носомъ, она протяжно стенала.
Прямо на трупъ охладѣлый и блѣдный она опусти-
лась;

Нѣжно безгласнаго юнымъ крыломъ обняла, и какъ
будто

Силалась душу его пробудить безотвѣтнымъ лоб-
заньемъ.

Былъ ли чувствителенъ Цейксъ, волны ль ему, ко-
лыхаясь,

Подняли голову — что бы то ни было — онъ при-
поднялся.

Скоро, надъ ихъ одиночествомъ сжалась, безсмерт-
ные боги

Въ птицъ обратили обоихъ; одна имъ судьба; и
понынѣ

Вѣрны бывалой любви; и понынѣ ихъ бракъ не ра-
зорванъ.

Поздней зимней порою семь дней безбурныхъ и
ясныхъ

Мирно, безъ слета сидить на пловучемъ гнѣздѣ
Гальціона;

Море тогда безопасно; Эоль, заботясь о внукахъ,
Вѣтры смирять, пловца бережетъ и воды спо-
койны.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИЛІАДЫ.

Жертву принеши богамъ, да пошлютъ Иліону спасенье,

Гекторъ посѣшно потекъ по красивоустроеннымъ
стогнамъ;

Замокъ высокій Пергама пройдя, наконецъ онъ
достигнулъ

Скейскихъ воротъ, ведущихъ изъ града въ широкое поле.

Тамъ Гетеонову дочь Андромаху, супругу, онъ встрѣтилъ;

Съ нею былъ сынъ. На груди у кормилицы нѣжный младенецъ

Тихо лежалъ: какъ звѣзда лучезарная, былъ онъ
прекрасенъ,

Гекторъ Скамандріемъ назвалъ его; отъ другихъ
онъ былъ прозванъ

Астіанаксомъ (защитой бо града единый былъ
Гекторъ). —

Ласково руку пожавши ему, Андромаха сказала:
Неумолимый, отважность погубить тебя. Не жа-
лѣешь

Ты ни о сынѣ своемъ въ пеленахъ, ни о бѣдной
супругѣ,

Скоро вдовѣ безотрадной; Ахейцы тебя неиз-
бѣжно,

Силою всею напавъ, умертвятъ. Для меня же бы
лучше

Въ землю сокрыться, тебя потерявъ: что будетъ
со мною,

Если тебя, похищеннаго рокомъ могучимъ, не ста-
нетъ?

Горе! ужъ нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣж-
ной;

Мой отецъ умерщвленъ Ахиллесомъ божественнымъ;
Θивы,

Градъ Киликіянъ съ вратами, блестящими златомъ,
разрушивъ,

Самъ онъ убилъ Гетеона, но не взялъ оружія;
чуждый

Мысли такой, онъ съ оружіемъ вмѣстѣ сожженію
предалъ

Кости родителя; въ почестъ ему погребальный
насыпалъ

Холмъ и платанами горныя нимфы тотъ холмъ об-
садили.

Семеро братьевъ еще у меня оставалось въ от-
чизнѣ —

Всѣ они, въ день единый, повержены въ бездну
Аида;

Всѣхъ безпощадной рукой умертвилъ Ахиллесъ бы-
строногій.

Матерь Царицу отъ пажитей густолѣснаго Плака
Въ рабство, добычей войны, онъ увлекъ, но за
выкупъ великій

Скоро ей отдалъ свободу, чтобъ пала отъ стрѣль
Артемиды.

Гекторъ, ты все мнѣ теперь: и отецъ и нѣжная
матерь;

Ты мой единственный братъ, о Гекторъ, цвѣтушій
супругъ мой.

Будь же ко мнѣ сострадательнъ, здѣсь останься на
башнѣ;

Сыну не дай сиротства, супругъ не дай быть вдо-
вою.

Тамъ на холмѣ смоковницы войско поставь: на-
паденье

Легче оттуда на градъ; тамъ открыты для присту-
па стѣны.

Съ той стороны уже трикраты на насъ покуша-
лись

Оба Аякса, Идоменей, Діомедъ и Атриды.

Кротко отвѣтствуетъ гривистымъ шлемомъ укра-
шенный Гекторъ:

О Андромаха, и я о томъ же печалюсь; но стыдно
Будеть мнѣ мужей Троянскихъ и женъ Иліона, ко-
гда я,

Робкимъ подобно, сюда удалюсь, уклоняся отъ боя;
То запрещаетъ и сердце; донынѣ привыкъ я спо-
койно

Бодрствовать духомъ и биться у всѣхъ впереди,
охраняя

Трою, великую славу отца и мою; но предвидитъ
Въщее сердце и тайно гласитъ мнѣ тревожное чув-
ство:

Нѣкогда день сей наступитъ — падетъ священная
Троя,

Съ нею Пріамъ и народъ царя копьеноснаго бод-
рый.

Но не Трои грядущее горе, не участь Гекубы,
Ниже Пріамова гибель, ниже столь многихъ, столь
храбрыхъ

Братьевъ моихъ истребленье, тогда неизбежно па-
дущихъ

Въ прахъ подъ рукою врага, сокрушаютъ нынѣ
такъ сильно

Душу мою, какъ мысль о тебѣ, Андромаха, ко-
гда ты,

Вслѣдъ за одѣяннымъ мѣдною броней мужемъ Ахей-
скимъ,

Плача, отсюда пойдешь, лишенная свѣта свободы,
Или въ Аргосъ будешь съ рабынями ткать для Ца-
рицы,

Иль утомленная, тяжкимъ сосудомъ въ ключѣ Ги-
перейскомъ

Черная воду, будешь въ слезахъ поминать о Пер-
гамѣ.

Можетъ быть, видя, какъ плачешь въ своемъ оди-
ночествѣ, скажутъ:

„Вотъ вдова знаменитаго Гектора, бывшего пер-
вымъ

Въ войскѣ Троянскомъ, въ тѣ дни, какъ сража-
лись у стѣнъ Иліона.“

То услыша, ты съ новою вспомнишь тоской, что
на свѣтѣ

Нѣтъ ужъ того, кто отъ рабства надежною былъ
бы защитой.

Нѣтъ! я лучше хочу, чтобъ меня бездыханнаго
скрыли

Въ землю, чѣмъ слышать о плачѣ твоёмъ и кру-
шительномъ плачѣ.

Такъ отвѣтствовалъ Гекторъ, и къ сыну руки про-
стеръ онъ;

Робко отъ нихъ отклонился, и къ лону кормилицы
съ крикомъ

Бросился милый младенецъ, дичася отца, устра-
шенный

Яркимъ блистаніемъ латы и косматою гривой шлема,
Грозно надъ нимъ зашумѣвшею съ мѣдноогромнаго
гребня.

Съ грустной улыбкой и мать и отецъ посмотрѣли
на сына.

Шлемъ съ головы снимаетъ поспѣшно блистатель-
ный Гекторъ;

Бранный уборъ на землю кладетъ и на руки
взявши

Сына, цѣлуетъ его съ умиленьемъ, и нѣжно ле-
лѣетъ.

Громко взываетъ потомъ онъ къ безсмертнымъ
богамъ и Зевесу:

Царь Зевесъ! вы, боги Олимпа! молю васъ, да
будетъ

Нѣкогда сынъ мой, какъ я, благолюбіемъ первый
въ народѣ,

Столько же мышцею крѣпокъ и мощно господ-
ствуетъ въ Троѣ.

Пусть со временемъ скажутъ: *далеко отца превзо-
шелъ онъ!*

Видя его, изъ сраженья идущаго съ пышною бро-
ней,

Снятой съ врага — и такая хвала да порадуетъ
матерь.

Такъ сказавъ, положилъ онъ въ объятія нѣжной
супруги

Сына. Она, улыбаясь сквозь слезы, душистымъ по-
кровомъ

Персей одѣла его; и глубокой исполненъ печали,
Гекторъ, ее приласкавши рукою, привѣтно ска-
залъ ей:

Бѣдная! ты не должна обо мнѣ сокрушаться такъ
много;

Противъ судьбы я никѣмъ преждевременно сосланъ
не буду

Въ темный Андъ; но судьбы ни единый еще не
избѣгнулъ

Смертный, родившійся разъ на землѣ, ни смѣлый,
ни робкій.

Съ миромъ же въ домъ свой пойдѣ: занимайся по-
рядкомъ хозяйства,

Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни до-
машнія были

Въ дѣлѣ прилежны своимъ. О войнѣ же имѣть по-
печенье —

Дѣло Троянскихъ мужей и мое изъ всѣхъ наи-
болѣ.

Кончивъ, свой гривистый шлемъ поднимаетъ бли-
стательный Гекторъ.

Медленнымъ шагомъ, и часто назадъ озираясь, и
слезы

Горькія молча лія, Андромаха пошла и достигла
Скоро обители Гектора; много служительницъ
было

Собрано тамъ за работою; всѣ сокрушались съ
нею;

За-живо Гекторъ былъ въ домъ оплаканъ своимъ.
Неизбѣжно,

Мнили онъ, онъ погибнетъ; мы вѣчно его не уви-
димъ.

Истину вѣщая скорбь предсказала имъ; время
приспѣло

Сбыться тому, что давно предназначено было:
но прежде

Славой великой покрылся могучій защитникъ Пер-
гама.

Палъ Патроклъ отъ руки благороднаго Гектора;
вступилъ

Шлемъ Ахиллесовъ и щитъ покрывали его; неиз-
бѣжный

Часъ судьбы наступилъ — и съ Патроклова хлад-
наго трупа

Гекторъ совлекъ Ахиллесову броню, и съга за-
желася

Вкругъ бездыханнаго юноши, прежде столь бодраго
въ битвѣ.

Я къ кораблямъ Антилоха послалъ возвѣститъ Ахил-
лесу

Гибель Патрокла; но знаю, что къ намъ не при-
детъ онъ на помощь,

Сколь ни кипѣлъ бы на Гектора злобою.... онъ
безоруженъ.

Намъ однимъ защищать умерщвленнаго друга. Упорно
Будемъ стоять за него; спасемъ бездыханное тѣло.
Такъ говорилъ Менелай, Теламонову сыну Аяксу.
Правда, Атридъ знаменитый — Аяксъ отвѣчалъ Ме-
нелая —

Ты съ Меріономъ Патрокла храни; наклонитесь, и
тѣло

Взявши на плечи, несите изъ боя. Мы жъ, оба
Аякса,

Равные мужествомъ сердца, всегда неразлучные въ
битвѣ,

Будемъ стремленье Троянъ и великаго Гектора
дружно

Грудью своей отражать, охраняя отшествіе ваше.
Царь Менелай съ Меріономъ подьемлютъ Патро-
клово тѣло

Сильной рукою съ земли: ужаснулись Трояне, увидя
Тѣло во власти Ахеянъ и бросились съ воплемъ
за ними.

Словно какъ псы, упредя звѣроловцевъ молодыхъ, на
лѣснаго

Вспря, когда онъ пораненъ, кидаются вдругъ, но
лишь только

Бѣшеный онъ, оцѣтнясь, на нихъ обернется, въ
испугъ

Всѣ разсыпаются — такъ и Трояне сначала стре-
мятся

Бодро впередъ, подымая мечи и двуострые копья;
Но лишь только Аяксы въ лице имъ лицомъ обра-
тятся —

Всѣ блѣднѣютъ и боя начать ни одинъ не дер-
заетъ.

Царь Менелай съ Меріономъ безстрашно, медли-
тельнымъ шагомъ.

Идутъ впередъ, унося изъ сраженья Патроклово
тѣло;

Ихъ защищаютъ Аяксы; блистательный Гекторъ
съ Энеемъ

Рвутся, какъ львы разъяренные, силась добычу
похитить;

Страшной грозой къ кораблямъ приближается
шумная битва.

Робко межъ тѣмъ Антилохъ къ Ахиллесовой ставкѣ
подходить.

Онъ сидѣлъ впереди кораблей недалеко отъ моря,
Мраченъ тревожимый думой о томъ, что уже со-
вершилось.

Горе! онъ мнилъ, отъ чего къ кораблямъ въ без-
порядкѣ тѣснятся

Снова Ахейцы, покинувъ сраженье? Страшусь, что
со мною

Сбудется то, что давно предсказала мнѣ мать:
что долженъ,

Прежде меня отъ Троянъ Мирмидонецъ погибнуть
храбрѣйшій.

Сердце дрожить; ужъ не палъ ли Менетіевъ сынъ?
непреклонный

Другъ! а я умолялъ уйти къ кораблямъ, отразивши
Вражій пожаръ и отнюдь не испытывать съ Гек-
торомъ силы!

Такъ размышлялъ Ахиллесъ — и предъ нимъ съ со-
крушительной вѣстью

Сынъ престарѣлаго Нестора, слезы ллющій, явился.
Горе мнѣ! сынъ благородный Целея! ты долженъ
о страшной

Слышать бѣдъ, какой никогда не должно бы слу-
читься!

Палъ Патроклъ: ужъ теперь за его бездыханное
тѣло

Бьются; онъ нагъ — оружіе Гекторъ могучій похи-
тилъ!

Мрачное облако скорби лице Ахиллеса покрыло.

Объ онъ горсти наполнивши пепломъ, главу имъ
осыпалъ;

Ликъ молодой почернѣлъ, почернѣла одежда и самъ
онъ,

Тѣломъ великимъ пространство покрывши великое,
въ прахъ

Былъ распростертъ, и волосы рвалъ и бился объ
землю.

Дѣвы, имъ купно съ Патрокломъ плѣнныя, въ
страхъ изъ ставки

Выбѣжавъ, громко воили надъ нимъ и перси тер-
зали.

Съ ними стоналъ Антилохъ; заливаясь слезами, всей
силой

Онъ Ахилесовы руки держалъ, чтобъ въ безуміи
горя

Самъ онъ себѣ не пронзилъ изощреннымъ оружіемъ
груди.

Съ страшнымъ воплемъ онъ плакалъ. Его слышала
мать,

Въ домъ сѣдаго отца, на днѣ глубокаго моря.

Громко она зарыдала, и къ ней собрались Нереиды,

Сестры младыя, морской глубины златовласыя дѣвы.

Полонъ былъ ими подводный, серебряный домъ,
поражали

Всѣ онъ перси, печалась съ сестрой; имъ Фетида
сказала:

Милыя сестры, Нерея безсмертныя дочери! много,

Много печали на сердце моемъ! о горе мнѣ бѣдной!

Мнѣ, Ахиллеса великаго матери! мною рожденный
Сынъ, столь душой благородный, столь мужествомъ
славный, въ герояхъ

Первый.... онъ цвѣлъ, какъ младое прекрасное дре-
во; съ любовью

Нѣжной воспитанный, выросъ, и мной наконецъ къ
Иліону

Посланный, плылъ туда въ корабляхъ острогру-
дыхъ..... И вѣчно

Мнѣ ужъ его не увидѣть въ отеческомъ домѣ Пелея;
Но доколѣ и живъ онъ, сіяніемъ дня озаренный,
Онъ осужденъ на страданье и мать ему не по-
можетъ.

Милыя сестры покинемъ глубокое море; мнѣ дол-
жно

Сына увидѣть, мнѣ должно провѣдать, какое
Новое горе ему, не вступавшему въ бой, приклю-
чилось.

Такъ сказавъ, изъ пещеры выходитъ Ѳетида, и съ
нею

Сестры, Нереевы дочери, слезы ліющія. Волны
Моря кругомъ ихъ шумятъ, раздѣляясь. Достигнув-
ши Трои,

На берегъ всходятъ одна за другою въ томъ мѣ-
стѣ, гдѣ зрѣлись

Всѣ корабли Мирмидонянъ кругомъ Ахиллесовой
ставки.

Матерь къ нему подошла, зарыдала надъ нимъ и
обнявши

Нѣжной рукой преклоненную голову сына, сказала:
Что же ты плачешь? Что бодрую душу твою со-
крушило?

Будь откровененъ со мною! Зевесъ громовержецъ
исполнилъ

Все, о чемъ ты молился, подѣмая здѣсь руки.

Ахейцы

Много стыда претерпѣли, утративъ тебя и тѣснимы,
Силой враговъ къ кораблямъ, безнадежно тебя при-
зывали:

Тяжко, тяжело вздохнувъ, отвѣчалъ Ахиллесъ бы-
строногій:

Матерь! не тщетно молилъ я! исполнилъ Зевесъ
громовержецъ

Все! но какая въ томъ польза, когда потерялъ я
Патрокла,

Друга нѣжнѣйшаго, милаго мнѣ, какъ сіянье дне-
вное!

Онъ погибъ! и оружіе Гекторъ убійца похитилъ,
Крѣпкое, дивное, даръ отъ боговъ Олимпійскихъ
Целею

Въ оный день, какъ тебя сочетали безсмертную съ
смертнымъ!

Было бы лучше, когда бъ ты осталась богинею
моря,

Лучше, когда бы простой, не бессмертной супруги
супругомъ

Былъ Пелей: безконечной тоской по утраченномъ
сынѣ

Будешь ты нынѣ крушиться; ужъ вѣчно его не
увидишь

Въ домъ отца! Да и сердце мое запрещаетъ мнѣ долѣ
Здѣсь межъ живыми скитаться: но прежде Гекторъ
заплатить

Мнѣ за Патроклову жизнь, подъ моею ногой из-
дыхая.

Матерь, ллющая слезы, отвѣтствуетъ: то что ска-
залъ ты,

Мнѣ возвѣщаетъ, что жизнь твоя скоро, скоро уви-
нетъ:

Самъ ты за Гекторомъ вслѣдъ неминуемо долженъ
погибнуть —

Такъ повелѣла судьба! — Ахиллесъ возразилъ ей
угрюмо:

Пусть я погибну теперь! что въ жизни, если Па-
трокла

Мнѣ защитить не дано! далеко отъ любимой от-
чины

Цалъ онъ, а я не пришелъ отразить ненавистную
гибель.

Что я? родительскихъ мирныхъ полей суждено не
видать мнѣ!

Жизни Патрокла спасти я не могъ; не могъ быть
защитой

Столькимъ друзьямъ благороднымъ, отъ сильнаго
Гектора падшимъ!

Здѣсь я сижу, позади кораблей, бесполезное бремя
Свѣту, я, Ахиллесъ, изъ всѣхъ мѣднolатныхъ Ахе-
янъ

Въ битвѣ храбрѣйшій, хотя на совѣтъ другимъ
уступаю.

О! да погибнуть вражда и гнѣвъ, отемняющій ча-
сто

Разумъ мудрѣйшимъ! сначала онъ сладостнѣй меда,
но скоро

Пламень снѣдающій въ сердцѣ, вкусившемъ его, за-
жигаетъ.

Такъ и меня раздражилъ Агамемнонъ, царей пове-
литель.

Но пусть будетъ прошедшимъ прошедшее; сколь
ни прискорбно

Сердцу оно — раздраженное сердце должно поко-
ряться.

Я иду — не избѣгнешь меня ты, Патрокловъ убійца,
Гекторъ! Свой жребій принять я готовъ, когда ни
назначать

Вѣчный Зевесъ и безсмертные боги Олимпа; и мнѣ ли
Нынѣ роптать на судьбу, когда и Алкидъ благо-
родный,

Сынъ громовержца любимый, былъ нѣкогда ею по-
стигнуть?

Если подобный удѣлъ и меня ожидаетъ, пусть лягу
Въ землю, дыханье утративъ; но славу великую
прежде

Здѣсь соберу, быстротечныя жизни въ замѣну; здѣсь
многихъ

Дѣвъ полногрудыхъ Дарданскихъ принужу крушиться,
и слезы

Съ юныхъ ланитъ отирать, закрывши руками
Лица и вздохи спирая въ груди, раздираемой го-
ремъ.

Скоро узнають, что я отдохнулъ. А ты не на-
дѣйся,

Матерь, меня удержать: никогда я не буду поко-
ренъ.

Истину ты говоришь, отвѣчала Ѳетида; похваль-
но

Быть для друзей отъ бѣды и отъ смерти защитой.
Но Троя

Нынѣ владѣсть твоими блестящими латами; хищный
Гекторъ, украшенный ими, ликуеть — хотя и не
долго

Въ нихъ величаться ему: предназначенный часъ
недалеко!

Но и ты, безоружный, мой сынъ, не бросайся въ
тревогу Аресъ;

Здѣсь помедли, доколѣ меня опять не увидишь.

Завтра сюда на разсвѣтъ, лишь только подымется

солнце,

Съ пышной бронею, изкованной богомъ Ифестомъ,

прійду я.

Такъ говорила богиня и съ сыномъ могучимъ про-

стилась.

Къ юнымъ сестрамъ, среброногимъ богинямъ, по-

томъ обратясь,

Милыя сестры, сказала, теперь погрузитесь въ

море,

Въ домъ возвратитесь Нерей и старцу сѣдому пу-

чины

Все возвѣстите. А я на вершину Олимпа къ Ифе-

сту

Прямо отсель полечу умолять, чтобъ оружіе далъ

намъ.

Кончила: въ лоно зыбей погрузились младыя бо-

гини.

Быстро къ вершинѣ Олимпа отъ нихъ полетѣла

Θетида.

Тою порою Ахейцы отъ грознаго Гектора съ гром-

кимъ

Воплемъ бѣжали къ своимъ кораблямъ, на брега

Эллиспонта,

Силась напрасно исторгнуть изъ боя Патроклово

тѣло;

Гекторъ, какъ бурное пламя, гнался за нимъ; ужь
трикраты

За ногу мертваго сзади хваталъ онъ, готовый до-
бычу

Вырвать изъ рукъ у Ахейнъ, и кликалъ Троянъ,
и трикраты

Силою всею Аяксы его отражали отъ трупа.

Яростный, пламенный, все низвергалъ онъ; то бѣ-
гая быстро,

Бился въ толпѣ; то стоя недвижимъ, сзывалъ гро-
могласно

Въ битву своихъ и рвался неотступно на хладное
тѣло.

Такъ надъ разтерзанной ланью, голодный, очами
сверкая,

Левъ космолапый сидитъ, не тревожася пастырей
крикомъ.

Тщетно Аяксы отважные борятся съ нимъ; овла-
дѣлъ бы

Онъ неизбѣжно Патрокломъ съ великою славой,
когда бы

Ира съ небесъ не послала Ириду къ Целееву
сыну.

Сынъ Целеевъ, воздвигнись! бѣги на помощь къ
Патроклу!

Битва уже подошла къ кораблямъ! Посмотри: уби-
ваютъ

Страшно другъ друга; одни отбиваясь, другіе стре-
мися

Тѣло схватить; одолѣють Трояне; блистательный
Гекторъ

Скоро похитить Патрокла, и въ Трою умчить и
на башнѣ

Выставить голову, снятую съ плечъ въ посрамленье
Ахейнъ!

Полно медлить: иль псамъ напиться Пакрокло-
вымъ тѣломъ!

Встань безоружный взбѣги на разкатъ; покажися
Троянамъ;

Образъ твой ужасъ нагонить на нихъ; ободрятся
Ахейцы.

Такъ Ахиллесу богиня Ирида сказала и скрылась.
Гласомъ ея возбужденный, вскочилъ Ахиллесъ. И
Лейна

Мощныя плечи ему облачила эгидой ужасной,
Огненной тучей главу обвила, и съ нея заблестали
Грозно лучи, озаряя окрестность. Какъ дымъ,
извиваясь,

Всходить далеко на островъ, ратью враговъ обло-
женномъ, —

Бодро весь день осажденные бьются, но сидеть
лишь солнце,

Всюду костры зажигаютъ, и съ яркими искрами
пламя

Всходить великимъ столбомъ и, окрестъ отражен-
ное моремъ,

Свѣтитъ, чтобъ видѣли путь корабли, приносяще
помощь:

Такъ съ головы Ахиллеса блистанье въ эфиръ по-
дымалось.

Онъ взбѣжалъ на разкатъ и ставъ на виду у
Ахейнъ,

Крикнулъ. пронзительный крикъ повторила
Паллада Аѣнна

Громкимъ отзывомъ: Троянъ обуялъ неописанный
ужась.

Такъ оглушительный громъ боевыя трубы возвѣщая
Приступъ, незапно мутить осажденныхъ. Едва Ахил-
лесовъ

Голосъ слышался, дрогнуло каждое сердце; всѣ
кони,

Гибель почуя; подняли гривы и съ топотомъ гром-
кимъ

Вспять понесли колесницы; правители ихъ изум-
ленны,

Съ блѣднымъ лицомъ, главы обративъ, неподвиж-
нымъ смотрѣли

Окомъ на грозный лица Ахиллесева блескъ. Трое-
кратно

Крикнулъ онъ съ валу на нихъ — троекратно
разбитые страхомъ

Войска Троянъ и союзныхъ назадъ въ безпорядкѣ
бросались.

Тутъ отъ своихъ колесницъ и отъ собственныхъ
копій двѣнадцать

Храбрыхъ Дарданянъ погибло. Ахейцы, похитивъ
Патрокла,

Въ ставкѣ простерли его на одрѣ и друзья окружили
Тѣло. Пришелъ Ахиллесъ. Залился онъ слезами,
увидя

Друга, предъ нимъ на одрѣ неподвижно лежащаго,
острой

Мѣдью пронзеннаго: самъ онъ недавно его, обла-
чивши

Броней своею, въ сраженіе послалъ: но назадъ не
пришелъ онъ.

Тою порой, постоянный въ теченіи Геліосъ, волю
Иры свершая, сошелъ неохотно къ водамъ Океана,
Въ нихъ потонувшее солнце исчезло, и войско
Ахейнъ,

Послѣ губительной брани, въ глубокой покой по-
грузилось.

*Но Трояне вкусить не могли ни покоя, ни пищи,
Смутно они собрались на совѣтъ. Опершись на
копья,*

*Всѣ стояли и състь не дерзавъ ни единый и
всѣмъ имъ*

Сердце тревожила мысль о явившемся въ бой Ахил-
лесь!

Полидамантъ благомыслящій, Гекторовъ другъ
осторожный,

Первый подалъ совѣтъ: покинувъ поле сраженья,
Въ Трою войти. Намъ теперь благовонная ночь
благосклонна!

Такъ онъ сказалъ. Ахиллеса держитъ она. Но
заутра,

Въ полъ увидя насъ, выйдетъ онъ въ битву. Тогда
неизбѣжно

Многіе будутъ добычею псовъ. Удалимся же въ
Трою, доколъ

Время; на торжищъ ночь проведемъ подъ небомъ
открытымъ;

Съ первымъ же блескомъ денницы сберемъ на
стѣны; пускай онъ

Боя отвѣдать приблизится къ нимъ: лишь на-
прасно могущихъ

Коней своихъ утомитъ; но въ Трою ему не во-
рваться.

Сумрачень, брови нахмуря, отвѣтствовалъ пламен-
ный Гекторъ:

Полидамантъ! осторожный совѣтъ твой теперь без-
полезенъ!

Намъ ли какъ робкимъ, бѣжать въ огражденную
башнями Трою?

Мы ль не устали еще, за стѣнами тѣснясь, укры-
ваться!

Нѣкогда городъ Пріамовъ, межъ всѣми народами
славный,

Быль знаменитъ на землѣ изобиліемъ мѣди и злата;
Но ужь давно изъ печальныхъ жилищъ изобиліе
скрылось!

Мы раздражили Зевеса! во Фригій, въ краѣ союз-
номъ

Пышной Меоніи, проданы лучшія утвари наши.

Нынѣ жь; когда мнѣ могучій Кроніонъ, Зевесъ
вседержитель

Славу послалъ отразить къ кораблямъ мѣднолат-
ныхъ Ахейнъ,

Я ли сокроюсь въ Трою! какой же совѣтъ подаешь
ты!

Кто изъ Троянъ покорится ему? Здѣсь я повели-
тель!

Слушайте жь слово мое и мою исполните волю:

Пищу пускай по дружинамъ раздѣляютъ, насытятся,
но каждый

Будь остороженъ! и стражъ да не дремлетъ на
стражѣ. Завтра

Съ первымъ сіяньемъ денницы, оружіе мѣдное взяв-
ши,

Мы потечемъ къ кораблямъ на рѣшительный при-
ступъ. Когда же

Вправду возсталъ Ахиллесъ, то избралъ неблагое
онъ время!

Я не боюсь его безпощаднаго встрѣтить! От-
важно

Стану предъ нимъ, не забота, меня ли, его ли
украсть

Славою бой!.... Непокупенъ Арей, и разящихъ
разить онъ!

Гекторъ сказалъ и Трояне, согласные съ нимъ,
отвѣчали

Плескомъ шумящимъ.... слѣпцы! имъ Паллада за-
тмила разсудокъ!

Злое благому они предпочли и остались въ полѣ!
Оную ночь надъ Патрокомъ, Ахейцы въ рыданьи
и горѣ,

Глазъ не смыкая, всю провели. Ахиллесъ поло-
живши

Мощныя руки на грудь неподвижную друга со сто-
номъ

Плакалъ. Такъ львица грозная, рычетъ, когда звѣ-
роловецъ

Львенка младаго ея изъ лѣсистаго лога похитилъ:
Злобясь, рыщетъ она по ущеліямъ съ жалобнымъ
ревомъ.

Такъ Ахиллесъ вошлялъ, окруженный толпой Мир-
мидонянъ:

Боги! сколь были надежды мои безразсудны, когда я,

Тщась утолить сокрушенье Менетія, далъ обѣщанье
Вмѣстѣ съ украшеннымъ славой Патрокломъ въ
Опунть возвратиться,
Трою разрушивъ и много богатой добычи скопивши.
Смертный замыслить одно, а Зевесъ совершаетъ
иное!

Оба единую землю мы кровью своею напитаемъ
Здѣсь въ отдаленномъ Троянскомъ краю! И меня не
увидать
Вѣчно въ жилищѣ отцевъ ни Пелей, мой родитель
Дряхлый, ни мать Ѳетида. Здѣсь лягу, покры-
тый могилой.

Если же послѣ Патрокла назначено въ землю сой-
ти мнѣ,

С мой Патрокль! я твое совершу погребенье, по-
вергнувъ

Голову Гектора съ броней его предъ тобой и двѣ-
надцать

Юношей плѣнныхъ, сыновъ благороднѣйшихъ Трои
заклавши

Въ почестъ твою и обиженной тѣни твоей въ утѣ-
шенье!

Съ миромъ же спи у моихъ кораблей въ ожиданіи
мести!

Пусть Троянки, плѣненные нами, и дено и ношно
Плачутъ дотолѣ надъ тѣломъ твоимъ и перси тер-
заютъ!

Съ сими словами друзьямъ повелѣлъ Ахиллесъ благородный

Чистой водою огромный котелъ треножный наполнивъ,

Прахъ съ запекшейся кровію смыть съ Патроклова тѣла.

Ставить треножникъ на яркій огонь и шумящей струею

Льется въ него ключевая вода и хворость бросаютъ
Въ пламя: оно обхватило котелъ и вода закипѣла
Въ мѣдномъ звѣнящемъ сосудѣ. Омыли согрѣтою
влагой

Тѣло, умаслили тучнымъ елеемъ; потомъ ароматной
Девятилѣтнею мазью наполнивши раны, простерли
Тихо его на одрѣ, и покрывъ полотномъ драгоценнымъ

Купно и тѣло и ложе блестящею тканью одѣли.

Эосъ молодая въ одеждѣ багряной, безсмертнымъ и смертнымъ

День приносящая, вышла изъ водъ Океана. Тетида
Съ дивной, Ифестомъ ей данной бронею пришла
къ Ахиллесу;

Онъ разпростертый лежалъ надъ бездушнымъ Патрокломъ, и громко

Плакалъ. Окрестъ Мирмидоняне въ мрачномъ молчаньи сидѣли.

Тихо межъ ними прошла среброногая мать бо-
гиня

Къ сыну и за руку взявши его, умиленно ска-
зала:

Сынъ мой, оставимъ покоемъ мертвого, сколько
бы сердце

Наше о немъ ни крушилось: онъ силой безсмерт-
ныхъ постигнуть.

Я принесла невредимую броню отъ бога Ифеста,
Чудо красы: никогда не бывало подобной на смерт-
номъ.

Такъ сказавъ, положила Тетида къ ногамъ Ахил-
леса

Броню; громкій оружіе звукъ издало; Мирмидонянь
Ужасъ проникнулъ: взглянуть не посмѣлъ ни еди-
ный богинь

Прямо въ лице и всѣ трепетали. Но гнѣвомъ силь-
нѣйшимъ,

Броню узря, закипѣлъ Ахиллесъ; глаза засверкали
Искрами, вспыхнувъ подъ тѣнью ресницъ, какъ
ужасное пламя;

Жадной рукою онъ броню схватилъ и даромъ чу-
деснымъ

Бога Ифеста плѣненный, имъ сталъ любоваться;
но скоро

Снова сдѣлался мраченъ; потомъ обратился къ Те-
тидѣ,

Матерь, сказала онъ: оружіе дивно твое и, не
медля

Выду я въ битву. Но сердце мое не спокойно: онъ
будетъ

Здѣсь бездыханный лежать; насѣкомыя жадныя мо-
гутъ

Въ раны влетѣть, въ нихъ червь поселится и мо-
жетъ гніеніе

Въ тѣло проникнувши, образъ его опозорить пре-
красный.

Будь мой возлюбленный сынъ, беззаботенъ, сказа-
ла Тетидѣ,

Съ нимъ неразлучная, стану сама разгонять насѣ-
комыхъ,

Жадно снѣдающихъ тѣло убитого мужа; хотя бы
Медленный года надъ нимъ совершился полетъ, и
нетлѣннымъ

Тѣло его сохраню и еще онъ прекраснѣе будетъ.
Съ сими словами она проливаетъ на раны Патро-
кла

Сокъ благовонный амврозій съ нектаромъ свѣто-
пурпурнымъ.

*Берегомъ моря поспѣшно потекъ Ахиллесъ благо-
родный,*

*На голосъ звучный его собралися Ахейцы. При-
скорбный,*

Руку онъ подалъ Атриду, и былъ примиритель-
ной жертвой
Поздній межъ ними союзъ утвержденъ, Агамем-
нонъ могучій
Далъ повелѣнье дары отнести къ Ахиллесу. Не
медля,
Царь Одиссей съ сыновьями почтеннаго Нестора,
съ славнымъ
Сыномъ Филія Мегитомъ, съ Феоантомъ и съ ними
Креоновъ
Сынъ Ликомедъ, Меріонъ, Меланиппъ къ Агамем-
нону въ ставку
Идутъ и выбравъ семь драгоценныхъ треножни-
ковъ, двадцать
Свѣтлыхъ сосудовъ, двѣнадцать коней и семь руко-
дѣльныхъ
Цѣнницъ съ осмой Бризендой, отходятъ въ ша-
теръ Ахиллессовъ,
Царь Одиссей впереди съ десятию талантами злата.
Всѣ потомъ, окруживъ Ахиллесса, его приглаша-
ютъ
Съ ними вкусить отъ трапезы, но тяжело вздохнувъ,
отвѣчалъ онъ :
О друзья ! умоляю васъ, если хоть мало я дорогъ
Вашему сердцу, не требуйте нынѣ, чтобъ я насла-
дился
Вашей трапезою : горе всю душу мою раздираетъ.

Нѣтъ, не коснусь ни къ чему до самыя позднія
ночи.

Всѣ полководцы простились тогда съ Ахиллесомъ;
остались

Оба Атрида, Идомей, Одиссей благородный,
Несторъ и старецъ Фениксъ. Прояснить омрачен-
ную душу

Друга старались они разговоромъ веселымъ; но
тщетно!

Сумраченъ былъ онъ, лишь битвы единой алкалъ,
непрестанно

Думалъ о мертвомъ, объ немъ лишь единомъ твер-
дилъ непрестанно:

О сколь часто бывало, что самъ ты заботливо,
бѣдный

Въ ставку мою прибѣгалъ съ подкрѣпительной утрен-
ней пищей,

Мнѣ возвѣщая, что войско Ахейнъ шатры поки-
дало,

Снова съ Троянами въ битву готовое вытти: а
нынѣ

Здѣсь ты лежишь, убіенный! Не можетъ мое улаж-
даться

Сердце ни брашномъ, ни сладкимъ виномъ безъ
тебя! Я толикимъ

Не былъ бы горемъ сраженъ, и услышавъ о смер-
ти Пелея,

Льющаго слезы во Фтіи своей обо мнѣ отдален-
номъ,

Бьющемся въ чуждомъ краю за обиду Елены пре-
зрѣнной,

Ниже печальную вѣсть получивши о сынѣ, въ Ски-
росѣ

Мнѣ разцвѣтающемъ, богоподобномъ Неоптолемѣ,
Если онъ живъ! — Я донынѣ всегда упованіемъ
тайнымъ

Сердце свое утѣшаль, что умру я одинъ, разлученный
Съ славнымъ конями Аргосомъ, въ Троянской землѣ,
что въ предѣлы

Фтіи родной возвратяся, ты самъ въ корабляхъ
бѣлокрылыхъ

Сына въ Скиросѣ возьмешь и ему покажешь въ
отчизнѣ

Всѣ богатства мои, рабовъ и царевы чертоги.

Чувствовалъ я, что тогда ужъ Пелей нѣ въ землѣ,
бездыханный,

Будеть лежать, нѣ можетъ быть грустно свой вѣкъ
доживая,

Будеть согбенъ отъ печали и лѣтъ, все боясь, что
отъ Трои

Вѣстникъ придетъ и скажетъ ему: Ахиллесса не
стало!

Такъ говорилъ онъ и плакалъ. Сидѣвшіе съ нимъ
воздыхали,

Каждый о томъ помышляли, что въ домъ далекомъ
оставилъ.

Взоръ сострадательный съ неба Зевесъ на печаль-
ныхъ склонивши,

Быстро къ богинѣ Палладѣ крылатую рѣчь обра-
щаетъ :

Или, Паллада, покинуть тобой Ахиллесъ благород-
ный ?

Видишь, какъ онъ на берегу у своихъ кораблей
чернобокихъ

Плача о мертвомъ Патроклѣ, сидитъ одинокій;
другіе

Утренней пищей себя подкрѣпляютъ; но онъ не
пріемлетъ

Пищи. Лети жъ и во грудь Ахиллессу амврозій
сладкой

Съ нектаромъ влей, что бь отъ глада онъ силы
своей не утратилъ.

Такъ Зевесъ говорилъ, упреждая желанье Аѳины.

Быстро она — какъ орелъ съ необъятными крылья-
ми, съ звонкимъ

Гласомъ — къ шатрамъ полетѣла съ небесъ. Ужь
Ахейцы толпились,

Въ бой ополчаясь. Во грудь Ахиллеса амврозій
сладкой

Съ нектаромъ тайно она пролила, чтобъ онъ силъ
не утратилъ,

Гладомъ томимый, и снова потомъ возвратилась
въ обитель

Зевса. Ахейцы волнами текли, корабли покидая.
Словно какъ частый, клоками сыплющій снѣгъ,
уносимый

Сѣвернымъ, быстро эфиръ проясняющимъ вѣтромъ,
изъ ставокъ

Сыпались шлемы безчисленны, рой за сверкающимъ
роемъ,

Круто согбенныя латы, изъ ясеня твердаго копья,
Съ острою бляхой щиты; до небесъ восходило
сіянье;

Въ блескъ оружій смѣялась земля, подъ ногами бѣ-
гущихъ

Берегъ гремѣлъ. Посреди ихъ, броней Ахиллесъ
облекался.

Зубы его скрежетали и очи какъ быстрое пламя
Рдѣли, сверкая; но сердце его нестерпимой пе-
чалью

Было наполнено; злобой кипя, на Троянъ разъя-
ренный,

Взялъ онъ доспѣхи, чудесное бога Ифеста созданье;
Голени въ свѣтлыя, гладкія поножи прежде облекши,
Каждую пряжкой серебряной туго стянулъ онъ;
огромнымъ

Панцыремъ мощную грудь обложилъ; на плечо
драгоценный

Мечъ съ рукоятю серебряной, съ лезвіемъ мѣд-
нымъ повѣсилъ.

Послѣ надѣлъ необъятый, тяжкій, блескомъ подоб-
ный

Полному мѣсяцу щитъ : какъ далекій маякъ море-
ходцамъ

Свѣтитъ во мглѣ, пламенѣя одинъ на вершинѣ
утеса —

Буря же вдалѣ отъ друзей ихъ несетъ по шумяще-
му морю —

Такъ лучезарно свѣтился божественный щитъ Ахил-
лесовъ,

Чудо искусства. Потомъ на главу онъ надвинулъ
тяжелый

Гривистый шлемъ ; онъ сіялъ какъ звѣзда и густымъ
златовласымъ

Конскимъ хвостомъ былъ украшенъ на немъ воз-
дымавшійся гребень.

Броней одѣянный, силу свою Ахилесъ испытуетъ :
Двигался въ ней онъ свободно и члены обѣявшая
броня

Легче казалася крыль и какъ будто его подымала.
Тутъ онъ отцево копье изъ ковчега прекраснаго
вынулъ

Тяжкодебелое. Въ сонмѣ Ахеянъ его ни единый
Двинуть не могъ, но легко имъ играла рука Ахил-
леса :

Ясень могучій съ гордой главы Пеліона сру-
бивши,

Создалъ Хиронъ то копье для Пелея, врагамъ на
погибель.

Автомедонъ и Алкимъ на коней возложили по-
спѣшно

Свѣтлую збрую и удила силой втѣснили имъ въ
зубы;

Туго потомъ натянувши бразды, впереди колесницы
Ихъ укрѣпили. Автомедонъ въ колесницу съ бле-
стящимъ

Прянулъ бичемъ. Ахиллесь, ополчасъ на кровавую
битву,

Сталъ позади, какъ Геліосъ дивной броней сія.
Тутъ громогласно къ Пелеевымъ бодрымъ конямъ
онъ воскликнулъ:

Ксанъ и Валій, славныя дѣти Подарги! вѣрнѣе,
Добрые кони, вы нынѣ правителю вашему будьте;
Сытаго боемъ его къ кораблямъ возвратите; не
мертвымъ

Въ полѣ оставьте, подобно Патроклу. На то лег-
коногій,

Дышущій пламенемъ Ксанъ отвѣчалъ, до копытъ
наклонивши

Гордую голову, пышная грива упала на землю;
Ира лилейной рукой разрѣшила языкъ — онъ про-
молвилъ:

Такъ, мы живаго еще тебя принесемъ, сынъ Пелеевъ;

Но предназначенный день твой ужъ близко! Не нашей

Волей, но силою бога и строгой судьбой то свершилось;

Итъ, не мы замедленьемъ своимъ и безвременной лѣнью

Дали Троянамъ съ Патрокла похитить крѣпкую броню;

Сынъ густовласыя Литы, богъ неизбѣжный постигнулъ

Въ битвѣ его и Гектора честью побѣды украсилъ.

Пусть на бѣгу мы полетъ опреждаемъ Зефира, изъ легкихъ

Вѣтровъ легчайшаго вѣяньемъ крылъ благовонныхъ — но вѣдай:

Ты отъ могучаго Бога и смертнаго мужа погибнешь.

Онъ сказалъ и языкъ обезмолвила сила Эриній. Сумраченъ ликомъ, ему отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:

Ксанѣ, для чего бесполезно мнѣ смерть прорицаешь? И самъ я

Знаю, что мнѣ далеко отъ отца и отъ матери должно

Здѣсь по закону судьбы умереть. Но я все не пре-
стану

Биться и мучить Троянъ ненасытною битвой.

Звучно онъ крикнулъ и съ топотомъ громкимъ
помчались кони ;

Слѣдомъ за нимъ изъ заградъ побѣжали Ахейцы.

Трояне

Ждали ихъ въ полѣ, густыми толпами построясь
на холмѣ.

Вѣчный Зевесъ съ многоглавой вершины Олимпа

Θемиду

Всѣхъ боговъ пригласить на совѣтъ посылаетъ. Бо-

гиня

Имъ повелѣла собраться въ обителяхъ неба. Пред-

стали

Всѣ и самые боги потоковъ и въ тѣнистыхъ ро-
щахъ,

Въ темныхъ долинахъ, въ источникахъ тайныхъ

живущія Нимфы ;

Древній одинъ Океанъ не явился. Въ чертогахъ,

Ифестомъ

Созданныхъ съ дивнымъ искусствомъ по волѣ Зеве-

са, на тронахъ

Боги сидѣли кругомъ громовержца. Призванью Θе-

миды

Самъ Посидонъ покорился. Онъ вышелъ изъ водъ

и съ другими

Съѣзъ на совѣтъ. Наконецъ спросилъ онъ владыку
Зевеса :

Богъ громоносный, почто ты призвалъ насъ въ
чертоги Олимпа ?

Или рѣшить замышляешь ты участь Троянъ и Ахе-
янъ ,

Вышедшихъ въ поле и снова исполненныхъ яростью
битвы ?

Въ тучахъ блистающій богъ на сіе отвѣчалъ Поси-
дону :

Землекрушитель, ты знаешь мои сокровенныя мы-
сли ,

Знаешь о чемъ сей совѣтъ. И о гибнущихъ умъ мой
печется.

Здѣсь я буду сидѣть на скалѣ высочайшей Олимпа,
Зрѣлищемъ боя себя услаждая. Но вамъ позво-
ляю

Къ войскамъ Троянъ и Ахейнъ итти, и можете
помощь

Той сторонѣ подавать, на которую склонитъ васъ
сердце.

Если одинъ Ахиллесъ нападетъ на Троянъ, ни мно-
венья

Въ полѣ они не подержатся противъ Пеллоновой
силы !

Трепетъ ихъ всѣхъ поразилъ при единомъ его по-
явленьи.

Нынѣ жь, когда онъ такъ сильно разгнѣванъ по-
гибелью друга,

Я страшусь, чтобъ, судьбѣ вопреки, не разрушилъ
онъ Трои.

Такъ говорилъ Зевесъ и вспыхали безсмертные
боемъ.

Съ неба они, раздѣлясь, ко враждующимъ ратямъ
слетѣли.

Мощная Ира пошла къ кораблямъ съ Палладой
Аѳиной;

Съ ней Посидонъ, облегающій землю и Эрмій,
обильный

Кознями, щедрый податель богатства и медленно-
тяжкій,

Пламенноокій Ифестъ, чрезъ сплу влекущій хро-
мую

Ногу. Но шлемомъ блестящій Арей обратился къ
Троянамъ,

Съ нимъ полнокудрый Фебъ и мѣткостью стрѣлъ
Артемиды

Гордая, Лито и Ксанъ и Киприда съ улыбкой
привѣтной.

Были надменны Ахейцы, пока не вмѣшались боги
Въ бой — Ахиллесъ появленьемъ своимъ, по дол-
гомъ покоѣ,

Ихъ ободрилъ, а Трояне, при видѣ Пелеева сына,
Блескомъ брони Арея подобнаго, всѣ трепетали—

Но лишь только сошли Олимпійцы ко смертнымъ,
Эриписъ

Страшно свирѣпствовать вдругъ начала. То стоя
на валѣ,

Подлѣ глубокаго рва, то на брегѣ шумящаго моря
Гласомъ могучимъ Аѣнна кричала. И черной подо-
бенъ

Бурѣ, Арей завывалъ, то съ горней вершины Пер-
гама

Клича Троянъ, то бѣгая взадъ и впередъ у вы-
сокой

Каликолоны, вѣ стѣнь, не вдали Симонсова берега.
Такъ Олимпійскіе боги рать на рать возбуждали.
Скоро вездѣ запылалъ разрушительный бой истреб-
ленья.

Страшно гремѣлъ всемогущій отецъ людей и без-
смертныхъ

Съ неба; въ низу колебалъ Посидонъ необъятную
землю;

Горы тряслись; отъ подошвы богатой потоками
Иды,

Все до вершины ея и Пергамъ съ кораблями дро-
жало.

Въ царствѣ глубокой, подземныя тьмы Айдоней
возмутился;

Блѣденъ съ престола сбѣжалъ онъ и крикнулъ
страшася, чтобъ свыше

Твердой земли не пронзилъ Посидонъ сокрушитель,
чтобъ оку
Смертныхъ людей и боговъ неприступный Аидъ не
открылся,
Страшный, мгlistый, пустой и безсмертнымъ самимъ
ненавистный.

РАЗРУШЕНІЕ ТРОИ.

ОПЫТЪ ПЕРЕВОДА ЭНЕИДЫ. КНИГА II.

Всѣ молчать, обративъ на Энея внимательны лица.
Съ ложа высокаго такъ начинается Эней - прароди-
тель :

О Царица ! велишь обновить несказанное горе :
Какъ погибла Троя, какъ Пріамово царство
Греки низринули, все, чему я плачевный свидѣтель,
Все, чего я былъ главный участникъ о семь
повѣствуя,

Кто — Мирмидонъ, иль Долопъ, иль ратникъ сви-
рѣпый Улисса —

Слезъ не прольетъ ! Но влажная ночь уже низле-
тѣла

Съ тихаго неба; ко сну приглашаютъ сходящія
звѣзды.

Если жь толь сильно желаніе слышать о нашихъ
страданьяхъ,

Слышать о страшномъ послѣднемъ часѣ разрушен-
ной Трои:

Сколь ни тяжело душѣ вспоминать о бѣдахъ толь
великихъ,

Я повинуюсь. Войной утомленны, отверженны ро-
комъ,

Столько напрасно утративши лѣтъ, полководцы
Данаевъ

Хитрымъ искусствомъ небесной Паллады коня со-
творили,

Дивно - огромнаго — плотныя ребра изъ крѣпкія
сосны —

Въ даръ богамъ при отплытіи (такъ молва разгла-
сила).

Тутъ избранныхъ мужей, назначенныхъ жребіемъ,
тайно

Скрыли они въ пространныя нѣдра чудовища:
полно

Здѣлалось чрево громады бронеодѣянныхъ ратныхъ.

Близъ Иліона лежитъ Тенедось, знаменитый издревль

Островъ, обильный, доколѣ стояло царство Пріама,

Нынѣ же бѣдный заливъ, кораблямъ ненадежная
пристань.

Тамъ, удалясь, у пустыхъ береговъ притаились Да-
наи ;

Мы же ихъ мнили уплывшими съ вѣтромъ попут-
нымъ въ Микины.

Тевкрія вся отъ тяжелой печали вдругъ отдохнула;
Градъ растворился; рвемся на волю, чтобъ ла-
геръ Дорійскій,

Мѣсто пустое и берегъ, врагами оставленный, ви-
дѣть.

„ Тамъ стояло ихъ войско; тутъ шатеръ былъ
Ахилловъ ;

„ Здѣсь корабли ихъ ; тамъ поле, гдѣ рати обычно
сражались. “

Всѣ дивятся опасному дару безбрачной Паллады;
Всѣ дивятся великой громадѣ и первый Тиме-
тось —

Былъ ли онъ врагъ намъ, судьба ль ужь паденье
Пергама рѣшила —

Въ городъ вовлечь и въ замкъ поставить коня
предлагаетъ:

Но проникательный Каписъ и каждый, въ комъ
ясень былъ разумъ,

Въ море совѣтують козни Данаевъ съ ихъ даромъ
невѣрнымъ

Бросить, или предать огню и пепломъ развѣять ;
Или, чрево пронзивъ, сокровенное въ немъ обна-
ружить.

Такъ въ нерѣшимости мнѣній толпа волновалась.

Но быстро,

Гнѣвъ, стремится отъ замка, одинъ впереди, про-

вожаемъ

Сонмомъ шумящимъ народа, Лаокоонъ; издалика

Онъ возопилъ: „о несчастные! что за безумство,

граждане;

„Вирите ль бѣгству врага? Иль мните, что даръ

нековарный

„Могутъ оставить Данаи? Такъ ли узнали Улисса!

„Или Ахейне здѣсь, заключенные въ дровъ,

таятся;

„Или громада сія создана, чтобъ, на гибель Пер-

гаму,

„Въ дома наши глядѣть и градъ сторожить съ

возвышенья;

„Или коварство иное коню не вѣрьйтесь,

Тевкры!

„Что нибудь . . . я Данаевъ страшусь и дары при-

носящихъ!“

Такъ сказалъ, и копье тяжелое мощной десницей

Онъ въ огромный бокъ и въ согбенное чрево гро-

мады

Ринулъ; вонзившись, оно зашаталось; дрогнуло

зданье;

Внутренность звонъ издала; застенало въ нѣдрѣ

глубокомъ.

Такъ: когда бы не боги, когда бь не затменье
разсудка,

Намъ бы тогда же открыло ихъ козни желъзо....
и ты бы,

Троя, стояла, ты бы стояло, жилище Пріама!

Вдругъ Дарданскіе горные пастыри съ крикомъ и
плескомъ

Юношу, руки ему на хребетъ заковавши, къ Пріаму
Силой влекутъ; онъ самъ, невѣдомый имъ, за-
мышляя

Хитрость и средство Ахеянъ впустить въ Иліонъ,
произвольно

Предалъ себя отважный, на все приготовленъ за-
ранѣ:

Козни ль свои совершить, иль вѣрною смертью
погибнуть.

Жадно Троянскіе бросились юноши Грека уви-
дѣть;

Стали кругомъ, и спорять другъ съ другомъ, чтобъ
плѣннымъ ругаться...

Свѣдай же хитрость Ахеянъ; въ злодѣйствѣ единомъ
Всѣхъ ихъ узнай!

Стоя одинъ, посреди толпы, смятенъ, безоруженъ,
Робко водилъ онъ окрестъ недовѣрчивый взоръ;
напоследокъ:

„О, какая земля, какое море — воскликнулъ —

„Примуть меня, и что мнѣ теперь несчастливцу
осталось!

„Мѣста межъ Греками нѣтъ, а здѣсь раздраженны
Дардане,

„Полны праведной мести, казню мнѣ угрожаютъ!“
Жалоба плѣнника тронула наши сердца; замол-
чало

Буйство толпы; вопрошаемъ: какой онъ породы;
откуда?

Что намѣренъ начать? за что судьбу упрекаетъ?
Бремя страха сложивши, Пріаму отвѣтствовалъ
плѣнникъ:

„Чтобъ ни случилось, о Царь, ничего не сокрою!
Вопервыхъ

„Родомъ я Грекъ — не таюсь! Синонь быть мо-
жетъ несчастень!

„Воля судьбы! но коварнымъ лжецомъ никогда
онъ не будетъ!

„Вѣрно молва донесла до тебя знаменитое имя,

„Вѣрно слыхалъ о дѣлахъ Паламеда, Вилова сына!

„Славный вождь, но безвинно по злымъ на-
ущеньямъ Пелазговъ,

„Только за то, что войны не оправдывалъ, пре-
данный смерти,

„Нынѣ же, свѣта лишенный, отъ нихъ же свирѣ-
пыхъ оплаканъ!

„Сродникъ его, мой убогой отецъ, его попеченьямъ

„ Въ юности ввѣрилъ меня, снарядивъ на войну; и
доколѣ

„ Былъ почтенъ Паламедъ, засѣдая съ вождями въ
совѣтъ,

„ Былъ и я не безъ имени, было и мнѣ уваженъе!

„ Но съ тѣхъ поръ, какъ палъ онъ жертвой Улис-
совой злобы,

„ Тяжкую жизнь во мракѣ печальномъ влачилъ я,
безплодно.

„ Въ сердцѣ своемъ негодуя на гибель невиннаго
друга;

„ О безразсудный! я не смолчалъ! но смѣло гро-
зился

„ Мстить за него, лишь только бѣ въ Аргосѣ воз-
вратиться съ побѣдой

„ Боги велѣли! Угрозы мои распалили ихъ злобу!

„ Съ той минуты бѣды за бѣдами! Улиссъ неу-
сыпно,

„ Самъ виновный, меня обвинялъ въ замышленьяхъ
коварно

„ Сѣялъ навѣты въ толпѣ и губилъ меня клеветами.

„ Прежде не могъ успокоиться онъ, доколѣ Кал-
хаса

„ Но почто продолжать бесполезно - прискорбную
повѣсть!

„ Что прибавлю! когда вамъ всѣ Греки равно не-
навистны —

„Вѣдать довольно: я Грекъ; поражайте меня! вы
Улиссеу

„Тѣмъ угодите; и щедро за то наградятъ васъ
Атриды!“

Чужды сомнѣнья, не зная всего вѣроломства Пе-
лазговъ,

Мы, любопытствомъ горя, вопрошать продолжаемъ
Синона.

Снова началъ онъ трепетну рѣчь съ лицемернымъ
смиреньемъ:

„Долгой осадой наскучивъ, безплодной войной
утомлены,

„Греки неразъ отъ упорныхъ Трои бѣжать замы-
шляли.

„О почто сего не свершилось! Но бури отъ
моря

„Часто имъ путь заграждали, и южный вѣтеръ
страшилъ ихъ!

„Съ той же поры, какъ построень былъ конь сей
изъ брусьевъ сосновыхъ,

„Грозы съ небесъ не сходили, и ливень шумѣлъ
непрестанно!

„Полны смятенія, мы Эрифила, да спросить Ора-
куль,

„Въ Дельфы послали — съ ужаснымъ отвѣтомъ онъ
возвратился:

„ Греки плывя къ Иліону, кровію дѣвы закланной
„ Вѣнныхъ склонили боговъ даровать имъ вѣтеръ
попутный :

„ Крови Аргоскаго мужа и нынѣ за вѣтеръ воз-
вратный

„ Требуетъ небо ! Едва разнеслось прорицанье въ
народъ ,

„ Всѣ возмутились умы, сердца охладѣли и тре-
петъ

„ Кости проникнуль. Кому сей жребій ? Кто Фе-
бова жертва ?

„ Съ шумомъ тогда Улиссъ ухищренный Калхаса
пророка

„ Силой привлечь предъ народъ, да откроетъ волю
безсмертныхъ !

„ Многіе тутъ же, зная Улисса, мнѣ предсказали

„ Умысль злой на меня и ждали смятенны, что
будетъ !

„ Десять дней прорицатель молчалъ и, таясь, отре-
кался

„ Жертву назвать и слово взрѣчь, придающее
смерти,

„ Но наконецъ, приневоленъ докучнымъ Улиссо-
вымъ воплемъ ,

„ Онъ произнесъ.... то было мое несчастное имя!

„ Всѣ одобрили выборъ, и всякъ, за себя трепе-
тавшій,

„Радъ былъ, что грозное всѣмъ, одному обрати-
лось въ гибель!

„День роковой наступалъ; меня ужъ готовили въ
жертву;

„Были готовы и соль и священный пирогъ, и по-
вязка

„Мнѣ ужъ чело украшала... но я (не сокрою!)
разрушилъ

„Цѣпи, скрылся въ болото и тамъ, въ тростникѣ
притаившись,

„Ночью ждалъ, чтобъ они, поднявъ паруса, удали-
лись!...

„Нѣтъ теперь мнѣ надежды отчизну древнюю ви-
дѣть!

„Вѣчно милыхъ родныхъ и отца желаннаго вѣчно

„Я не увижу! быть можетъ и то, что ихъ же не-
винныхъ,

„Мнѣ въ замѣну, за бѣгство мое убійцы погу-
бятъ!...

„О, всевышними, зрящими вѣчную правду богами,

„О, правотой неизмѣнною — если еще сохрани-
лась

„Гдѣ на землѣ правота — молю: яви сожалѣнье

„Бѣдному мнѣ, и тронься на мой незаслуженный
жребій!“

Мы, сострадая, скорбѣли надъ нимъ, проливающимъ
слезы;

Самъ благодушный Пріамъ повелѣлъ тяготящія узы
Съ плѣнника снять и ему съ утѣшительной ласкою

молвилъ :

— Кто бы ты ни былъ, забудь о своихъ непріяз-
ненныхъ Грекахъ !

Нашъ ты теперь ! ободрись, и друзьямъ откровенно
повѣдай :

Что знаменуетъ громадный сей конь ? Почто онъ
воздвигнуть ?

Кѣмъ ? Приношеніе ль богу какому ? Орудіе ль
брани ? —

Такъ Пріамъ вопрошалъ. И полный коварства Пе-
лазговъ ,

Плѣнникъ, поднявши къ священному небу свобод-
ныя руки :

„ Вы, свѣтила небесныя, вы, надзвѣздные боги !

„ Васъ призываю (воскликнулъ), васъ, отъ кото-
рыхъ бѣжалъ я,

„ Жертвенный пожъ, олтарь, роковая повязка ! От-
нынѣ

„ Я навсегда разорвалъ ненавистныя съ Греками узы !

„ Греки враги мнѣ ! Свободно открою ихъ гибель-
ны тайны !

„ Чуждый отчизнѣ , я чуждъ навсегда и законамъ
отчизны !

„ Ты же мнѣ данный обѣтъ сохрани, сохраненная
Троя ,

„ Если тебѣ во спасенье великую истину молвлю !

„ Всѣхъ упованій подпорой, надежной, помощни-
цей въ брани

„ Грекамъ Паллада была изкони; но съ тѣхъ поръ
какъ преступный

„ Сынъ Тидеевъ и съ нимъ Улиссъ, вымышлятель
коварныхъ

„ Козней, изъ храма Палладіумъ, стражей высокаго
замка

„ Смерти предавъ, унесли, и рукой, отъ убійства
кровавой,

„ Дѣвственно - чистыхъ богини одеждъ прикоснуть-
ся дерзнули —

„ Кончилась наша довѣренность къ ней, охладѣла
надежда,

„ Сила упала, отъ насъ отклонилась богиня; и
зрѣлись

„ Явные знаки гнѣва Тритоны: лишь только во
станѣ

„ Былъ утвержденъ похищенный идолъ, ожившія
очи

„ Вдругъ ослѣпительнымъ блескомъ зажглись, по
членамъ соленый

„ Потъ проступилъ и трикраты (о страшное чудо)!
богиня

„ Прянувъ, воздвигнула щитъ и копьемъ потрясла,
угрожая !

„ Намъ уstraшеннымъ Калхасъ не медля совѣтуетъ
бѣгство !

„ Трою не пасть отъ Аргивскія силы ! — прорекъ
онъ — иль снова

„ Греки должны спросить Оракулъ въ Аргосъ, и
моремъ

„ Взятый въ отчизну Палладіумъ вновь привести
къ Иліону.

„ Знайте жъ : теперь, проведенны въ Аргосъ бла-
говѣющимъ вѣтромъ,

„ Рать и сопутныхъ боговъ они собираютъ, чтобъ
снова

„ Вслѣдъ за Калхасомъ войной на Пергамъ не ожи-
данной грянуть !

„ Въ даръ же богамъ за Палладіумъ, въ честь
оскорбленной Тритоны

„ Ими воздвигнуть сей идолъ, да ихъ святотатство
загладить !

„ Самъ Калхасъ повелѣлъ, чтобъ конь сей чудо-
вищный созданъ

„ Былъ изъ крѣпкихъ достокъ и высился ростомъ
огромнымъ

„ Къ небу, дабы не пройти во врата и не стать
въ Иліонѣ

„ Грозной защитой народу по древнимъ сказаніямъ
предковъ !

„ Вѣдай же, Троя, когда оскорбите святыню Минервы

„Гибель великая — о, да обрушать ее на Кал-
хаса

„Праведны боги! — постигнетъ Пріамовъ престолъ
и Фригіянь!

„Если же сами коня возведете во внутренность
града :

„Нѣкогда Азія стѣны Пелопсовы сильной осту-
пить

„Ратью, и нашихъ потомковъ постигнетъ мстящая
гибель! — —

Боги! Боги! притворнымъ рѣчамъ вѣроломца Си-
нона

Жадно повѣрили мы и тѣ, кого ни Тидеевъ
Сынъ, ни Ахиллъ Ѳессаліецъ, ни десять лѣтъ не-
прерывной

Брани, ни тысяча ихъ кораблей покорить не
умѣли —

Тѣ единому слову, одной слезѣ покорились!

Тутъ явилось другое неслыханно-страшное чудо
Нашимъ очамъ и вселило въ сердца неописанный
трепетъ!

Лаокоонъ, Нептуновъ избранный жрецъ, всенародно
Тучнаго богу вола приносилъ предъ храмомъ на
жертву. . . .

Вдругъ, четой, отъ страны Тенедоса, по тихому
морю

(Вспомнивъ о томъ, трепещу!) два змѣя, возлегши
на воды,

Рядомъ плывуть и медленно тянутся къ нашему
брегу:

Грудн изъ волнъ поднялись; надъ водами кровавые
гребни

Дыбомъ; глубокий, излучистый слѣдъ за собой по-
кидая,

Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаясь, вздымаются
спины.

Пѣняся, влага подъ ними шумить; вползають на
берегъ;

Ярко налитые кровью глаза и рдѣють и блещутъ;
Съ свистомъ проворными жалами лижутъ разинуты
пасти.

Мы, поблѣднѣвъ, разбѣжались! Чудовища прынули
дружно

Къ Лаокоону, и двухъ сыновъ его малолѣтнихъ
Разомъ настигнувъ, скрутили ихъ тѣло и, жадные
втиснувъ

Зубы имъ въ члены, загрызли мгновенно обоихъ;
на помощь

Къ дѣтямъ отецъ со стрѣлами бѣжитъ; но змѣи,
напавши

Вдругъ на него и запутавшись крѣпкими кольцами
дважды

Чрево и грудь и дважды выю ему окружили.

Тѣломъ чешуйнымъ и грозно надъ нимъ поднялись
головами.

Тщетно узлы разорвать напрягаетъ онъ слабыя
руки —

Черный ядъ и пѣна текутъ по священнымъ повяз-
камъ;

Тщетно, терзаемъ, пронзительный стонъ ко звѣз-
дамъ онъ подымлетъ;

Такъ, отряхая топоръ, невѣрно въ шею вонзенный,
Бѣсится вошь и реветъ, оторвавшись отъ жертвен-
ной цѣпи.

Быстро вѣсь, побѣжали ко храму высокому змѣи;
Тамъ, достигши святилища гнѣвной Тритоны, при-
пали

Мирно къ стопамъ божества и подъ щитъ улеглись
огромный.

Всѣмъ намъ тогда предвѣщательный ужасъ глубоко
проникнулъ

Сердце; въ трепетъ мыслимъ: достойно былъ дерз-
кій наказанъ

Лаокоонъ, оскорбитель святыни, копьемъ свято-
татымъ

Нѣдра пронзившій коню, посвященному чистой
Палладѣ.

„Введи коня въ Иліонъ! моли о пощаду Пал-
ладу!“

Весь народъ возопилъ. . . .

Стѣны поспѣшно пронзаемъ ; разломаны града твер-
дыни ;

Всѣ на работу бѣгутъ ; подъ коня подкативши колеса,
Ставятъ громаду на нихъ и, шею канатомъ опутавъ,
Тянуть ... шатнулось чудовище ; воиновъ полное, въ
городъ

Медленно движется ; юноши вокругъ и безбрачныя
дѣвы

Гимны поютъ и тѣснятся, чтобы вервей коснуться
руками.

Вдвинулся конь и идетъ, угрожающій, стогнами
Трон....

О отчизна ! о градъ боговъ Иліонъ ! о во брани
Славныя стѣны Дарданскія ! трижды въ воротахъ
громада

Остановилась, трижды внутри зазвучало желѣзо ...
Мы жъ, ослѣпленные, разумъ утративъ, не зримъ
и не слышимъ.

Въ замокъ Пергама введенъ наконецъ истуканъ
бѣдоносный.

Тутъ Кассандра, безъ вѣры внимаема нами, напрасно
Вѣщій языкъ разрѣшила, чтобъ намъ предсказать
о грядущемъ ;

Мы, безумцы, для коихъ сей день былъ послѣдній,
цвѣтами

Храмы боговъ украшали, спокойно по стогнамъ
ликуя....

Небо тѣмъ временемъ кругъ совершило, и ночь
полетѣла

Съ моря, и землю и твердь и обманъ Мирмидонянъ
объемля

Тѣнью великой; по граду безпечно разсыпанны
Тевкры

Всѣ умолкнули: сонъ обнималъ утомленные члены.
Тою порой отъ береговъ Тенедоса фалангу Аргивянъ
Строємъ несли корабли въ благосклонномъ безлунія
мракѣ

Прямо къ знакомымъ брегамъ; и лишь только надъ
Царской кормою

Вспыхнуло пламя — судьбою враждебныхъ боговъ
огражденный,

Тихо сосновыя двери замкнутымъ въ громадѣ Данаямъ
Вскрылъ осторожный Синонъ: разтворившись, Гре-
ковъ на воздухъ

Конь возвратилъ; спѣшать изъ душнаго мрака тем-
ницы

Вытти вожди: Стенель и Тессандръ и Улиссъ кро-
вожадный,

Смѣло по верви скользя; и за ними Феоасъ съ
Агаманомъ,

Внукъ Пелеевъ Неоптолемъ, Магаонъ, напоследокъ
Самъ Менелай и съ нимъ громады создатель Эпеосъ.
Быстро напали на сонный, виномъ обезумленный
городъ;

Стража заръзана; твердыя сбиты врата; и навстрѣчу
Ждущимъ у входа вождямъ Мирмидоняне хлынули
въ Трою.

Было то время, когда на усталыхъ сходить начи-
наетъ

Первый сонъ, боговъ благодать, успокоитель сладкій.
Вдругъ.... мнѣ заснувшему видится, будто Гекторъ
печальный

Сталь предо мной, проливая обильно горькія слезы,
Тотъ же, какимъ онъ являлся, конями размыканный,
черень

Пылью кровавой, изтерты ремнями опухшія ноги.
Горе! такимъ ли видалъ я его? Какъ былъ онъ не-
сходень

Съ Гекторомъ прежнимъ, гордо бѣгущимъ въ Ахил-
ловой бронѣ,

Иль запалившимъ Фригійскій пожаръ въ корабляхъ
сопостата!

Всклочена густо брада; отъ крови слипшая кудри;
Тѣло изтерзано ранами, нѣкогда вкругъ Іліонскихъ
Стѣнъ полученными. Самъ заливаясь слезами, каза-
лось,

Такъ во снѣ я привѣтствовалъ Гектора жалобной
рѣчью:

— О свѣтило Дарданіи! вѣрная Трои надежда!

Гдѣ такъ долго ты медлишь? Гекторъ желанный,
откуда

Нынѣ пришелъ ты? О, сколько ты насъ, по утра-
тѣ толикихъ

Храбрыхъ друзей, по толикихъ бѣдствіяхъ гражданъ
и града,

Сердцемъ унылыхъ обрѣлъ! И что недостойное
свѣтлый

Образъ твой затемнило? Откуда толикія раны?—
Онъ ни слова; безплоднымъ вопросамъ онъ не далъ
вниманья;

Но, протяжный, тяжелый вздохъ исторгнувъ изъ
груди,

Молвилъ: “бѣги, сынъ богини, спасайся; Пергамъ
погибаетъ;

„Врагъ во градъ; падаетъ Троя; Пріаму, отчизнѣ
„Мы отслужили; когда бы отъ смертной руки для
Пергама

„Было спасенье—Пергамъ бы спасень былъ сею
рукою.

„Троя Пенатовъ своихъ тебѣ повѣряетъ; прими ихъ
„Въ спутники жизни; для нихъ завоюй обреченныя
небомъ

„Стѣны державныя, кои воздвигнешь, изплававши
море. „

Кончилъ—и вынесъ изъ тайны святилища утварь,
повязки,

Вѣчно-пылающій огонь и лѣкъ всемогущія Весты.

Тою порою по граду, шумя, разливалась гибель.

Болѣ и болѣ — хста въ сторонѣ, одинокъ и не-
пышенъ,

Домъ Анхиза-родителя сѣнью закрыть былъ древес-
ной —

Шумъ приближается; явственный слышно волненіе
брани.

Я очнулся; воспрянулъ отъ ложа; на верхнюю
кровлю

Дома взбѣжалъ, и стою, внимательнымъ слушаю
ухомъ.

Такъ — когда, раздуваемый бурей, свирѣпствуетъ
пламень

Въ жатвѣ, или ливнемъ потокъ наводненный, съ
горы загремѣвши,

Губить поля и веселыя нивы и трудъ земледѣльца,
Съ корнями рветъ и уноситъ деревья — съ вершины
утеса

Въ смутномъ невѣдѣнн сѣлится къ шуму прислу-
шаться пастырь.

Все мнѣ тогда, и видѣнія тайна, и козни Данаевъ
Вдругъ объяснилось. Ужъ домъ Деифобовъ горитъ
и огромной

Грудой развалинъ, дымящійся, падаетъ; съ нимъ
пламенѣетъ

Укалегоновъ и заревомъ блещутъ Сигейскія воды;
Слышны и крики людей и звонкой трубы дребез-
жанье.

Я, какъ безумный, за мечь.... по куда съ мечемъ
обратиться?

Рвусь нетерпѣньемъ дружину созвать, чтобъ бро-
ситься въ замокъ;

Ярость и бѣшенство душу стремительно мчатъ, и
погибнуть

Смертью прекрасной въ бою съ тоскою мучитель-
ной жажду.

Вдругъ явился Панѳей, убѣжавшій отъ коней Ахей-
скихъ,

Старецъ Панѳей, Отрядъ и въ замкѣ жрецъ Апол-
лоновъ.

Утварь и лики боговъ побѣжденныхъ похитивъ,
младаго

Внука онъ влекъ за собой и безпамятенъ мчался
къ Анхизу.

„Есть ли надежда, Панѳей? Уцѣлѣли ль замка
твердыни? „

Я вопросилъ; отчаяннымъ стопомъ отвѣтствовалъ
старецъ :

„День послѣдній насталь, неизбежное время настало

„Царству! мы были Трояне, былъ Иліонъ, и ве-
ликой

„Тевкринъ слава была..... на Аргивянъ жестокий
Юпитеръ

„Все перенесъ; господствуютъ Греки въ пылаю-
щемъ градѣ,

„ Гибельно высясь надъ площадью замка, ратниковъ
сонмы

„ Конь извергаетъ; Синопъ, торжествуя, пожарное
пламя

„ Тщится усилить; тамъ непрестанно двумя воротами

„ Войска безчисленны входятъ, какихъ не видали
Микины;

„ Здѣсь, захвативши тѣсныя выходы, сильная стража

„ Сдвинула конья, и грозно, вонзиться готовое,
блещетъ

„ Ихъ остріе; безнадежно, разстроенной, слабой
дружиной

„ Бьются привратные воины, слясь напрасно
отбиться. „

Страшною вѣстью Панѳея и силой безсмертныхъ
влекомый,

Я побѣжалъ, куда призывали Эриннисъ и шумный
Говоръ сраженья и пламень и стонъ, ко звѣздамъ
восходящій.

Слѣдомъ за мною Рифей и зрѣлый мужествомъ
Ифигъ;

Къ намъ пристали при блескѣ пожара Димантъ съ
Гипанисомъ,

Къ намъ и Хоревъ Мигдонидъ, въ Иліонъ приведен-
ный судьбою

За день предъ тѣмъ, горящій безумной къ Кассандрѣ
любовью,

Съ вѣрною помощію къ тестю Пріаму и Троѣ...

несчастный!

Купно съ другими вѣщимъ рѣчамъ вдохновенной

невѣсты

Онъ не повѣрилъ. . . .

Я же, ихъ видя рѣшительныхъ, жаждущихъ боя,

воскликнулъ:

„Юные други! сердца, толь напрасно безстрашныя

нынѣ!

„Если, отважась на все, испытать вы со мною готовы

„Силы послѣдней (что же фортуна рѣшила, вы

зрите:

„Наши святилища бросили, наши покинули храмы

„Боги, хранители Трои; святой Иліонъ исчезаетъ

„Дымомъ), на смерть побѣжимъ, ударимъ въ сре-

дину оружій;

„Други! спасенья не ждаты — одно побѣжденнымъ

спасенье. „

Вспыхнула бодрая младость. Подобно какъ въ

темномъ туманѣ

Рыщутъ, почуя добычу, гонимые бѣшенствомъ глада,

Хищные волки, и брошены дѣти, засохшія пасти

Жадно разинувъ, ихъ ждуть въ логовищахъ: сквозь

копья и сонмы

Такъ на погибель ударились мы, пролагая въ средину

Города путь, облетаемы ночи огромною тѣнью.

Ночь несказанная! гдѣ слова для ея разрушеній?

Кто и какими слезами толикую гибель оплачетъ?
Падаютъ древній градъ, многолѣтній властитель
народовъ;
Всюду разбросаны трупы; лежатъ неподвижны во
прахъ
Улицъ, на прагахъ домовъ, при дверяхъ, во святи-
лищахъ храмовъ.
Но не одну безотпорную смерть принимаетъ Троя-
нецъ,
Часто горитъ въ побѣжденномъ привычная бодрость,
и гибнетъ
Грекъ-побѣдитель. . . . Вездѣ, отовсюду являются
взору
Гибель и страхъ и кровавая смерть въ неизчислен-
ныхъ видахъ.
Первый изъ Грековъ, дружиною встрѣченный нашей
на стогнахъ,
Былъ Андрогей; въ обманчивомъ сумракѣ ночи
пріемля
Насъ за Данаевъ союзныхъ, онъ такъ дружелюбно
воскликнулъ :
„ Братья, спѣшите; гдѣ же такъ долго васъ задер-
жала
„ Праздная лѣнь? Давно разхищаютъ горящую Трою
„ Греки; а вы едва съ кораблями разстаться успѣли.“
Такъ онъ сказалъ; но, узрѣвъ безотвѣтную нашу
суровость,

Вмигъ догадался, кто передъ нимъ, отскочилъ и
умолкнулъ,

Скованный страхомъ. Какъ путникъ, змѣю разбу-
дившій ногою,

Трепетень рвется назадъ, узрѣвъ, какъ она, раз-
нувшись,

Гнѣвъ воздымаетъ и свищетъ, поднявъ чешуй го-
лубыя:

Такъ, задрожавши, отъ насъ побѣжалъ Андрогей....
но напрасно!

Мы за нимъ; разорвали ихъ строй; и не вѣдая града,
Вдругъ осажденные страхомъ, незапностью, ночью
и нами,

Всѣ до единого пали враги. Улыбнулась Фортуна
Первому нашему бою. Хоревъ, воспаленный удачей,
„Други! воскликнулъ, отважimsя ввѣриться первому
счастью;

„Намъ благосклонно судьба указываетъ нашъ путь;
облачимся

„Въ брони Данаевъ, щиты перемѣнимъ; обманомъ
илъ силой —

„Все равно для врага. И нынѣ оружіе сами

„Греки Троянамъ дадутъ.,, Сказалъ и надѣлъ Андро-
геевъ

Гривистый шлемъ, завоеванный щитъ надвинулъ на
шуйцу,

Греческій мечъ утвердилъ на бедрѣ. Ему подражая,

Бодро Димантъ и Рифей и вся молодая дружина
Свѣжей добычей оружій себя ополчили. Въ средину
Грековъ бѣжимъ.... но боги отчизны были не съ
нами.

Подвиговъ много, врагами не узнанны, въ сумракъ
ночи

Мы совершили, много Данаевъ низринуто въ Оркусъ.
Въ страхъ одни къ кораблямъ, къ безопасному
берегу моря

Мчатся изъ града; иныхъ загоняетъ постыдная
робость

Въ пѣдра коня и приѣмлетъ ихъ снова знакомое
чрево.

Но... богамъ отвратившимся, поздно ввѣряться
надеждѣ!

Вдругъ изъ храма Паллады влекутъ за власы распу-
щенны,

Вырвавъ ее изъ святилища, дочь Пріама Кассандру,
Къ темному небу напрасно подъемлющу пламенны
очи —

Очи одни, окованы были невинныя руки.

Страшнаго вида сего не стерпѣло сердце Хорева;
Онъ обезумленный, прямо въ средину толпы; и
содвинувъ

Груды и копья, мы дружно во слѣдъ; но плачевно-
ужасный

Бой тогда закипѣлъ: Трояне, обмануты видомъ
Нашихъ Греческихъ латъ и сверканіемъ шлемовъ
косматыхъ,
Съ кровли высокаго храма пустили въ насъ тучею
стрѣлы;
Стонъ пораженныхъ намъ измѣнилъ; на Кассандрины
вопли
Ринулся врагъ; мы всѣ опрокинуты; съ бурнымъ
Аяксомъ
Оба явились Атрида — за ними толпами Данаи.
Такъ, подымаясь крутящимся вихремъ, сшибаются
вѣтры
Поть и Зефиръ и на легкихъ несомый коняхъ отъ
востока
Эвръ, и бушуютъ лѣса, и Нерей опѣненнымъ тре-
зубцемъ
Бьетъ по водамъ, и до самаго дна содрогается море.
Скоро и Греки, испуганны мракомъ ночнымъ и по
граду
Нашей дружиной разсѣяны, вышли изъ тайныхъ
убѣжищъ,
Первые насъ по щитамъ и обманчивымъ бронямъ
узнали,
Вслушались въ наши слова и чужіе замѣтили звуки.
Множество насъ задавило: первый мечемъ Пенелея
Палъ Хоревъ предъ святымъ алтаремъ броненосной
Паллады;

Палъ и Рифей, изъ Троянъ непорочнѣйшій, правды
блюститель

(Иначе боги судили о немъ); Димантъ съ Гипанисомъ
Пали отъ копій Троянскихъ; ни Фебова риза, ни
святость

Чистыя жизни тебя не спасли, о Панфей благодушный.
Прахъ Иліона, всѣ блага мои поглотившее пламя,
Васъ призываю! вы зрѣли, что я не чуждался ни
копій

Вражыхъ, ни силы врага; и когда бы назначилъ
мнѣ жребій

Пастъ — я паденье свое заслужилъ. Но изъ битвы
(за мною
Ифитъ одинъ съ Пеліасомъ, Ифитъ, уже отягченный
Дряхлостью лѣтъ, Пеліасъ, умирающій, раненъ
Улисомъ)

Я устремился на стонъ, огласившій чертоги Пріама.
Тамъ всѣ ужасы брани стеклися: какъ будто во градъ
Не было битвы иной и нигдѣ никого не разили —
Такъ свирѣпствовалъ Марсъ, такъ бѣшено Греки
рвалися

Въ замокъ и, сдвинувъ щиты черепахой, на входъ
напирали.

Множествомъ лѣстницъ унизаны стѣны; вверхъ по
ступенямъ

Лезутъ Данаи, шуйцей щиты надъ главами подъ
копья

Наши подставивъ, десной за вершину ограды хвата-
таясь ;

Тевкры, готовя опоръ, раззоряють и башни и дома,
Вмѣсто оружій собирають обломки съ намѣреніемъ
грознымъ

Въ битвѣ отчаянной ими врага раздавить, погибая ;
Съ шумомъ державнаго дома царей позлащенны
убранства

Падаютъ; мечъ обнаживши, другіе, у вратъ осаж-
денныхъ

Тѣсной дружиной столпясь, ограждають святилище
прага.

Взорванный гнѣвомъ, стремлюсь на защиту Пріа-
мова дома,

Ратныхъ усилить, и бодрого духа придать побѣжден-
нымъ.

Были сокрытыя двери въ стѣнѣ высокаго замка,
Ходъ потаенный изъ внѣшняго града въ Царево
жилище;

Часто, во дни благоденствія Трои, ко свекру Пріаму
Онымъ путемъ Андромаха несчастная тайно ходила :
Взоръ престарѣлаго дѣда порадовать внукомъ цвѣ-
тущимъ.

Онымъ путемъ пробираюсь къ тому возвышенію,
откуда

Тщетно послѣднія стрѣлы на Грековъ бросали
Трояне.

Тамъ воздымалась стремнистая башня, весь градъ
перевыся;

Съ кровли ея неприступной видимы были вся Троя,
Всѣ корабли Мирмидонянъ, весь Греческій станъ
отдаленный.

Тамъ, гдѣ она со стѣны ввѣла громадою всею
Грозно надъ градомъ, какъ туча, мы острымъ же-
лѣзомъ подрвали

Сплочены камни и двинули башню гремя и
дымяся

Вдругъ она повалилась и страшной развалиной пала
Вся на Грековъ; погибшихъ смѣнили другіе, и гра-
домъ

Стрѣлы, копья и камни опять полетѣли.

Всѣхъ опредѣя, напиралъ на предверіе Пирръ бѣдо-
носный,

Грозень, какъ пламенный, мѣдной броней и стрѣ-
лами сіяя.

Такъ на солнцѣ змѣя, напившись ядомъ растѣній,
Долго лежавъ неподвижна подъ тягостнымъ холодомъ
снѣга,

Вдругъ, чешуи обновивъ, расправляетъ красы мо-
лодыя,

Скользкій волнуетъ хребетъ, золотистую грудь
надуваетъ,

Вьется въ лучахъ и жаломъ тройнымъ, разыгравшись,
блещетъ.

Съ нимъ великанъ Перифрасъ и правитель Ахил-
ловыхъ коней

Оруженосецъ Автомедонъ и дружина Скиріянъ
Шумно къ чертогамъ тѣсняются и пламень бросаютъ
на кровли.

Самъ же, у всѣхъ впереди, онъ огромной, двуострой
сѣкирой

Рушить затворы, съ притолокъ тяжкихъ, окован-
ныхъ мѣдью,

Петли сбиваетъ, брусья дробить и плотныя доски
Вдругъ прорубилъ—широкою щелью разинулись
двери.

Видимы стали и внутренній дворъ и ряды переходовъ,
Видима древняя храмина прежнихъ Царей и Пріама,
Видимы въ сѣняхъ и стражи, хранители Царскаго
прага.

Въ самомъ же домѣ и жалобный крикъ, и шумъ, и
волненье;

Звонкіе своды чертоговъ наполнивъ пронзительнымъ
стономъ,

Жены рыдаютъ; къ звѣздамъ подымаетъ отчаянье
голосъ.

Блѣдныя матери, бѣгая въ мутномъ безуміи страха,
Праги объемлютъ дверей и къ нимъ прилипаютъ
устами.

Вдругъ вторгается Пирръ, какъ отецъ, неизбежно-
ужасный.

Тщетны заграды; низринута стража; таранъ стѣно-
бойный

Сшибъ ворота; разколовшись, огромные рухнули
створы;

Силъ прочистился путь, и въ проломъ, опрокинувъ
переднихъ,

Ринулся Грекъ, и врагами обители всѣ закипѣли.

Менѣе грозенъ, плотину прорвавъ и разрушивши
стѣну,

Съ ревомъ и съ пѣной стремится потокъ изъ береговъ
и равнину

Шумнымъ разливомъ окрестъ потопивъ, стада и
заграды

Мчитъ по полямъ. Я видѣлъ убійствомъ яримаго
Пирра;

Видѣлъ обоихъ Атридовъ, дымящихся кровью въ
обители царской;

Видѣлъ Гекубу и сто невѣстокъ ея и Пріама,

Кровью своею воздвигнутый ими олтарь обагрившихъ.

Вдругъ пятьдесятъ сыновнихъ брачныхъ чертоговъ,
надежда

Внуковъ толикихъ, и стѣны, добычъ многочислен-
ныхъ златомъ

Гордыя, пали — пожаромъ забытое схвачено Грекомъ.

Знать пожелаешь, быть можетъ, Царица, что было
съ Пріамомъ.

Видя паденіе града, видя пылающій замокъ,

Видя врага, захватившаго внутренность Царскаго
дома,

Старецъ давно - позабытую броню на трепетны
плечи,

Сгорбленны тягостью лѣтъ, чрезъ силу надѣлъ, без-
полезный

Мечъ опоясалъ и въ сонмы враговъ пошелъ на
погибель.

Въ самой срединѣ Царскихъ чертоговъ, подъ небомъ
открытымъ

Былъ великій алтарь; надъ нимъ многолѣтнаго
лавра

Сѣнь наклонялась и лики домашнихъ боговъ обни-
мала.

Тамъ съ дочерями сидѣла Гекуба. Вотще — пріютив-
шись

Робко подъ жертвенникъ, словно какъ стая пугли-
вая горлицъ

Въ грозу подъ вѣтви — кумиры безсмертныхъ онѣ
обнимали.

Вдругъ Царица одѣтаго бронею младости бранной
Видитъ Пріама. „Куда ты, бѣдный супругъ (возгла-
сила)?

„Что ополчило тебя? Къ чему безразсудная бод-
рость?

„Нынѣ такая ли помощь, такой ли защитникъ
Цергаму

„Нужны? Пергама не спасъ бы теперь и великій
мой Гекторъ.

„Съ нами останься, Пріамъ; сей алтарь защититъ
насъ,

„Или умремъ неразлучны.“ Сказала и, руку су-
пругу

Давши, старца съ собой посадила на мѣстѣ священ-
номъ.

Вдругъ изъ убійственныхъ Пирровыхъ рукъ убѣжав-
шій Политосъ,

Сыпъ послѣдній Пріама, сквозь копья, сквозь сон-
мища вражьи,

Вдоль переходовъ, пустыми чертогами раненый
мчится;

Быстро за нимъ сверкающій Пирръ съ неизбѣж-
нымъ убійствомъ

Гонится... близко; нагналъ, достигнулъ желѣзомъ;
Къ лону родителей кинулся юноша въ страхъ, предъ
ними

Палъ, содрогнулся.... и жизнь пролилася потоками
крови.

Тутъ закипѣло Пріамово сердце. Самъ погибая,
Онъ не стерпѣлъ толикаго горя и гнѣвно восклик-
нулъ:

„О чудовище! Боги тебѣ, святотатный убійца,

„Боги — если живетъ въ небесахъ правосудная
жалость —

„Мзду низпошлютъ; по заслугѣ получишь награду,
губитель,

„Ты, предо мной моего разтерзавшій послѣдняго
сына!

„То ли Ахиллъ, отъ тебя названьемъ отца поноси-
мый,

„Сдѣлалъ съ Приамомъ врагомъ? Онъ, краснѣя, по-
чтилъ униженъе

„Старца молящаго; далъ схоронить мнѣ бездушное
тѣло

„Гектора сына и въ Трою меня отпустилъ без-
обидно.“

Такъ онъ сказалъ и конье безсильное слабой
рукою

Бросилъ; оно, ударяся въ мѣдь, зазвѣнѣвшую
глухо,

Тронуло выгибъ щита и на немъ безъ движенія
повисло.

Яростно Пирръ возопилъ: иди же съ поносною
отсель

„Вѣстью къ Пелиду отцу; не забудь о безславныхъ
дѣяннѣяхъ

„Пирра повѣдать ему; теперь же умри. „Безпощадно
Онъ передъ жертвенникъ дрогнувшій старца пов-
лекъ; сѣдинами

Шуйцу, облитую кровью сыновней, опуталъ, де-
сницей

Мечъ замахнулъ и въ ребра до самой вонзилъ рукоятки.

Такъ совершилася участь Пріама; такъ онъ покинулъ

Землю, зрѣвши добычей пожара Пергамъ и паденье Трои, нѣкогда сильный властитель народовъ, державный

Азія Царь.... и великое тѣло на брегѣ пустынномъ

Нынѣ безъ чести лежитъ, обезглавлено, трупъ безъимянный.

Тутъ впервые мнѣ ужасъ предчувствія душу проникнулъ:

Я обомлѣлъ; я о миломъ старцѣ родителя вспомнилъ,

Видя, какъ дряхлый ровестникъ его подъ рукой безпощадной

Царь издыхалъ; я вспомнилъ о сирой Креузѣ, о домѣ, Преданномъ Греку во власть, о судьбинѣ младенца Іула.

Взоръ обращаю: нѣтъ ли со мною сподвижниковъ ратныхъ?

Все исчезли; одни, утомленные битвою, съ башни Прянули въ городъ; другіе отчаянно кинулись въ пламень;

Я одинъ уцѣлѣлъ. И вдругъ въ преддверіи храма

Весты, робкобездмолвную, скрытую въ темномъ при-
творѣ,

Вижу Тиндарову дочь: при заревѣ яркомъ пожара
Свѣтлымъ путемъ я бѣжалъ; все оку являлося яснымъ.
Тамъ, опасаясь Троянъ, раздраженныхъ паденьемъ
Пергама,

Злобы Данаевъ и мести супруга, отчизну и Трою
Купно губящая Фурія, жертвенникъ Весты объемля,
Въ храмъ, богамъ ненавистная, тайно сидѣла Елена.
Вспыхнуло сердце во мнѣ; отомстить за погибель
отчизны

Рвется мой гнѣвъ; истребить истребленья виновницу
жажду.

„Ей ненаказанной Спарту узрѣть! въ родныя Микины
Гордой Царицей вступить, торжествуя! увидѣть су-
пруга,

Домъ родительскій, чадъ, окруженной прискорбной
толпою

Дѣвъ Иліонскихъ и плѣнныхъ Троянъ? . . . А Пріамъ
ужь зарѣзанъ,

Троя горитъ и Дарданія цѣлая кровью дымится!
Нѣтъ! того не стерплю! пускай не великая слава
Женоубійцѣ, пускай для него безнохвальна побѣда—
Свѣтъ отъ чудовища должно очистить; кровавою
местью

Сердце свое утолю и пенель моихъ успокою.“

Такъ я, себя раздражая, злобой кипящій стремился

Вдругъ передъ очи мои, откровенная, мракъ осіявши
Яркимъ блистаньемъ, великой богиней, какою лишь
небо

Знаетъ ее, предстала Мать и, меня удержавши,
Молвила такъ мнѣ устами, живыми какъ юная
роза:

„Сынъ, для чего необузданной скорбію гнѣвъ про-
буждаешь?

„Что за безумство? Уже ли оставилъ о насъ по-
печенье?

„Прежде помысли о томъ, гдѣ покинуть тобою ро-
дитель,

„Дряхлый Анхизъ, не погибли ль супруга Креуза
и юный

„Сынъ твой Асканій? Кругомъ ихъ обители бѣшено
рыщеть

„Грекъ, и давно бы, когдабъ не моя берегла ихъ
защита,

„Ихъ истребило желѣзо и пламень враждебный по-
хитилъ!...

„Нѣтъ! не Паридъ, похититель преступный, не образъ
Спартанки,

„Низкой Тиндаровой дочери — боги, разгнѣваны боги

„Вашъ опрокинули градъ и сразили величіе Трои.

„Зри — я всякое облако, нынѣ темнящее слабый

„Смертнаго взоръ и облекшее все предъ тобою ту-
маннымъ

„Мракомъ, подъемаю — но только моимъ повелѣ-
ніямъ смѣло,

„Сынъ, покорись и безспорно мои поученья исполни.

„Тамъ, гдѣ видишь разбросанны груды, утесъ на
утесъ,

„Гдѣ подымается черное облако праха и дыма,

„Тамъ Посейдонъ великимъ его потрясенны тре-
зубцемъ

„Стѣны дробить, и, подрывъ основанья, весь городъ
въ обломки

„Рушить; здѣсь безпощадная Ира, на Скейскихъ
воротахъ

„Грозно воздвигшись, союзную рать съ кораблей
къ Иліону,

„Броней звучащая, кличетъ

„Тамъ — оглянися — на замкъ, надъ градомъ Три-
тона-Паллада

„Сѣла: гремящею тучею блещетъ и страшной Гор-
гоной.

„Самъ Вседержитель и бодрость и бранную силу
низводитъ

„Свыше на Грековъ и самъ на Дарданъ подымаетъ
все небо.

„Нѣтъ упованія, сынъ; бѣги, не упорствуй сражаться;

„Буду съ тобой; невредимо достигнешь родитель-
ской сѣни.“

Такъ сказала и скрылась въ глубокую бездну почную.

Грозные лики тогда мнѣ предстали, разящія Трою
Силы великихъ боговъ я увидѣлъ.

Тутъ открылось, какъ, страшно разрушенъ, въ огнѣ
распадался

Весь Иліонъ и въ обломки валилась Нептунова Троя.
Такъ на густой прародительскій ясень, горы укра-
шенье,

Корни кругомъ подрубивъ, дровосѣки, столпясь, на-
падаютъ;

Споря проворствомъ, разятъ топоры; благородное
древо

Зыблется, сѣнью шумить, волосистой главою тре-
пещеть,

Мало по малу подъ ранами клонится. вдругъ,
изнемогши,

Сонетъ и падаетъ, всю заваливъ разрушеніемъ
гору.

Я удаляюсь, хранимъ божествомъ; иду черезъ пла-
мень,

Мимо враговъ: раздвигаются копья, огонь уступаетъ.
Къ древней обители, къ прагу священной родитель-
ской сѣни

Скоро достигъ я, и первой заботой въ защитное
мѣсто,

На гору старца отца перенести. Приближаюсь къ
Анхизу —

Трою свою пережить и себя осудить на изгнанье

Старецъ отрекся. „ Вы, сохранившіе бодрую младость,

„ Вы, нелишенные крѣпкія мышцы годами, спѣшите

„ Бѣгствомъ спастись, сказалъ онъ.

„ Если бѣ державные боги конецъ мой отсрочить хотѣли —

„ Мнѣ бы они сохранили мой домъ. Но слишкомъ довольно

„ Зрѣть и однажды погибель своихъ и сожженіе града.

„ Съ миромъ идите, почтивши мое полумертвое тѣло

„ Словомъ прощальнымъ; смерть я самъ обрѣту, иль, жалѣя,

„ Врагъ умертвить старика. Не страшна погребенья утрата;

„ Слишкомъ долго, противень богамъ, на землѣ я промедлилъ,

„ Чуждый землѣ, съ тѣхъ поръ, какъ безсмертныхъ и смертныхъ владыка

„ Вѣяньемъ молній своихъ и громомъ ко мнѣ прикоснулся. „

Такъ говорилъ мой родитель, въ жестокомъ намѣреньи твердый.

Мы же въ слезахъ — и я, и Креуза, и юный Асканій Сынъ мой, и съ нами домашніе — молимъ, чтобъ вмѣстѣ съ собою

Онъ, отецъ, семьи не губилъ и въ бѣду не ввергался...

Тщетны моленья; покинуть свой домъ непреклонный
отрекся.

Снова тогда ополчаюсь, отчаянный, жаждущий смерти.
Что иное мнѣ оставалось? Какая надежда?

„Какъ, родитель, чтобъ я убѣжалъ, объ отцѣ
позабывши,

„Требовалъ ты! изъ родительскихъ устъ толь оби-
дное слово!

„Если назначили боги, чтобъ не было Трои великой,

„Если тобой рѣшено истребить съ истребляемымъ
градомъ

„Насъ и себя—для гибели нашей двери отверсты-

„Скоро Пріамовой кровью дымящейся Пирръ, умер:
твивши

„Сына предъ взоромъ отца и отца предъ святыней
Пенатовъ,

„Явится здѣсь! Для того ли сквозь бой и пожаръ,
о богиня,

„Я проведенъ, чтобъ, врага допустивъ во святилище
дома,

„Видѣть, какъ сынъ мой Асканій, и дряхлый отецъ, и
Креуза,

„Кровью другъ друга обливъ, предо мною изтерзаны
будутъ?

„Дайте оружія, воины; время пришло роковое;

„Грекамъ меня возвратите; отвѣдаемъ силы послед-
ней;

„Въ бой, друзья; мы не всѣ неотмщенныя нынѣ
погибнемъ.„

Мечъ опоясавъ и щитъ свой надвинувъ на шуйцу,
изъ дома

Вытти спѣшу; но Креуза, упавъ со слезами на
прагъ,

Ноги мои обняла, и, сына младенца подѣмля
Къ лону отца, возопила: „если себя на погибель
„Ты осудилъ — да погибнемъ съ тобою и мы не-
разлучно!

„Если жъ осталось тебѣ упованье на мечъ и на
силу —

„Прежде свой домъ защити; здѣсь младенецъ Іуль;
здѣсь отецъ твой;

„Здѣсь Креуза.... ее называлъ ты донынѣ своею. „
Такъ вопіяла супруга, стенаньемъ весь домъ оглашая.
Тутъ несказанное въ нашихъ очахъ совершилося
чудо:

Сына Іула съ печалью родительской мы обнимали —
Вдругъ надъ его головою сверкнуло эфирное пламя,
Въ кудри власовъ, не палящее, вѣяньемъ тихимъ
влетѣло,

Пыхнуло ярко, и вкругъ головы обвилося блистанье-
емъ.

Въ трепетъ страха мы отряхаемъ горящіе кудри;
Силимся влагой студеной огонь затушить чудо-
творный.

Чуда свидѣтель, Анхизъ оживленные радостью очи
Къ небу возвелъ и, дрожащія длани подъемля, вос-
кликнулъ:

„О Вседержитель Зевесъ! когда ты молитвамъ до-
ступенъ,

„Призри на насъ, о единомъ молящихъ: если до-
стойны,

„Будь намъ защитой, отецъ, и знаменью дай под-
твержденье! „

Только промолвилъ Анхизъ — помутилось небо, и
страшно

Грянуло вѣвѣ; и быстро упавшая съ темныхъ
тверди,

Мракъ лучезарной разсѣкши браздой, звѣзда побѣ-
жала.

Видѣли мы, какъ она, разразившись надъ нашею
кровлей,

Свѣтлая, вдаль покатилаcь и, путь нашъ означивъ
блистаньемъ,

Пала за Идою въ рошу.... долго, протянуть вдоль
неба,

Слѣдъ пламенѣль и запахомъ сѣрнымъ дымилась
окрестность.

Тутъ побѣжденный старецъ родитель подымается
съ ложа,

Молить боговъ и творить поклоненье звѣздъ путе-
водной.

„Все рѣшено! — возгласилъ онъ — Боги отчизны,
ведите;

„Съ вѣрой иду; сохраните и домъ мой и внука;
то ваше

„Знаменье было и въ вашемъ могуществѣ есть еще
Троя;

„Вамъ покоряюсь; мой сынъ, предводи; за тобою
отецъ твой. „

Такъ онъ сказалъ... и уже приближался къ обители
нашей

Съ трескомъ пожаръ и шумящаго пламени зной
опалалъ насъ.

„Время, родитель; на плечи сыновнія сядь (возгла-
силъ я),

„Дай мнѣ мои подклонить рамена подъ священное
бремя.

„Что бы ни встрѣтило насъ на пути—одно намъ
спасенье,

„Гибель одна; перестанемъ же медлить; младенецъ
Асканій

„Рядомъ со мною поидеть; въ отдаленьи за нами
Креуза.

„Вы же, служители дома, замѣтьте, что вамъ повелю я:

„Есть при изходѣ изъ града холмъ и на холмѣ
Цереринъ

„Древле покнутый храмъ; передъ нимъ кипарисъ
престарѣлый,

„ Съ давнихъ временъ сохраненный почтеньемъ на-
божныхъ предковъ.

„ Тамъ во единое мѣсто изъ разныхъ сторонъ
соберитесь.

„ Лики пенатовъ и утварь тебѣ повѣряю, родитель;

„ Я же, притекши изъ битвы, рукою кровавой не
смѣю

„ Къ нимъ прикоснуться, доколь не очищу себя
орошеньемъ

„ Свѣжія влаги....

Съ сими словами, широкія плечи склоня, и на выю
Сверхъ одѣянья накинувъ косматую львиную кожу,
Старца поднимаю; идемъ; Асканій, мою обхвативши
Крѣпко десницу, бѣжитъ торопяся шагами неровными
съ боку;

Слѣдомъ Креуза; идемъ, пробираясь мглою по стог-
намъ:

Я же, дотолѣ безстрашнымъ окомъ смотрѣвшій на
тучи

Стрѣлъ и отважно встрѣчавшій дружины враждебныя
Грековъ,

Тутъ при малѣйшемъ звукѣ блѣднѣлъ, при шорохѣ
каждомъ

Медлилъ, робѣя за спутника, въ страхъ за милую
ношу.

И уже достигалъ я воротъ, и мнилъ, что опасный
Путь совершился.... вдругъ невдали голоса раздались,

Что-то мелькнуло, послышался топотъ. Пристально
въ сумракъ

Смотритъ Анхизъ: мой сынъ! мой сынъ, бѣги! возо-
пль онъ.

Идутъ! сверкаютъ щиты! оружіе мѣдное блещетъ!...

Кто изъяснить? Божество ли какое враждебною
силой

Умъ мой смутило.... но, въ сторону бросаюсь, чтобъ
мнимой

Встрѣчи избѣгнуть, далекимъ обходомъ я вышелъ
изъ града;

Боги! Креуза исчезла; во тмѣ ль, ослѣпленная ро-
комъ,

Сбилась съ дороги, иль, гдѣ отдохнуть, утомленная,
сѣла —

Я не знаю; съ тѣхъ поръ мы нигдѣ ужъ ее не
встрѣчали.

Только тогда я утрату, опомнясь, замѣтилъ, когда
мы

Холма святаго и древняго храма Цереры достигли.

Тамъ собрались мы, убогій остатокъ Троянъ — а
Креузы

Не было, къ горю спутниковъ, сына, отца и
супруга.

О! кого изъ людей и боговъ я не клялъ, изступлен-
ный!

Было ли что для меня и въ паденьи Цергама ужаснѣй!

Сына Іула съ Анхизомъ отцомъ и съ пенатами Трои
Спутникамъ ввѣривъ, въ излучинѣ дола велю имъ
сокрыться;

Самъ же, блестящей одѣлнъ броней, возвращаюся
въ Трою.

Вновь рѣшено боевые труды испытать, по горящимъ
Стогнамъ Пергама промчаться и грудь подъ удары
подставить.

Къ темному прагу воротъ, черезъ кои мы вышли
изъ града,

Прежде спѣшу, чтобы снова по свѣжему нашему
слѣду

Трою пройдя, замѣчательнымъ окомъ всмотрѣться
въ примѣты:

Всюду ужасъ! даже молчанье въ трепеть приводитъ!
Къ дому Анхиза — не тамъ ли она, не туда ли ей
случай

Путь указалъ — я бѣгу: но Данай ужъ грабили домъ
нашъ;

Все изпровергнуто; съ воплями врагъ по обители
рыскалъ;

Пламень пожара уже прошибалъ изъ-подъ верхнія
кровли;

Вихремъ взвивались искры и въ воздухъ страшно
гремѣло.

Я обратился къ Пріамову дому, къ высокому замку:
Боги! боги! въ притворѣ пустаго Юнонина храма

Звѣрскій Улиссъ и Фениксъ у добычи стояли на
стражѣ:

Тамъ сокровища Трои, богатства сожженныхъ свя-
тилищъ,

Чаши златыя, престолы боговъ и убранства и
ризы

Въ грудяхъ лежали; младенцы и блѣдныя матери
длиннымъ

Строемъ стояли вблизи.

Презря меня окружавшую гибель, дерзнулъ я во
мракъ

Голосъ возвысить; печальный мой кликъ раздавался
по стогнамъ.

Гдѣ ты, Креуза? взывалъ я, взывалъ но было
напрасно.

Въ яростномъ горѣ по грудамъ разрушенныхъ зда-
нѣй я бѣгалъ.

Вдругъ передъ очѣи мои появилась призракомъ, лег-
кой

Тѣнью она. и казалась возвышеннѣй прежняго
станомъ.

Я ужаснулся, волосы дыбомъ, голосъ мой замеръ.
Тихо съ улыбкой, смиряющей душу, сказала Креуза:
„Тщетной заботѣ почто предаешься, безумно пе-
чалась?”

„О Эней, о сладостный другъ, не безъ воли без-
смертныхъ

„ Было сіе: мнѣ не должно итти за тобой изъ Пергама;

„ То запрещаетъ владыка небесъ громодержецъ

Юпитеръ.

„ Долго изгнаникомъ будешь браздить безпредѣль-

ное море;

„ Тамъ въ Гесперіи, гдѣ волны Лидійскаго Тибра

по тучнымъ,

„ Люднымъ равнинамъ обильно — медлительнымъ то-

комъ лѣются,

„ Свѣтлое счастье и царскій вѣнецъ, и невѣсту

царевну

„ Ты обрѣтешь. Не томи жь по Креузъ утраченной

сердца;

„ Нѣтъ! ни дверей Мирмидона, ни пышныхъ черто-

говъ Долопа

„ Я не увижу; не буду рабынею матери Грека,

„ Дочь Дарданіи, вѣчной Венеры невѣстка. . . .

„ Быть при себѣ мнѣ судила великая мать без-

смертныхъ.

„ Ты же прости; поминай о супругѣ любовію къ

сыну.“

Смолкла и тихо со мной, проливающимъ слезы,

разсталась;

Много хотѣла сказать, но она улетѣла; трикраты

Я за летящую тѣнію руки простеръ и трикраты

Легкая тѣнь изъ напрасно — объемлющихъ рукъ

ускользнула,

Словно какъ вѣющій воздухъ, словно какъ сонъ
мимолетный.

Такъ миновалася ночь; возвращаюсь къ товарищамъ
бѣгства;

Много толпою притекшихъ изъ Трои спутниковъ
новыхъ

Тамъ нахожу, изумленный: матери, мужи, мла-
денцы,

Жалкій народъ бѣглецовъ, неозвратно утративъ
отчизну,

Съ бѣднымъ остаткомъ сокровищъ, тѣснилися тамъ,
приготовясь

Купно со мной за морями искать обреченнаго
брега.

И уже восходилъ надъ горой свѣтоносный Люци-
феръ,

Юнаго дня благовѣстникъ, и всѣ ворота Иліона
Заперты были врагомъ..... упованье исчезло!
судьбинѣ

Я уступилъ и Анхиза понесъ на высокую Иду.

*Я Музу юную, бывало,
Встрѣхалъ въ подлунной сторонѣ,
И Вдохновеніе летало
Съ небесъ, незваное, ко мнѣ;
На все земное наводило
Животворящій лучъ оно —
И для меня въ то время было
Жизнь и Поэзія одно.*

*Но дарователь пѣснопѣній
Меня давно не посѣщалъ;
Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній,
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ моя утрата?
И вѣчно арфы не звучать?*

*Но все, что отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все, что отъ милыхъ темныхъ, ясныхъ
Минувшихъ дней я сохранилъ —*

*Цветы мечты уединенной
И жизни лучшіе цветы —
Кладу на твой олтарь священный,
О Геній чистой красоты.*

*Не знаю, свѣтлыхъ вдохновеній
Когда воротится чреда —
Но ты знакомъ мнѣ, чистый Геній,
И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда.
Пока еще ея сіянье
Душа умѣетъ различать:
Не умерло огарованье;
Былое сбудется опять.*

КОНЕЦЪ ШЕСТАГО ТОМА.

Illegible text line

Illegible text line

Illegible text line

Illegible text line

Illegible text line

Illegible text line

Illegible text line

Illegible text line

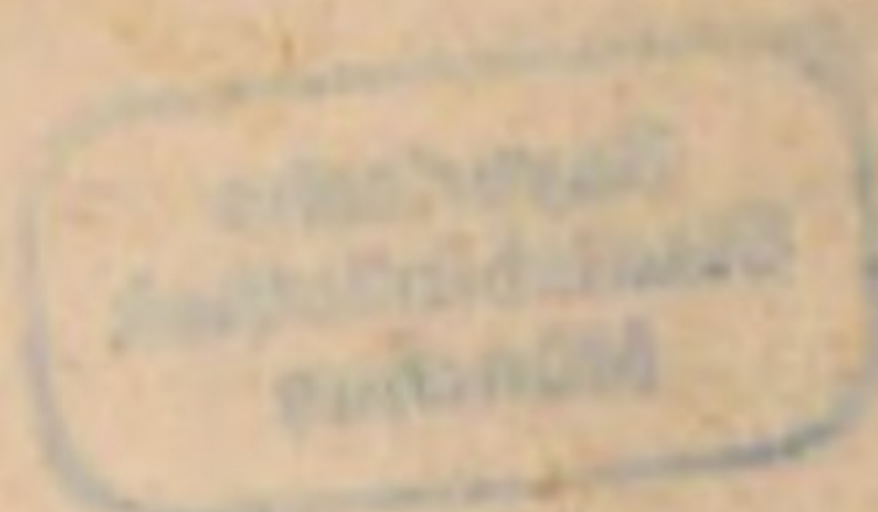
Illegible text line

Illegible text line

Illegible text line

Illegible text line

Illegible text line

ПРИМѢЧАНІЯ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

КЪ ШЕСТОМУ ТОМУ.

ПРАМАТЕРЬ ВНУКЪ.

Стихи сіи написаны на первое причащеніе Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИЛІАДЫ.

Сей переводъ сдѣланъ по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ. Переводчикъ, не знающій по Гречески, старался только угадывать Гомера, имѣя предъ глазами Нѣмецкіе переводы Иліады—Фоссовъ и Штольберговъ. Стихи, напечатанные *курсивомъ*, принадлежатъ самому переводчику: они служатъ соединеніемъ отрывковъ, вполнѣ переведенныхъ изъ Иліады и заимствованныхъ изъ VI. XVII, XVIII, XIX и XX пѣсней.

СЕЛЬСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Опытъ перевода съ Аллеманскаго нарѣчія. „Гебель — говоритъ Гете „объ Авторѣ *Аллеманскихъ стихотвореній*, изображая свѣжими, яркими „красками неодушевленную природу, умѣетъ оживотворять ее милыми „аллегоріями. Древніе Поэты и новѣйшіе ихъ подражатели наполняли „ее существами идеальными: Нимфы, Дріады, Ореады жили въ утѣ- „сахъ, деревьяхъ и потокахъ. Гебель напротивъ видитъ во всѣхъ „сихъ предметахъ однихъ знакомцевъ своихъ *поселянъ*, и всѣ его

„ стихотворные вымыслы, самымъ пріятнымъ образомъ, напоминаютъ
„ намъ о сельской жизни, о судьбѣ смиреннаго земледѣльца и пастуха.
„ Онъ выбралъ для мирной своей Музы прекрасный уголокъ природы,
„ котораго никогда съ нею не покидаетъ: она живетъ и скитается въ
„ окрестностяхъ Базеля, на берегу Рейна, тамъ, гдѣ онъ перемѣнивъ
„ свое направленіе, обращается къ сѣверу. Ясность неба, плодородіе
„ земли, разнообразіе мѣстоположеній, живость воды, веселость жителей
„ и милая простота нарѣчія, избраннаго Поэтомъ, весьма благопріятны
„ его прекрасному, оригинальному таланту. Во всемъ, и на землѣ и на
„ небесахъ, онъ видитъ своего сельскаго жителя; съ плѣнительнымъ про-
„ стосердечіемъ описываетъ онъ его полевые труды, его семейственные
„ радости и печали; особенно удаются ему изображенія временъ дня и
„ года; онъ даетъ душу растѣніямъ; привлекательно изображаетъ все
„ чистое нравственное и радуется сердцу картинами ясно-беззаботной жизни.
„ Но такъ же просто и разительнo изображаетъ онъ и ужасное и не-
„ рѣдко съ тою же любезною простотою говорить о предметахъ болѣе
„ высокихъ, о смерти, о тлѣнности земнаго, о неизмѣняемости небеснаго,
„ о жизни за гробомъ — и языкъ его, не преставая ни на минуту быть
„ искусственнымъ языкомъ поселанина, безъ всякаго усилія возвышается
„ вмѣстѣ съ предметами, выражая равно удачно и важное и высокое и
„ меланхолическое. Нарѣчіе, избранное Гебелемъ, есть такъ называемое
„ *Аллеманское*, употребляемое въ окрестностяхъ Базеля. “

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТАГО ТОМА.

СМѢСЬ.

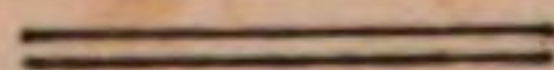
	Стран.
Библія	5.
Праматерь внука	9.
Пѣснь на присягу Наслѣдника	12.
Народныя пѣсни	14.
Къ Филону	16.
Невыразимое (отрывокъ.)	18.
Многолѣтіе	20.
Двѣ пѣсни	22.
Уединеніе (отрывокъ.)	26.
Ивану Ивановичу Дмитріеву	30.
Листокъ	33.
Дружба	34.
Къ Делію (подражаніе Горацію.)	35.
Къ К. М. С. ой	37.

	<i>Стран.</i>
Стихи вырѣзанные на гробѣ А. Ѳ. С.....ой.	38.
Къ Тургеневу, въ отвѣтъ на стихи присланные имъ вмѣсто письма	39.
Надгробіе И. П. и А. И. Тургеневымъ	41.
Воспоминаніе	42.
Добрый совѣтъ въ альбомъ В. А. А.....	43.
На смерть семнадцатилѣтней Эрминіи	45.
Идиллія	46.
Сонъ Могольца, баснь	47.
Привидѣніе	50.
Близость весны	52.
Мечта	53.
Побѣдитель	55.
Три путника	56.
Эпимесидъ	58.
Отрывокъ изъ посланія къ Князю Вяземскому ..	62.
Моя богиня	65.
Видѣніе	71.
Орель и голубка	73.
Аббадона	76.
Теонъ и Эсхинъ	90.
Счастіе	97.
Ночной сторожъ	101.
Путешественникъ и поселанка	104.

СЕЛЬСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ:

1. Овсяный кисель	115.
2. Деревенскій сторожъ въ полночь	122.

	<i>Стран.</i>
3. Тлѣнность. Разговоръ на дорогѣ, ведущей въ Базель, ввиду развалинъ замка Ретлера; ве- черомъ.....	128.
4. Воскресное утро въ деревни	134.
5. Утренняя звѣзда.....	138.
6. Лѣтній вечеръ	142.
Цейксъ и Гальціона, отрывокъ изъ Овидіевыхъ превращеній	146.
Отрывки изъ Иліады	168.
Разрушеніе Трои, опытъ перевода Энеиды. книга II.....	210.

1. Введение	1
2. Описание местности	10
3. Описание населения	20
4. Описание хозяйства	30
5. Описание культуры	40
6. Заключение	50
7. Приложение	60
8. Литература	70
9. Иллюстрации	80
10. Заключение	90

Введение

Описание местности

Описание населения

Описание хозяйства

Описание культуры

Заключение

Приложение

Литература

Иллюстрации

Заключение

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.

Читай.

Стран. Строка.

129	1	вода! Ты видишь:	вода; ты видишь
—	2	звѣзды! Можно	звѣзды; можно
130	7	Гдѣ они	гдѣ они
—	10	въ могилу! Кое-гдѣ	въ могилу; кое-гдѣ
132	23	не видимъ!.... Но	не видимъ.....но
137	4	Въ деревнѣ	въ деревнѣ
139	7	всѣ	Всѣ
149	3	душѣ! наконецъ	душѣ. Наконецъ
152	18	упадаетъ	упадетъ
157	14	гдѣ сонъ	гдѣ Сонъ
160	5	удалитель заботъ	усладитель заботъ
—	9	обманчивой правдѣ	обманчивый правдѣ
179	24	съ сестрой; имъ	съ сестрой. Имъ
—	27	на сердцѣ моемъ!	на сердцѣ моемъ;
180	9	И вѣчно	и вѣчно
812	26	родительскихъ	Родительскихъ
185	5	прійду я.	приду я.
191	15	въ Трою! какой же	въ Трою? Какой же
192	3	встрѣтить! Отважно	встрѣтить; отважно
194	3	котель треножный	котель треножный
—	25	Плакаль. Окрестъ	Плакаль; окрестъ
198	24	Сердце ни брашномъ,	Сердце ни пицей,
200	1	о томъ помышляли	о томъ помышляя
—	11	одинокій; другіе	одинокій? Другіе
201	20	наполнено; злобой	наполнено. Злобой
213	8	Виритель	Вѣрите ль
216	26	прибавлю! когда	прибавлю? Когда
218	21	придающее	предающее
224	25	и запутавшись	и спутавшись

Žukovskij, Vasilij Andreevič,

Stichotvorenija

Bd.: 6

St. Petersburg 1836

P.o.rel. 3424-5/6

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036426-7